

ISSN 0868–5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 1
2024

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukozza2010@yandex.ru

Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы в электронном виде с фотопортретом и краткой биографической справкой автора. Редакция не вступает в переписку с авторами и не рецензирует присланные произведения.

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, Ю.Н. БОГДАНОВ,
Н.А. КАРТАШОВ, В.Н. КРУПИН,
М.М. ПОПОВ, В.В. СОРОКИН,
А.П. ТОРОПЦЕВ, А.А. ТРАПЕЗНИКОВ,
В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 2860

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868–5819 «Московский Вестник», 2024, № 1

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора. *Иван Голубничий*..... 5

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Константин Белый

Из цикла «Русь Исконная». Стихи..... 8

Борис Кузнецов

Война дяди Филиппа. Очерк..... 18

Анна Ретеюм

Тишиной заветною дышу я... Стихи..... 37

Сергей Луконин

Три рассказа 47

Николай Соляник

Я у тополя дальнего... Стихи 69

Евгения Позина

Дачницы. Маленькая повесть..... 83

Василий Ловчиков

В объятия романсов. Стихи..... 150

Юлия Кара

Два рассказа..... 156

Марк Казарновский

Три рассказа 208

Вячеслав Соломов

Моя голубоглазая планета. Стихи..... 228

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Сказки и их значение для подрастающего поколения.

Круглый стол..... 236

Татьяна Коти

Принцесса Чайная Роза. Сказка 259

Людмила Максимчук

Из авторского цикла «Порядок вещей». Сказки 280

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анастасия Борискина

Непобедимые русские: психологический портрет

русского солдата 294

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

На протяжении всего постсоветского периода, особенно в конце прошлого века, своего рода навязчивой идеей определённых общественно активных сил было некое «возвращение к истокам», от которых мы, якобы, удалились за семьдесят лет советской власти. В результате воплощения этой идеи были преднамеренно разрушены и дискредитированы целые пласты народной жизни и культуры, игравшие роль связующих звеньев между поколениями людей; важнейшие факторы национального единства и духовного развития были объявлены неактуальными и заслуживающими отказа от них. Нет необходимости перечислять все этапы, через которые прошло наше государство на пути к пониманию глубины создавшейся проблемы. Многие помнят атмосферу девяностых годов прошлого века, с её удушающим цинизмом и бытийной безнадежностью. Последствия той эпохи мы продолжаем ощущать и сегодня. Разговоры о кризисе компетентности, о низком уровне образованности, о нравственном кризисе и прочем подобном – давно уже стали общим местом. Но поскольку наше дело – литература, скажем несколько слов о ней, о тех её проблемах, которые являются прямыми следствиями упомянутого «возврата к истокам».

Помимо того несомненного факта, что советская литература подарила нашей стране целую плеяду великих, выдающихся и просто хороших писателей – поэтов, прозаиков, критиков, – советская литература оставила нам в наследство эталон профессионального мастерства (того, которое было принято называть «уровень»). Уважение к языку, ориентированность на развитие классической традиции, сохранение нравственно здоровой атмосферы в пространстве литературы – эти, а также многие другие качества советского литературного процесса в своей совокупности служили духовному развитию народа, его морально-нравственному, эстетическому и гражданскому вос-

питанию. Не отрываясь от национальной традиции, советская литература являла собой её органичное продолжение в условиях изменившейся действительности. Само собой, не обходилось без перегибов, неизбежных в жизни, но в целом вектор развития советской литературы был конструктивным, отвечал интересам государства, народа и каждой отдельной личности, стремящейся к познанию мира и самосовершенствованию.

Сегодня перед отечественной литературой встала в полный рост проблема соответствия самой себе, своей изначальной сущности, определившей её роль в формировании русского, российского национального самосознания и в общемировой культуре. В результате длительного господства в литературно-медийных и издательско-премиальных структурах определённой тенденции, направленной на переформатирование русской культуры, образ современной русской литературы зачастую представлялся искажённым, противоречащим государственным, национальным и бытийным интересам России. Фактор литературного таланта и высокого вдохновения фактически был подвергнут отмене, на первый план были выдвинуты идеологические и эстетические тенденции, зачастую откровенно враждебные российской культуре. Всё это неизбежно оказывало деморализующее воздействие на народное сознание, тормозило развитие и движение вперёд.

Сегодня, в условиях возвращения России к своим настоящим, а не придуманным, истокам, к приверженности традиционным ценностям, уважению к своей истории в её полноте, многонациональному единству, всё более остро ощущается потребность в возрождении общенационального литературного процесса, со всеми его необходимыми качествами – честностью, открытостью, здоровой конкурентностью в системе координат российской традиции, широтой и всеохватностью патриотического мировоззрения. Главная, решающая роль в этом деле принадлежит государству. Но и сами писатели должны сохранять ответственную готовность к неизбежным переменам.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

**СТИХИ, ПРОЗА,
ПУБЛИЦИСТИКА,
ОЧЕРК**

Константин БЕЛЫЙ

Константин Владимирович Белый – поэт, прозаик, переводчик. Член Московской городской организации Союза писателей России, Союза журналистов России. Кандидат педагогических наук. Заслуженный тренер России. Автор трёх стихотворных сборников «Вешалка», «Сестра таланта», «Игра в 21». Автор романа «Свинг» (отмечен премией «Проксима Центавра»), рассказов, историко-краеведческих публицистических книг. Публиковался во многих коллективных поэтических и прозаических сборниках, различной периодике.

Лауреат и дипломант многих творческих конкурсов (поэзия, публицистика), в частности, премии А. Дельвига «Литературной газеты», конкурсов «Петровские литературные верфи» музея-заповедника «Михайловское», «Пробуждая сердца» движения «Бессмертный полк», «Доброе слово» МВД России, конкурсов более десяти региональных отделений СПР, конкурсов различных ЛИТО и др. Победитель и лауреат многочисленных конкурсов поэтического перевода.

Живёт в Москве.

ИЗ ЦИКЛА «РУСЬ ИСКОННАЯ»

РОССИЯ

Россия! Родина моя!
Ты растеклась за небосвод.
И солнце в дальние края
Так долго над тобой плывёт.

И смотрит, удивляясь, вниз:
Ты не похожа на других.
В тебе века переплелись,
Народы и дороги их.

О! Ты, раскинув руки вширь,
Собой объяла полземли.
От тундры до лесной глуши,

От моря до степной пыли,
От льдов до каменных вершин
Просторы русские легли.

РУСЬ ИСКОННАЯ

Покосилась церковь древняя
За столетья.
Снег в заброшенной деревне
Носит ветер.

Улиц, по плетень закопанных,
Не отыщешь.
Избы низкие в сугробах
Прячут крыши.

В снежном море закопчёные
Трубы тонут.
И под спудом стены чёрные
Скрипом стонут.

А у яблонь надломились
Ветки старые.
На четыре стороны лес
За амбарами.

Нет к деревне тут дорог-путей –
Снега много.
Не видали избы здесь гостей
Слишком долго.

Лапами сцепились ельники
В хороводах.
В ряд кусты и можжевельники –
Нету хода.

Только ветер всё кружит-пуржит,
Только выюга.
Русь Исконная – как нам жить
Друг без друга?

ИСТОЧНИК

Дремучи русские леса,
Сурово тёмное убранство.
Хранят покой и постоянство
Природы древней голоса.

Скрипят деревья, стонет лес,
Кричат испуганные птицы...
Здесь может всякое случиться,
И чужакам нет хода здесь.

Здесь не проехать, не пройти –
Тут сгинет конный или пеший.
Здесь только дикий зверь да леший
Находят тайные пути.

Здесь чащи встали в полный рост,
Овраги прячут злые кручи.
Здесь даже солнца редкий лучик
Незванный и неожиданный гость.

Здесь за провалами болот
Кругами ведьмины опушки.
Здесь не кричат вослед кукушки
Тому, кто вдруг сюда дойдёт.

Здесь берега неспешных рек
Кусты замкнули в хороводы.
Здесь смотрят медленные воды
На облаков беспечный бег.

Здесь время будто не течёт,
Оно почти остановилось.
Здесь кажется, что всё приснилось,
И всё совсем наоборот.

Здесь не отыщут, не найдут
В тиши природы полусонной.
И, всё-таки, Руси Исконной
Источник жизни вечной тут.

ВЕРНЫЙ СТРАЖ

Лопочет мокрыми листьями
О чём-то потаённый лес.
Он между былями и снами,
Он где-то между «там» и «здесь».

Таят пути в миры иные
Болот бездонные глаза.
Кикиморы и водяные
Исполнят всё, что лес сказал.

Непроходим и заповедан,
Не знает ни дорог, ни троп.
И только леший волчьим следом
Бредёт – скрипят коряги стоп.

Не слышно звуков, очень тихо,
Замолкли птицы, звери спят.
Лишь иногда завоет лихо:
Не спрятался – сам виноват.

Но я здесь свой, и мне не страшно –
Я слышу чащи каждый вздох.
Руси Исконной верный страж, но
Мне лес и друг, и брат, и бог!

МИЛАЯ ВОЛОГДА

Не Москва с Окой, и не Волго-Дон,
А спокойная тихая Вологда
Вместе с Сухоной потаённую
Приютили-спасли Русь Исконную.

Не широкие реки, не узкие,
Очень скромные, очень русские.
Не торопятся, не спеша текут.
Облака веков над водой плывут.

Русла их в переборах да с мелями.
Берега у тех рек в соснах с елями –
Пораскинули кроны могучие
И над поймами, и над кручами.

Реки, вроде бы, невеликие,
Но места там таёжные, дикие.
Затерялись в них сёла с деревнями,
За болотами, под деревьями.

Притаились замшелыми срубамы,
С виду мрачными, да не грубыми,
Шестистенки под скатами лестницей,
Поднимается дым к солнцу с месяцем.

А над реками города стоят,
Повернув к воде свой резной фасад
С мезонинами да с балконами,
И в наличниках окна – иконами.

Три былинные чудо-города:
Тотьма, Ёстюг и милая Вологда.
Непохожие, несравненные,
В красоте своей несовременные.

Купола-кресты, образа икон..
Разливается колокольный звон
Переливами да по-над водой –
Русь Исконная говорит с тобой.

Голос этот негромкий и искренний.
Он в душе рассыпается искрами.
И несут его русские две реки
От Европы и до Америки.

МОЛÓГА

Меж Молóгою и Шéксной,
Где не море – Волга-мать,
Вод неспешных скрыла гладь
Город призрачный, чудесный.

Там когда-то в междуречье
Русь Исконная жила,
И луга платком клала
Волге-матушке на плечи.

И текли неспешно реки
Той Руси из века в век,
Только перешло на бег
Всё вокруг в двадцатом веке.

Меж Молóгою и Шéксной,
Где блестели купола,
Волга воды разлила –
Меж плотин ей стало тесно.

Растеклась она привольно...
И плывёт по-над водой
Плач и стон земли родной –
Звон печальный колокольный

Там, где Китеж-град уездный
Спрятал в тёмной глубине
Русь Исконную на дне
Меж Молóгою и Шéксной,

ГРАД-БАТЮШКА ПСКОВ

Укрытый дубами да вязами,
Пятью поясами подвязанный,
Крещёный Святыми былинными,
Хранимый мечом и святынями,
Могуч и суров,
Град-батюшка Псков
Стоит неприступной твердынею.

Окольный град стёнами-валами
От Крома и до Валаамовой,
За Плоской, Гремячей, Покровскою
Хранит белокаменность Псковскую.
Звон колоколов
Град-батюшка Псков
Льёт по-над землёю кремлёвскою.

В приземистых цёрквах с иконами
Веками почит Русь Исконная.
А золото сыплется бликами
С крестов во Пскову́ и Великую.
Из-под куполов
Град-батюшка Псков
Глядит чудотворными ликами.

В Запсковье глядит, в Завеличье и
Своё утверждает величие.
Столетия войнами вспороты –
Извечно был крепостью-городом.
От лютых врагов
Град-батюшка Псков
Руси был щитом и опорюю.

Так издревле было! Не ведали,
Тевтоны, ливонцы ли, шведы ли,
Эстонцы ли, немцы с поляками,
Что в русскую землю полягут. И
Где был путь полков
На батюшку-Псков,
Воробны кружат над полянами.

Глубокие раны затянутся,
Но шрамы с рубцами останутся,
И будут и через столетия
По-прежнему жечь и болеть они.
На веки веков
Град-батюшка Псков
Хранитель святого наследия.

ТУЛА – ТРУЖЕНИК И ВОИН

Город древний, город славный,
Город скромный. Но порой
Как в былине стародавней,
Вознеся крест православный,
Ты являешь образ главный:
Город – витязь и герой!

Ты весь выкован из стали.
Ты отлит из чугуна.
И когда Россию рвали,
Чёрным сапогом топтали,
На пути врага вставали
Твои башни и стена.

Ты, собою прикрывая
Сердце Матушки-Руси,
Шёл на битву, меч вздымая,
Головы не опуская.
Даже если был у края –
Ты пощады не просил.

Город – труженик и воин.
Город-щит и город-меч.
Славы доблестной достоин,
Мудр и величав, спокоен.
Лишь одним обеспокоен:
Русь Исконную сберечь.

Борис КУЗНЕЦОВ

Борис Садокович Кузнецов – поэт, прозаик. Родился 25 августа 1945 года в Иркутской области. Среднюю школу окончил в Иркутске. С 1963 по 1992 годы служил в ВВС Советского Союза. После окончания Харьковского высшего военного авиационного училища лётчиков служил на Западной Украине, в Прибалтике, Польше и Туркестане. Окончил Военно-политическую академию.

Последнее место службы – Москва. Участник боевых действий в Афганистане и Эфиопии. Полковник, награждён более 30 орденами и медалями Советского Союза, Российской Федерации, других государств, ведомственными и юбилейными медалями. Работает в ряде общественных организаций. Член Московской городской организации Союза писателей России.

На протяжении многих лет увлекался литературными набросками, воспоминаниями, писал рассказы, стихи. Многие из этого размещено в сборниках «Жизнь в авиации и человеческие судьбы» и «Военно-воздушные силы – дело нашей жизни». Опубликовал несколько книг. Материал «Война дяди Филиппа» включён в книгу «С любовью о прошлом и настоящем».

Живёт в Москве.

ВОЙНА ДЯДИ ФИЛИППА

Очерк

На фронте из нашей семьи воевали двое: дядя Ардалион – брат отца, и дядя Филипп – брат матери. Дядя Ардалион был тяжело ранен и с войны вернулся живым. Дядя Филипп с войны не вернулся. Я читал его письма, которые он писал своей матери, моей бабушке Дуне. Это были короткие, пронзительные письма. В самый тяжёлый период войны в письмах была уверенность, что мы победим. (Торгунаков Филипп Ефимович родился в 1915 году в селе Колеул Мариинского района Кемеровской области).

Почему я хочу написать о своём дяде Филиппе, который провоевал всего около года, хлебнул «лиха» и пропал без вести? Имею ли я право писать о том, чего не пережил сам, не был участником тех событий? Поколение советских людей, рождённых в сороковых годах прошлого века, само не воевало, но войну помнит. Дети того времени на себе ощутили её последствия.

Почти вся Европейская часть Советского Союза была в руинах. С лица земли были стёрты тысячи населённых пунктов, надо было восстанавливать заводы и фабрики. Необходимо было возрождать сельское хозяйство, переводить промышленность на производство мирной продукции, заводы с Востока возвращать в города, где они работали до войны. Затянув пояса, советский народ быстрыми темпами ликвидировал последствия опустошительной войны. Жизнь ещё была скудной, но боль от утрат потихоньку уходила.

Война ещё жила в сердцах людей, переживших её. Фронтовики, оправившись от войны, начали рассказывать, как они воевали, за что получали боевые награды. В стране хорошо работала система патриотического воспитания молодёжи. Героическим подвигам советских солдат посвящались кинофильмы, военная тематика широко освещалась в литературе.

За свою жизнь я собрал дома богатую библиотеку, насчитывающую более 3 тысяч книг. И добрая часть этой библиотеки отражает события Второй мировой войны. В моей библиотеке

более 300 томов военных мемуаров, воспоминаний политиков и государственных деятелей. И не только советских, но и зарубежных, в том числе и тех, кто воевал против нас.

Я работал более 8 лет в комсомоле. В то время в работе комсомольских организаций много внимания уделялось военно-патриотическому воспитанию. Встречи с участниками Великой Отечественной войны проводились регулярно, и от них я слышал о многих эпизодах фронтовой жизни. Отец моей жены, Трофимов Степан Ильич, на фронт ушёл в первые дни войны и пробыл на ней до осени 1945 года. Уже после Победы он ещё оставался несколько месяцев в составе наших войск на территории Германии. А началась его война на Московском направлении, он участник кровопролитных боёв под Ржевом. От его рассказов о войне стыла в жилах кровь. От дяди Филиппа с фронта пришло несколько писем, солдатских треугольников, которые я читал. Письма, видимо, проходили проверку органами, некоторые слова были «вымараны». В письмах было всего несколько эпизодов из его боевой биографии.

Белинский В.Г. писал, что у всякого человека есть своя история, а в истории – критические моменты. И о человеке можно безошибочно судить, смотря по тому, как он действовал и каким он являлся в моменты, когда на весах судьбы лежала его жизнь и честь. Из известных моментов боевой жизни дяди Филиппа, из рассказов о нём у меня сложилось мнение, что это был человек твёрдой воли и силы духа. Опираясь на его письма, на архив боевого пути полка, в котором он воевал, на рассказы бабушки и моей матери, исходя из своего восприятия Великой Отечественной войны, я и рискнул написать о своём дяде – Торгунакове Филиппе Ефимовиче, безвестно пропавшем на фронте. Он погиб за то, ради чего стоит жить. Достоверно описать его действия на фронте, его переживания нереально. Но, я думаю, ему пришлось испытать такие же чувства, что и многим солдатам, оставшимся в той мясорубке живыми. И их рассказы, наверное, мало чем отличались от того, что пришлось пережить Филиппу Ефимовичу. Кроме того, при подготовке материала я использовал документы 920 стрелкового полка и 52 гвардейского стрелкового полка,

в которых воевал дядя Филипп: Исторические формуляры и журналы боевых действий полков, боевые донесения, планы и карты боевых операций. Все эти документы мне удалось найти в интернете. А ещё я хотел бы показать сложности первого периода Великой Отечественной войны, которые отразились на ходе войны, на отступлении наших войск.

* * *

Жизнь в глухом сибирском селе Колеул перед войной «была ключом». С раннего утра до позднего вечера работа. А по вечерам с разных концов села слышался смех, лились молодёжные песни. Но тревога нарастала. Войну все ждали, но она началась неожиданно. В Колеуле жизнь словно замерла. Прекратилось веселье, неслышно было смеха и песен, все разговаривали тихо, словно боялись спугнуть нависшую тишину. В каждой семье надеялись, что их война минует, немцев быстро разобьём и мужа или сына на фронт не возьмут.

Но этим надеждам сбыться было не суждено. Война требовала кровавой «пищи», и она ждала свои жертвы. Уже на третий день после начала войны из Колеула на призывной пункт в

районный центр Мариинск убыли первые односельчане, их вышло провожать всё село. Через две недели повестка пришла ещё 12 односельчанам, в том числе и Торгунакову Филиппу, брату моей матери. Все они раньше служили в армии, но все навыки военного человека были забыты, они давно стали гражданскими людьми. Однако у сибиряков было одно качество, хорошо пригодное для войны – все они охотники, все могли попасть из ружья белке в глаз, чтобы не испортить ей шкурку. Поэтому все были направлены в пехоту.

На двух телегах мужиков довели до Мариинска, переодели в военную форму и распределили по подразделениям. С ними организовали пару тактических занятий, провели стрельбы, посадили в эшелон, и поезд с короткими остановками помчал необстрелянных мужиков прямо в пекло кровавой войны. В течение всей дороги их учили воевать. Но это была теория, а практику им пришлось через несколько дней осваивать на поле боя. Кому-то повезло, и он успел быстро врасаи в боевую обстановку, а кто-то погиб, не выстрелив по врагу из своей винтовки ни разу. У всех судьба была своя.

Во время движения железнодорожного состава на Запад на случай налёта немецкой авиации, почти на всех остановках проводили тренировки быстрого покидания вагонов и рассредоточения недалеко от железнодорожных путей. Когда проехали Москву, тренировкигодились. Но одно дело выскакивать из вагонов, когда по тебе никто не стреляет. А когда вдруг вокруг вагонов начали рваться бомбы, поезд резко остановился, и прозвучала команда «Воздух», началась давка. Все стремились быстрее выскочить из вагона, он был хорошей мишенью для вражеских самолётов.

На этот раз всем повезло, ни паровоз, ни вагоны не пострадали, не было и погибших. Неожиданно появилась четвёртка тупоносых истребителей со звёздами на крыльях (И-16) и атаковала немецких «юнкерсов». Кроме этого, в составе эшелона были две платформы со спаренными зенитными пулемётами, которые тоже открыли огонь по немецким самолётам. Один из них задымил сразу, через несколько минут второй. Самолёты

стали освобождаться от бомб, сбрасывая их не по цели, и уходить на Запад.

В это время в воздухе появились немецкие истребители, завязался воздушный бой. И уже пара наших «ястребков», задымив, рухнули на землю. Через несколько минут всё затихло. Снова сели в вагоны, и состав помчал вновь сформированный полк в жернова войны. Каждого впереди ждала нелёгкая судьба. До победы доживут единицы. Ещё вчера у селян в жизни были какие-то намерения и цели. А сегодня они все об этом напрочь забыли. В их жизнь ворвалась беспощадная война, и они оказались перед ней незащищёнными, как дети.

По мере приближения к фронту у Филиппа росло чувство тревоги. Он был уверенный в себе, крепкий, здоровый мужик. В армии служил в пехоте, пришлось кое-что из подзабытого вспомнить. Особенно быстро восстановил навыки окапываться. За службу в армии перекопал огромное поле. В Мариинске за пару тренировок выкопал несколько окопов, привыкшие к труду руки быстро делали своё дело. На стрельбах из винтовки выбил все десятки. Казалось, что в строю не должен быть последним, этого он не любил. Но его тревожила неизвестность.

Каждый день комиссары по вагонам проводили политинформации. Он никак не мог понять, почему немцы так быстро продвигаются вглубь страны? Идут тяжёлые бои, значит, Красная Армия сопротивляется. Но тогда почему она откатывается от своих границ? Почему немецкий сапог топчет нашу землю?

Он смотрел на своих соседей – солдат по вагону, с которыми познакомился всего несколько дней назад. Это все крепкие молодые мужики, прошедшие армию. Ему казалось, что полк таких мужиков свернёт горы. А таких полков в Советском Союзе сотни. Но в сводках каждый день звучало, что после тяжёлых, кровопролитных боёв мы оставляем всё новые и новые города. И что всё больше и больше враг захватывает нашей территории.

Значит, этот враг силён, и силён значительно, чем говорили раньше. Почему недооценили? А где были наши умные политики, где разведка? Почему, имея опыт войны в Монголии и с Финляндией, так быстро отходим на Восток? Чем больше возникало

вопросов, тем становилось тревожнее. Волновала мысль – как далеко «рванёт немец», хватит ли ему сил взять Москву? А если вдруг возьмёт, то что потом? Тогда где мы его сможем остановить? Филипп гнал эти мысли от себя, но они всё время возвращались и томили душу. А после бомбёжки состава за Москвой они всё чаще стали казаться реальностью. Ещё не увидев врага в лицо, Филипп уже проникся к фашистам лютой ненавистью.

* * *

В двадцатых числах июля полк, в котором на фронт ехал Филипп, на рассвете за Смоленском разгрузили. И в первый же день, ещё не сделав ни одного выстрела по врагу, полк попал под жёсткую бомбардировку немецкой авиации. «Юнкерсы» встали в круг и один за другим стали сбрасывать бомбы на разбегающийся в разные стороны полк. От полной беспомощности и от воя падающих бомб сознание пронизывало чувство жуткого страха. Кое-кто пытался из винтовок палить по самолётам, но это всё равно что стрелять из пушки по воробьям.

А война собирала свой «урожай». Понеся первые боевые потери, полк ускоренным маршем шёл на Запад, навстречу врагу. И эта встреча оказалась неожиданной и роковой. Впереди полка показались немецкие танки. Окапываться времени не было, полк с хода вступил в бой. Вражий ветер принёс свинцовые ливни. Снаряды и пулемётные очереди выкосили почти половину полка. Танки, не останавливаясь, пошли дальше на Восток, в сторону Смоленска. А впереди показалась вражеская пехота. Командиры, собрав поредевший полк, организовали оборону.

Но удержаться не удалось, слишком большой перевес сил был на стороне немцев. Отстреливаясь, полк отходил в сторону леса, а оказавшись на его опушке, побежал вглубь.

Немцы не стали преследовать остатки полка. Это была не их задача, их цель как была можно дальше продвинуться на Восток, как можно ближе к Москве. За ними шла вторая волна войск, которая добывала остатки разбитых советских частей. В лесу за пару часов удалось собрать то, что от полка осталось. Распре-

делили оставшихся бойцов и командиров по подразделениям. Пересчитали оружие и боеприпасы.

Перекусив сухим пайком, выданным каждому ещё в поезде, значительно поредевший полк начал движение на Восток, в сторону своих войск. Ещё никто не знал, как далеко они оказались в тылу вражеских войск, и что их ждёт впереди. Передвигаться приходилось днём по лесу, а если по открытой местности, то ночью. Днём сразу атаковали немецкие «юнкерсы». Постоянно происходили стычки с немцами. Каждый день полк нёс потери. Убитых, если была возможность, хоронили наспех, а то и просто прикидывали ветками. Сначала досаждали зной, комары и мошка, а потом пошёл дождь. Все промокли, ноги вязли в грязи, она налипала на обувь, висела на ней как гири. Шли голодные, злые, измотанные. Но оружие берегли, хотя боеприпасы таяли, как снег в солнечный весенний день.

На рассвете четвёртого дня неожиданно наткнулись на большую группу немецких мотоциклистов. От пулемётного огня врассыпную бросились по кустам, ветки хлестали по лицу. Бежали, пригнувшись к земле, пулемётные очереди сбивали над головами ветки с деревьев. Когда стрельба окончилась, попадали на землю, чтобы отдышаться от смертельного огня, который гнал обессиленных бойцов подальше в лес, в болото, чтобы уцелеть. Что движет человеком, когда он ощущает дыхание смерти? Жажда жизни или боязнь смерти? Откуда у людей берутся силы, чтобы перепрыгивать через канавы, которые ещё несколько минут назад обходили стороной?

И в этой бешеной страсти убежать от немецких пуль, обогнать их, никто не помышлял бросить оружие. Без него верная смерть. Плен тоже равнозначен смерти. Вчера проходили мимо временного лагеря военнопленных, который немцы соорудили на опушке леса. Что заставило немцев расстрелять всех пленных, не ясно.

Мёртвыми было покрыто всё поле, обнесённое колючей проволокой. На ней тоже повисли десятки убитых. Много пленных, сумевших вырваться за колючую проволоку, были расстреляны и лежали за пределами лагеря. Все головами вперёд, от лагеря.

Все бежали от смерти, навстречу свободе, и в этом порыве гибли, гибли с надеждой на спасение.

Остатки сибирского полка разбежались по лесу. Рядом с Филипом на земле лежал его земляк, Евсей. Тяжело дыша, он пальцем показывал назад. Приподняв голову, Филипп увидел, что в их сторону, петляя между деревьями, мчится немецкий мотоцикл с коляской.

Непонятно, как немцы оказались в лесу и как выследили их. Быстро, как настоящие охотники, оценив обстановку, Филипп и Евсей почти одновременно выстрелили по фашистам: Филипп по мотоциклисту, а Евсей по пулемётчику. Мотоцикл вильнул и налетел на сосну. Коляска с мотоциклом разлетелась в разные стороны.

Филипп и Евсей ещё полчаса пробежали вглубь леса и обесиленные упали в заросли густого орешника. Бегство от немцев вымотало их, сил не было даже пошевелиться. Во рту пересохло, хорошо, что во флягах была вода. Сделав по несколько глотков, они просто отключились. Но спать им долго не пришлось. Их разбудил лай собак и крик немецких солдат, которые с автоматами стояли вокруг них.

Немцы, чтобы избежать нападения советских солдат в тылу своих войск, после прохода вперёд передовых сил делали «зачистку» лесов. На опушке леса быстро обносили небольшой участок колючей проволокой, делали временный лагерь для военнопленных. Потом окружали квадрат леса, прочёсывали его и всех, кого захватили, свозили в этот лагерь. А потом, расстреляв коммунистов и евреев, колонну из военнопленных гнали на ближайшую железнодорожную станцию. А там кому как повезёт: кого-то в концлагерь, а кого-то на работу в Германию.

* * *

Филиппа и Евсея привели в лагерь недалеко от леса, который был обнесён колючей проволокой. Лагерь был наполнен нашими солдатами «под завязку». Сколько же молодых, здоровых мужиков вдруг оказались в плену? Почему наши командиры не

сумели такое огромное количество солдат грамотно использовать для отпора врагу? Почему?

Ведь они все могли сейчас с оружием в руках сражаться с фашистами, которые вероломно напали на Родину, уничтожают города и сёла, убивают и пленят тысячи советских людей. Зачем целый полк привезли в вагонах прямо к линии фронта и он, не успев занять оборону, был уничтожен? Почему нельзя было это сделать на 20–30 километров раньше, укрепиться на позициях и встретить врага? Почему так случилось?

Вновь и вновь этот вопрос мучил Филиппа. А в душе росла злость и ненависть к немцам, которые чувствовали себя полновластными хозяевами на нашей земле. Их высокомерие, презрительное отношение к пленным вызывали у Филиппа внутренний протест.

В голове была одна мысль: как быстрее вырваться за пределы колючей проволоки, взять в руки оружие и бить, бить фашистов. У него зрело твёрдое желание в первую же ночь попытаться бежать из лагеря. Он определил, где надо пробираться через колючую проволоку, чтобы быстрее оказаться в лесу.

Филипп поделился своими мыслями о побеге с Евсеем, но у того не было желания лезть на колючую проволоку под пули. Он мыслил по-своему: «На всё воля божья. Крестьяне, которые умеют работать на земле, немцам нужны». Филипп не стал уговаривать своего земляка. У них оказались слишком разные взгляды и на войну, и в целом на жизнь. Филипп же твёрдо решил бежать и что лучше под пули, чем в концлагерь. О смерти старался не думать: «Чему быть, того не миновать. Все там будем».

К вечеру Филипп постарался пристроиться на ночлег поближе к колючей проволоке со стороны леса. Он даже немного вздремнул. Прошедший день, полный смертельных событий, сморил его. Филипп проснулся от начавшегося дождя, от которого укрыться было негде. Внимательно взглядываясь в темноту, пытался разглядеть, где находятся немецкие часовые. Очевидно, их дождь загнал в машины, которые стояли у входа в лагерь. Фары машин были включены и направлены вдоль колючей проволоки.

Филипп стал медленно отползать в то место, куда менее всего доходил свет от фар. Он попытался аккуратно подлезть под колючую проволоку. Но она была очень хорошо натянута, и каждый её ряд был переплетён между собой. У Филиппа не получалось голыми руками отмотать немного проволоки, чтобы вылезти из лагеря.

Он провозился больше часа, но напрасно, только в кровь ободрал свои руки. Неожиданно с другой стороны лагеря раздались автоматные очереди, послышался лай собак и крики немцев. Очевидно, кто-то из пленных тоже хотел совершить побег, но попытка не удалась. Вскоре рядом с проволокой, где лежал Филипп, прошли два охранника с автоматами и с овчаркой на поводке. Собака или что-то почуяла, или просто случайно облаяла Филиппа. Но он, не шевелясь, лежал на мокрой земле.

Вскоре всё затихло. Дождь усилился, и немцы попрятались в машины. Филипп снова попытался проделать лаз в колючей проволоке. Вдруг рядом с ним оказался ещё один пленный, мужик крепкого телосложения с кулаками как пудовые гири.

Он молча отодвинул Филиппа, тихо кряхтя, отогнул кусок колючей проволоки в сторону. В ограждении получилась небольшая дыра. Незнакомец раздвинул проволоку руками, и Филипп первым пролез из лагеря на волю. Потом он держал проволоку руками, пока из лагеря не вылез его напарник. После этого они стали медленно отползать от колючей проволоки. Филипп показал рукой, куда надо двигаться. Впереди был кустарник, а дальше, примерно в полукилометре, чернел лес. Направление побега Филипп просчитал ещё днём.

До кустарников они доползли благополучно. И тут сразу же раздались крики, автоматные очереди и лай овчарок. Очевидно, охрана при обходе вокруг лагеря обнаружила в колючей проволоке дыру и подняла тревогу. Филипп и его напарник сразу же решили бежать в разные стороны. Уйти от погони вместе было нереально. А разбежавшись, есть шанс хотя бы у одного остаться на свободе. Филипп побежал вдоль опушки леса. К лесу немцы бросятся в погоню навверняка. Дождь был на руку, так как мешал собакам найти след.

Неожиданно Филипп услышал сзади себя крик и надрывный лай собак. Он понял, что немцы пошли по следу напарника и настигли его. А ему повезло. Филипп ускорил бег, хотя силы были на исходе. Близился рассвет, надо было сворачивать к лесу. Пока Филипп бежал, лай собак и автоматные очереди стали немного затихать. Добежав до леса, Филипп отдышался и вновь побежал. Надо было как можно дальше удалиться от лагеря. Ветки в потёмках хлестали по лицу, с деревьев на него лился поток воды. Он весь до нитки промок, ноги налились свинцом, грязь налипла на ботинки. Обессиленный, Филипп упал в кусты и мгновенно отключился. Но нервы были на пределе, слух продолжал ловить каждый шорох.

Он вновь услышал лай собак, и этот угрожающий звук его снова поднял и погнал дальше в лес. Но звук его настигал, он становился всё ближе и ближе, а сил становилось всё меньше и меньше. Уже рассвело, дождь кончился. Неожиданно впереди Филипп увидел болото, поросшее камышом. Он вспомнил детство, как с мальчишками играли в прятки и как они прятались в воде: отламывали камышинку, брали её в рот, с головой присаживались на корточках в воду и дышали через эту камышинку.

Филипп тут же нашёл подходящую сухую камышинку, проделал её, зашёл в воду по грудь в заросли камыша и присел. Сначала сразу глотнул воды, высунул голову, чтобы отдышаться. Лай собак был совсем рядом. Он снова медленно погрузился в воду с головой. Сидя в воде, услышал рядом повизгивание овчарок, они потеряли след. Прозвучали автоматные очереди, немцы стреляли по камышам наугад. Через несколько минут стрельба стихла. Посидев ещё немного в воде, Филипп высунул голову, чтобы отдышаться. Но из воды выходить не стал. Чутьё охотника заставило его выждать время. Неожиданно вновь раздалась автоматные очереди. Немцы решили, что пленный не мог убежать далеко. Они притаились и стали ждать, когда беглец сам себя выдаст. Не дождавшись этого, постреляв по камышам, немцы удалились. Возможно, предположили, что беглец утонул в болоте.

Ещё полчаса просидев в воде за камышом, Филипп осторожно стал выбираться на берег. Хорошо ещё, что в том месте, куда он залез от погони, не было трясины. Он продрог, от холода стучали зубы. И хотя Филипп сильно устал, кроме того ещё и от голода кружилась голова, он решил на этом месте не оставаться, а продвигаться на Восток, к своим. Выбрал себе большую палку и быстрым шагом старался идти ближе к болоту. К счастью Филиппа, местность была заболочена. Филипп был как натянутый нерв, его слух не воспринимал ни пения птиц, ни шума ветра, он ловил только звуки войны. При первых выстрелах или шуме моторов Филипп быстро забирался в камыши и затаивался в готовности сразу же с головой скрыться под водой с камышиной во рту.

На войне некогда философствовать о прелестях жизни. Может быть, между боями вдруг увидишь, как чудесен восход солнца или его закат, какая вокруг прекрасная природа. Мгновение – и действительность тебя снова возвращает на войну. И ты уже не замечаешь, что дерево зелёное, и как красиво поют птицы. Ты даже не думаешь, что создан для счастья и что грех не радоваться жизни. От постоянных нагрузок всё тело Филиппа болело, он боялся снова попасть к немцам. Но у него был принцип, которого он старался всегда придерживаться: «Не думай о боли, и тебе не будет больно, не думай о страхе, и тебе не будет страшно». Филипп по дороге старался утолить голод. Как человек, выросший в тайге, он всегда мог найти в лесу, чем перекусить. К тому же Филипп хорошо ориентировался на местности.

К концу дня услышал впереди шум проходящего поезда, понял, что вышел к железной дороге. Филипп решил близко к ней не приближаться, а идти рядом с ней в сторону Смоленска. Наступившая ночь выдалась тёмной. Наткнувшись несколько раз на деревья, Филипп решил несколько часов поспать. Ночи в июле короткие, и с рассветом он продолжил путь к своим, вглядываясь в мутноватую от смога дымку. Вскоре болото закончилось и по пути стали попадаться лесные дороги. Было видно, что по некоторым недавно проходила техника. Продвигаться стало опасно, в любой момент можно было наткнуться на немцев.

* * *

В середине дня Филипп неожиданно услышал окрик: «Стой! Руки вверх!». От неожиданности он вздрогнул, поднял руки и увидел, что на него наставил винтовку красноармеец. Филипп радостно крикнул: «Свой я, нашу часть немцы разбили, пробираюсь к своим!». Филиппа под конвоем провели в густые заросли леса, где он увидел довольно много наших солдат. Его привели к командиру. Выслушав рассказ Филиппа о его первом дне на фронте (про лагерь он умолчал) и о том, что пробирается к своим, чтобы бить фашистов, его определили во взвод разведки. Учили, что он, как охотник, умело ориентируется в лесу и хорошо стреляет. Первый раз за несколько суток Филипп наелся каши с сухарями.

Филипп оказался в составе большой группировки советских войск, окружённых немцами севернее Смоленска. И хотя бойцы были измотаны боями и ночными переходами на Восток, их боевой настрой был высок. Никто не ныл, все рвались в бой. Задачей взвода, куда определили Филиппа, была разведка местности для продвижения наших войск на Восток. Нужно было не только определить расположение немецких частей и варианты их обхода, но и возможные пути прохода нашей техники. Боеприпасы были на исходе, а бросать исправную боевую технику было жалко. Её и так было очень мало.

Группами по несколько человек взвод со следующего дня начал разведку пути отхода войск на Восток. Пройдя километров 10 и не обнаружив немцев, разведчики вернулись. Командованием было принято решение днём продвинуться в сторону своих на расстояние, проверенное разведкой. Со всеми предосторожностями войска двинулись в сторону Ярцево.

Часа через два авангард на дороге, проходящей через лес, натолкнулся на группу немецких мотоциклистов. Завязался бой, с подходом наших основных сил немцы были уничтожены. Но несколько мотоциклистов с поля боя сумели скрыться. Следовало ожидать налёта немецкой авиации и встречи по пути движения с немецкими войсками. Что вскоре и произошло.

Не успели наши войска рассредоточиться в лесу, как их накрыли «юнкерсы». Несмотря на то, что по немецким самолётам вели огонь имеющиеся средства ПВО, группа наших войск понесла большие потери. В последующие два дня, пока наши войска с боями пробивались к своим, немецкая авиация постоянно висела в воздухе. Приходилось передвигаться ночью. Кроме того, на пути встречалось всё больше и больше немецких войск, после боя с которыми группа быстро таяла.

Уже была слышна канонада приближающейся линии фронта. Ночью, с тяжёлыми боями в августе 1941 года оставшаяся часть наших войск пробила кольцо окружения и вышла к своим. Вышел из окружения и Филипп. Он сразу же написал письмо матери и сестре в Сибирь, где они в то время жили. Короткое письмо, что воюет, был в окружении. Написал, что пробивались к своим с боем, и что сейчас идут тяжёлые бои, и что немцев бьём.

* * *

А бои были и в самом деле очень тяжёлые, почти непрерывные, с превосходящими силами фашистов. Красная Армия несла большие потери, в первую очередь от немецкой авиации и танков. А наших самолётов и танков на поле боя почти не было. Много нашей боевой техники было уничтожено в первые дни войны. Советская промышленность только начала переходить с мирных на военные рельсы. Обученная, механизированная армия фашистской Германии, имеющая почти двухлетний опыт ведения боевых действий в Европе, сражалась со слабо вооружённой, но сильной духом и верой в свою победу Красной Армией.

Этот боевой дух повсеместно проявлялся в массовом героизме, самопожертвовании ради того, чтобы остановить врага. Да, мы отступали, но не было панического бега войск. Отступали с оружием и боевой техникой. А если кончалось топливо, или технику не было возможности использовать, то её взрывали, чтобы не досталась врагу.

Потери несла не только наша армия. Отступая, мы били врага, его передовые части с каждым днём теряли наступательный

порыв. За два месяца боёв под Смоленском Германия потеряла 250 тысяч своих солдат. Советские войска, отступая к Москве, сжимались, как огромная пружина, которая когда-то должна была обязательно выпрямиться и отбросить немецкую армию от столицы нашей Родины. Но до этого момента было ещё далеко, несколько месяцев кровопролитных боёв.

Вышедших из окружения на несколько дней отвели недалеко в тыл. Торгунакова зачислили в стрелковый полк, который находился во втором эшелоне. Части, которые вышли с боевыми знамёнами, пополнили личным составом, оружием, техникой и снова бросили в бой. Филипп осознал, что в этой мясорубке выжить будет сложно. Все понимали, немцев надо остановить любой ценой, невзирая на огромные потери. Это был момент в войне, когда с одной стороны напирала современная, имеющая боевой опыт, немецкая военная машина. А ей противостояла Красная Армия, уступающая в вооружении и боевом опыте, но сильная своим духом. Армия, состоящая из солдат, воспитанных советской идеологией патриотами своей Родины, преданных ей и готовых за неё умереть. И Красная Армия, отступая, била фашистов. Она сражалась, чтобы не погибла, не прекратилась наша держава. Такая армия непобедима. Гитлер этого не понимал, и потому проиграл войну.

Ещё М.В. Ломоносов писал: «Только в горячем порыве, в страстной любви к своей родной стране, смелости и энергии родится победа». Не все советские солдаты читали эти строки, они просто были смелыми и отважными, готовые за свою Родину любому врагу перегрызть горло. Потом об их подвигах будут слагать песни, писатели и поэты посвящать им свои произведения. Но это будет потом, а сейчас надо было бить немцев, остановить их продвижение к Москве любой ценой.

На первом этапе войны наша армия, отступая, становилась сильнее. И не только духом. Имея огромные человеческие ресурсы, в бой бросали всё новые и новые части. Подчас только сформированные, слабо обученные. Но они стрелковым оружием и бутылками с зажигательной смесью, несмотря на тяжёлые потери, уничтожали немецкую пехоту и жгли фашистские

танки. В наши войска, хотя и мало, но начала поступать новая техника. А немцы начали выдыхаться.

Филипп перед тем, как после выхода из окружения снова идти в бой, написал матери письмо. Я читал все его письма-треугольники, в том числе и это короткое письмо, написанное впопыхах карандашом на листке бумаги. Он писал, что немец жмёт, что он очень силён, но мы тоже не слабаки. «В бою у наших нервы и сила воли крепче, чем у фашистов. Завтра будет тяжёлый бой. Если буду жив, то напишу. Я вас люблю, берегите себя, ваш сын и брат Филипп».

* * *

О начале боевого пути 920 стрелкового полка кратко написано в журнале его боевых действий. 7 октября 1941 года 920 стрелковый полк под командованием капитана А.Н. Попова в составе 119 стрелковой дивизии 29 армии Калининского фронта вступил в свой первый бой с немцами у деревни Дудкино Оленинского района Калининской области. С 7 по 9 октября 1941 года на участке одного из полков дивизии немцы предприняли 14 атак, причём несколько психических. Немцы на этом участке фронта превосходили по численности наши войска в 5–6 раз, им удалось подразделения дивизии потеснить. По приказу командира дивизии полковника С.П. Горбунова на помощь им был выдвинут 920 полк, который совершив 30-тикилометровый марш, с ходу вступил в бой. Отбросив немцев, полк выбил их из нескольких населённых пунктов.

В течение октября 1941 года 920 стрелковый полк вёл непрерывные тяжёлые бои с немцами, численно превосходящими наши войска в 4–5 раз. Только за 4 дня 119 дивизией, в составе которой воевал 920 полк, была полностью разгромлена 161 пехотная дивизия немцев. Убитыми в этих боях немцы потеряли свыше 5 тысяч солдат и офицеров, было уничтожено 10 танков, 15 миномётов, 10 орудий и много другого военного имущества. За этот бой Военный Совет 29 армии ходатайствовал перед НКО СССР о присвоении 119 стрелковой дивизии

гвардейского звания, а личному составу была объявлена благодарность.

17 марта 1942 года за проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава Приказом Народного комиссара обороны тов. Сталина 119 стрелковая дивизия преобразована в 17 гвардейскую стрелковую дивизию, а 920 стрелковый полк – в 52 гвардейский стрелковый полк.

Гвардейцем стал и Торгунаков Филипп Ефимович, который наравне со всеми бил немцев, как и все прилагал все усилия, чтобы освободить Родину от фашистской нечисти.

В конце июня 1942 года немецкое командование перед фронтом 17 гв. стрелковой дивизии в районе города Белый усилило существующую группировку личным составом, и из резерва выделило до 100 танков. Повысила активность авиация противника, особенно в полосе 52 гв. стрелкового полка. Он был приведён в полную боевую готовность. 2 июля полк вёл ожесточённые оборонительные бои с превосходящими силами противника. Подтянув новые резервы (танки и пехоту), немцы перешли в наступление по всему фронту обороны дивизии. Утром 3 июля около 40 танков и пехота противника перешли в наступление. Огнём танковых орудий прямой наводкой немцы непрерывно обстреливали позиции полка. Авиация противника в течение полутора часов бомбила боевые порядки 52 гвардейского полка. Связь с батальонами осталась только по радио. Пути подхода к батальонам были отрезаны автоматчиками.

4 июля дивизия продолжала вести тяжёлые оборонительные бои с превосходящими силами противника. Дивизия была полностью окружена в районе города Белый. Командир дивизии гвардии полковник Горбунов погиб. Связь со штабом армии была прервана.

В очень тяжёлых условиях остатки полка, сведённые в одну группу, в составе дивизии выходили с боями из окружения до 6 июля 1942 года. В этих боях погиб и рядовой Торгунаков Филипп Ефимович. Погибших в ходе боя хоронить было некогда. А когда остатки полка вышли из окружения, пересчитали

оставшихся в живых бойцов, а кого недосчитались, зачислили в графу «Пропал без вести».

В том бою Филипп погиб, хотя матери пришла не похоронка, а извещение, что пропал без вести. Он погиб, как многие тысячи и тысячи советских солдат. Или где-то наспех захоронен, или вообще остался добычей для воронов, так как часто хоронить не было времени и возможности. У войны вариантов и ситуаций много. Сколько солдат зарыли в землю в поле, на обочине дорог без всяких надгробий и табличек? Никто тогда не думал о будущем, что, если погибнут, то о них будут думать не как о героях, защищающих Родину, а как ушедших в «никуда».

Нельзя научиться беде. Но преодолевая её ощущение, люди бьются за своё счастье, учатся ценить каждый день жизни. Никто не знал, что с ними будет завтра. Наверное, на войне у многих было ощущение, что они живут последний день. Бои были жестокие, полем боя было всё вокруг. И на этом поле «балом правила смерть». В тоже время у каждого в глубине души была надежда, что и завтра, и послезавтра он будет жить. Смерть их минует, так как дома у них малые дети, любимые жёны, а фашистов очень много и их надо бить. А если не я, то кто тогда?

Бабка и моя мать ждали Филиппа всю жизнь. И до сих пор много солдат войны считаются пропавшими без вести. Не пора ли всех этих бойцов считать погибшими. Они погибли за Родину, а не ушли в «никуда». Зачем до сих пор делить погибших на две категории? Они вместе сражались за Родину и погибли, защищая её.

* * *

Евсея вывезли в Германию, и он там до конца войны батрачил на фермера, ухаживая за скотом. После Победы Евсей вернулся в Колеул и рассказал о том, как они воевали вместе с Филиппом.

В «Музейно-Храмовом Комплексе ВС РФ» в Парке «Патриот» на Алее памяти имеется краткая информация о Торгунакове Филиппе Ефимовиче.

Анна ПЕТЕЮМ

Анна Борисовна Ретеюм – поэт, член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Родная Ладога», «Сибирь», «Новая Немига литературная»; в газетах «Литературная газета», «Московский литератор», «Русская жизнь»; в альманахе «День поэзии – XXI век» и др. Автор нескольких книг стихов, лауреат сайта «Российский писатель», Всероссийских поэтических конкурсов им. А.С. Грибоедова, С.А. Есенина, лауреат Международной премии им. А.П. Платонова «Умное сердце».

Живёт в Москве.

ТИШИНОЙ ЗАВЕТНОЮ ДЫШУ Я...

* * *

Люди должны жить на воле,
Плывать в спокойных волнах
Ветра, и леса, и поля,
В гимнах цветущих и снах.
Чтоб, не стесняя друг друга,
Свет велеокий вобрать,
Чистые помыслы луга,
Тихой реки благодать...
Есть у нас птичье призванье –
Ввериться нотам извне,
Тонким флюидам, дыханью,
Неба высокой волне.

* * *

Трепет листьев – сияюще-тихий –
Неподвластное мысли раденье,
Твои взмахи люблю, твои вспыхи,
Свет насквозь и насквозь дуновенье.
Сколько вёсен уже постигаю
Тайну жизни, игру светотени –
Зачарованная, воспеваю
Беззащитное пламя растений...
Это вещега духа убранство,
Но сама я стою без ответа –
О вселенское нежное братство,
Сколько тени во мне, сколько света?!

* * *

Как бы уподобиться пейзажу –
Мирным этим ласковым лугам,
Молодой осоке вольной, также
Золотым звенящим овсягам;
Я переняла бы плавность линий,
Бархатный шалфей взяла в пример,
Тёплый дух серебряной полыни,
Утончённость травяных манер.
Как бы уподобиться осинам,
Что величем дня ослеплены,
Тополям и ветлам в небе синем,
В царских ризах горней тишины.

* * *

Проснись, прикосновенье осязая
На чутких веках или на щеках, –
Бушует бликов солнечная стая,
Вся комната в весёлых мотыльках;
Прими в подарок трепетное утро,
Дыханье света в листьях за окном,
Полупрозрачность, искры изумруда,
Игру ветвей с тихоней-ветерком...
Ну что ещё тебе для счастья надо,
Не хватит ли бороться и искать,
Ведь в пробужденье собственного сада
Ты чудом света можешь обладать?

* * *

Рассыпан город и разрознен,
И в жар зыбучий погружён,
И тем внезапней, одиозней
Цветеньем липы ты сражён.

Вдруг налетит медовой дымкой,
Пахнёт дюшесовой волной,
Прохладой с амбровой кислинкой –
И будто вовсе неземной.
В аллеях томных и ленивых
Парит воздушным озерцом
Цвет липы в тонких переливах,
Прохожий с благостным лицом...

* * *

По спелому лугу, вечерней росе,
По вольной, по средней твоей полосе
Туман поднимается, густо звенит
Незримых сверчков серебристый зенит.
Зубчатых надкрылий тончайшая трель
И звёздному небу угодна, поверь,
Их трепетом бурая степь налилась,
И ты здесь, душа, неспроста началась...

* * *

Шёпот листьев, слуха обольщенье,
И руины полуосвещенья
В старом ивняке на берегу,
И кукушки странное «ку-ку»;
Ближе подлетит – и снова где-то
В посвистах и щебетаньях лета,
В сонной глубине огромных ив,
Будто и не птица – гулкий миф.

* * *

Тополь впадает в ясные дали,
Мало-помалу в высь утекая,
В плеске зеркальной, трепетной стали
Соки природы перемогая.

Ветви его, как теченья, влекомы
Тайною силой снова и снова,
Будто земля и не держит за корни,
Будто и нет тяготенья земного.

* * *

И в женщине, плывущей по реке,
С волнистыми седыми волосами,
И в женщине, стоящей на песке
В халатике с родными васильками,
И в той, что тихо движется с холма
Просёлками в соломенной панаме,
И в той, которая теперь сама,
Я узнаю щемящий образ – мамы.

* * *

Снова сердце потеряно – точно
Плещет по ветру дней полотно...
Танец бабочек в стиле восточном,
Залетевших случайно в окно,
Мне напомнил, напомнил – но что же? –
Облаков заколдованных тень
И текущий по воздуху тоже
Давний оклик пустых деревень...
Я живу, он живёт, вы живёте,
В угловатом порхая полёте,
Плещет по ветру дней полотно,
И небесное – будто земно.

* * *

У цветов безымянных, лугами,
Сладкий ветер вдыхая вздох –
Я люблю тебя! – вскинется пламя,
Вдрогнув плечи, наморщится лоб.

Это всё, что умею теперь я –
Как паломник бродить, где ты шла,
Трогать камни, цветы и деревья,
Повреждённые будто дотла.
Я люблю тебя! – вскинется к тучам,
И объёмлет нас розовый дым –
Как разряд, как пожар неразлучен
Всякий любящий с сердцем своим.

* * *

Тишина, таинственно бушуя,
Вновь открыла мне калитку.
Тишина зажгла ветлу большую
И в рогоз скользнула прытко.
Тишиной полны сухие тени,
Что царапают суглинок.
И горячей тишиной забвенья
Рвётся сеть тугих тропинок.
Тишина, рыдая и бушуя,
Растворится в млечном крае...
Тишиной заветною дышу я,
Понемногу умолкая.

У ЗЕМЛИ

Осока спелая поникла
В низинной мяте луговой,
Где притаилась земляника
Медовой каплей огневой.
Графично стебелёк отточен,
И рдеет маленький каскад
В изящной хижине осочин,
Как будто опускаая взгляд.

И на свиданье с земляникой
Среди стрекочущих миров
Ты пропадаешь, как ни кликай,
Вплоть до вечерних комаров.

ПОРТРЕТЫ

Изящных трав моих портреты
В июльском золоте лугов,
Эскизы, абрисы, приметы
Неповторимых стебельков.
Пером качает сизый вейник,
Философ тонкий и пижон,
Вскипает пышный подмаренник,
Медовой славой окружён;
В атласном платье подорожник,
В парящем кружеве анис –
Явил искуснейший Художник,
Ты присмотришь, ты оглянись.
Не исчезая, не старея,
Цветёт на сердце летний сонм,
Князей светлейших галерея –
И львиный зев, и синий лён.

СТИХИ

Мечтаю, чтоб вечер был тихий,
Под лампой – мои фолианты,
Треск дров – вместо глупой шумихи,
И плеск мотылька слеповатый...
Тогда я волшебным открою,
Допустим... Верхарна-фламандца,
И жизнь развернётся другою –
В цветущем мыслительном танце;

Я Бунина ярко впитаю –
Допустим... турецкие строки,
В напеве глубоком витая
На Западе или Востоке...

* * *

Волчья даль немигающе долго
Смотрит, и разрываются в клочья
Облака – там, где логово волка
Или сумерек жёлтые очи.
Тянет влагой с низин, и печали
Громоздятся, как лес, чёрный с виду,
Силуэты во тьме одичали, –
Впору песни из Книги Давида.

СНИЛОСЬ МОРЕ

I.

Не спеша, никуда не спеша,
Ты по небу идёшь как по с́уху,
И холмов золотая душа
Режет склона большую краюху.
Ветер стал и силён, и речист,
Подгоняет усталые зори,
Слышен огненный рокот и свист,
И толпится летучее море.

II.

Гонит ветер стрекозку смешную –
Не даёт отдохнуть ей, стервец,
Но, неожиданной прохладой бушуя,
Жгучий день освежил наконец –

Загудели просторные рощи,
Молоком потекли облака,
И в ковыльях стремнинах полощет
Голубой лоскуток мотылька...

III.

Снилось море – так ветер шумел,
Долгой бурей над домом летая,
Снилось море: в сиянии пел
Зыбкий фьорд, словно ртузь золотая;
Под незримые волны в саду,
Под разбег лунных яблонь и вишен
Снилось море и флот на ходу,
Незнакомым светилом утишен, –
Снилось море...

* * *

Не надо плакать и прощаться –
Не расстаётесь вы отнюдь,
И может статься, может статься,
Ты соль родной земли и суть;
Здесь предков мирные могилы,
Степное небо и лопух,
И, может статься, – ты вместила
Тех жизнью величавый дух;
И, простираясь над обрывом,
Орлиная летит любовь
К реке и лесу, чёрным нивам –
Как песня, сложенная вновь.

* * *

Истомило искусство, измучило,
Знаю, можно схватить красоту:
Вьётся в белом сиянье излучина,
Тихо солнце скользит на плоту.
Эти полные, звучные, летние
Мне даны времена неспроста,
Великаны-деревья заветные
До последнего чюдны листа,
И нетленным теплом улыбается
Млечный клевер, трава-мурава –
Всё поёт, всё летит, всё сбывается...
Не спеша возвращаться в слова.

Сергей ЛУКОНИН

Сергей Михайлович Луконин – прозаик. Родился 8 января 1942 года в г. Москве. В 1967 году окончил Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, исторический факультет. Работал в Музыкальном театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, Фотохронике ТАСС, корреспондентом газеты «Комсомольская правда», редактором современной советской прозы издательства «Молодая гвардия», заведующим отделами искусства и литературы «Литературной газеты», заведующим литературной частью Московского камерного музыкального театра им. Б.А. Покровского. Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура», награждён медалью «За труды в культуре и искусстве», член творческих Союзов России: писателей, журналистов, художников.

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА

ДУРА МЕЛОДИЧНАЯ

По телевизору показывают молодого человека, исполняющего на рояле «Турецкий марш» Моцарта (рондо). Он высокий, осанка прямая, витой чуб спадает на лоб, длинные пальцы плетут замысловатые пассажи, не ускользая от бодрого темпа знаменитого марша. И вспомнил я Солодкину Анну Никодимовну. Она жила в том же двухэтажном доме, что и мы с матушкой, только этажом выше. Именно этот марш играла соседка на дребезжащем пианино, причём только первую часть. Последующие круги рондо ей были уже не под силу. И больше ничего, кроме «Турецкого», не играла. Никогда.

Ни с кем Анна Никодимовна не общалась, разве что изредка заглядывала к нам, сахар или соль попросить. Ну как одинокую старушку не пригласить в квартиру? Посидеть на кухне, поджав ленточкой губы, поморгать дробно глазами (синдром юности), кофею попить из фарфоровой чашки, оттопырив корявый мизинец. Матушка даже позволяла ей покурить; откроет форточку, а меня отошлёт в комнату подальше от дыма. Солодкина в разговоре – мадам прижимистая по части открытия житейских тайн своих, но кое-что матушка выуживала, и передавала потом мне. Я запоминал.

Судьба Солодкиной типична для многих женщин военной и послевоенной поры. И всё же в характере любого человека можно найти то неповторимое, что крепко западает в памяти, и не поделиться с кем-нибудь было бы просто грешно. В нашем подъезде народ изысканностью в речах не отличался. Называли игру жилички со второго этажа «долбёжкой», а лупоглазый Данилыч с лошадиной челюстью обзывал её и того хлеще – «Дура мелодичная». Столь брутальная кличка тем более звучит забавно, если представишь себе даму, вышагивающую из подъезда мимо бабок-кумушек, в шляпке и с ридикюлем, прижатым к впалой груди.

В детстве Аня больше дружила с мальчишками, которые предпочитали общаться именно с ней, нежели с другими девчонками, хотя с виду не красивая: длинноногая, худая и нос курносый. При этом умела постоять за себя, могла и сдачи дать обидчику. Или, может быть, другая причина интереса к ней была: родители Анечки, пожалуй, единственные из здешних домов, заполненных квартирантами приезжими из деревень, имели телефон, пианино, а дочь водили в музыкальную школу. Из раскрытых окон квартиры звучали гаммы и пение довольно приличного голоса Анюты. И вдруг крутой поворот. Окончив школу, Солодкина музыку бросила, решила стать врачом. Как раз вовремя – война грянула. Сначала курсы медсестёр, городская больница, а потом госпиталь, кочующий вслед за передовыми частями Красной Армии. День и ночь крики, стоны, кровавые бинты, рваная до костей кожа, нестерпимый запах камфары, йода, гнили и пота; врач вытаскивает щипцами пулю из бедра раненого бойца, а у самой дрожь в коленях. Всё это так схоже по рассказам и фильмам о войне, что повторять нет нужды. Военно-полевой роман? Что-то в этом роде.

Госпиталь, в котором работала Солодкина, был расположен на окраине погорелой деревни, возле толстых, морщинистых вётел и крутым спуском к речушке. Поодаль стояла танковая бригада, со штабом, палатками и полевой кухней. Приехали артисты, подкатили «полуторку» к поляне, откинули борта кузова, а там – пианино стоит. «Надо ж, консерватория приехала!», – одобрительно кивнули солдаты, дымя цигарками. Перед началом концерта привели артистов на полевую кухню. Сидят на лавочке, жадно уплетают кашу из котелков. Особенно усердствует юноша, похожий на пианиста, играющего «Турецкий марш» по телевизору, – такой же высокий, осанка прямая, витой чуб спадает на лоб... Постукивает ложкой, да смотрит во все глаза на медсестру. Аня шагнула к нему забрать котелок и ложку, он подтянул к себе рукав её халата и сказал ласково:

– Меня Лёша зовут. А тебя?

– Аня, – ёкнуло воспалённо сердце, щёки заалели. Сразу-то и не поняла, что с ней. Моет в тазу тщательно посуду, складывает на кухонный столик, а сама косится в его сторону. Как это, должно быть, волнующе...

Солдаты, командиры рот и взводов, медсёстры и врачи госпиталя расселись в полукруг на поляне. Слепило в глаза апрельское солнце, погуливал игриво ветер, рассеивая привычные мысли о предстоящем сражении за очередной город – шагать за танками, волочь орудия по расквашенным распутицей дорогам; и снова бой, и снова убитые, и снова раненые. Приезд гостей освежил душу солдата, – какой-никакой, но тоже ведь отдых, всегда желанный: песню послушать, на девушек румяных поглядеть. На импровизированную сцену вышел невысокий, моложавый мужчина, во фраке и с бабочкой.

– Здравствуйте, товарищи красноармейцы! – зычно крикнул он. – Начинаем концерт выездной бригады артистов областной филармонии! Выступает пианист Алексей Уфимцев. Прошу!

Конферансье махнул рукой в сторону поднимавшегося на помост Алексея. Добавил торжественно:

– Вольфганг Амадей Моцарт, «Турецкий марш»!

Подмигнул конферансье, дескать, не бойтесь, ребята, марш что надо! И вприпрыжку покинул помост. Аня стояла с группой девчат медсанбата, вытянулась вперёд, прижала пальцы к губам, затаила дыхание.

Уфимцев играл бодро, жизнеутверждающе. Бойцы переглядывались с лёгким недоумением: уж больно прытко взял темп парень. Или турки так маршируют?

Постепенно зрители серьёзтели. В глазах их появился налёт задумчивости, непривычный, казалось бы, во фронтовой обстановке. Но музыка – чародей, она в состоянии внушить вам, что именно для вас она звучит, и необходима только вашей душе. Так и Аня в какой-то момент почувствовала, что Алексей играет для неё. Закончил он «Марш», поклонился под оглушительные аплодисменты. На помост выбежали танцоры; сходу заплясали кадрили, запели песни удалые под баян и балалайку. Анюте не

до зрелища, будто ушла в себя, жадно смотрела на Алексея, стоявшего с артистами возле полуторки.

Уфимцев поймал её пронзительный взгляд. И защемило в груди. Подумал он: «А ведь Аннушка не похожа на военно-полевую девчонку, к ней не подкатишь с наскока... Господи, о чем это я? Какие там свидания при луне – выжить бы нам!».

Уфимцев отошёл в сторону, огляделся, как бы подать знак ей, что он ждет её. Кивнул. Выскользнула Анюта из толпы и побежала ему навстречу. По дороге к обрыву прошли мимо солдат, сидевших на корточках возле березы. Проводили музыканта и девушку многозначительным взглядом.

– Во как! И часа не прошло, как шуры-муры крутанули, – заметил молоденький рядовой. Приятель его, старшина, величаво провёл рукой по усам.

– Ничегошеньки ты не понимаешь, Вася. У любви часов нет. – Встал, подтянул ремень гимнастерки. – Айда к своим.

Дежурный по роте сержант Кругликов, завидев проскользнувшую мимо него парочку, хотел остановить явно не по уставу замыслившую побег, но отвлекал звонкий голос тенора, который доносился с эстрады: «На солнечной поляночке...»... «Душевно-то как поёт... Поляночки, смугляночки...», – подхватил песню Кругликов на свой манер.

Алексей уже был внизу, шагнул на кромку берега; от дуновения ветра вода мелко зарябила, заволновалась. На спуске, придерживая подол халата, Анюта оголила колени, платок съехал на затылок, сама едва не упала, Алексей успел подхватить её. И замерли в объятьях. Долго не смотрели друг на друга в смущении, а открыли глаза – и будто током ударило. Жаркими, неустанными были их поцелуи.

– Анечка, как увидел вас, не знаю, что со мной! – заговорил Алексей сбивчиво, обращаясь на «вы».

Аня тронула чуб его. Улыбнулась.

– Какой упрямый ваш чубчик-кучерявый, – тихо засмеялась, припадая к его губам. И тут же отпрянула, испуганно заглянув в глаза его повлажневшие, спросила дрогнувшим голосом. – Как же я без вас, Алёша, буду? Завтра...

– Что «завтра»? – Уфимцев скривив рот в отчаянии, и – решительно: – Нет, только сегодня, до утра. Соловьёв слушать, рассвет встречать. Вы согласны?

– Согласна. Только вот раненые меня ждут. Как я их брошу, – выпятив губу в капризной гримасе, Аня покрутила пуговицу рубашки Алексея. Вдруг лицо её курносое оживилось, она взглянула на противоположный берег, будто что-то искала там, в чащобе, унизированной лучами солнца. – А хорошо бы послушать вашу игру, давно не ходила на концерт. – Аня коснулась кисти руки его, стала гладить пальцы. – Красивые, настоящего пианиста. Я ведь в детстве училась музыке, и неплохо получалось, – вздохнула Солодкина.

– Вот встретимся и наверстаете. Помогу.

Сверху косогора донесся звонкий клич трубы.

– Ой, Алеша, мне бежать надо, – отошла на полшага, снова прижалась к нему,

– Анечка, Аня, не уходи!

– Алеша, милый, я... – шагнула к краю дорожки, накинула на голову платок и заторопилась наверх. Загадала: «Если обернусь назад, то...».

Хлопнул выстрел.

Уфимцев был убит в спину с противоположного берега, где в чащобе затаился снайпер.

Похоронили его на рассвете, на косогоре. Ранним утром батальон вместе с госпиталем оправился занимать новые позиции для предстоящего боя. Полуторка, покачиваясь, фырча, тащилась вдоль косогора. Люди в кузове молчали, как заговорённые. Анна Солодкина сидела, согнувшись, накрытая по плечи суконным одеялом, сжимала в кулаке мокрый белый платок и не могла остановить частое моргание век. Этот нервный тик не исчезнет до конца её жизни.

Над речкой, крадучись, ползал туман, рассекаемый вспышками сигнальных ракет. Из копны чащобы всплывало солнце, веером расправляя лучи.

Солодкину отправили в тыл, на оборонный завод в Ярославль. После войны сестра её заманила в Москву, прописала в

доме, где мы с матушкой жили. По старости и болезни сестра вскоре умерла, Анна Никодимовна стала жить одна. Каждый год, в тот роковой апрельский день она ездила на могилу Алёши Уфимцева. И каждый день под вечер доносились со второго этажа бодрые звуки «Турецкого марша». Пока однажды пианино не смолкло. Навсегда.

СИНИЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Вера Андреевна долго и тяжело переносила ковид, так тяжело, что думала, поскорей бы всё это кончилось. И не столько немощь тому виной, сколько полное равнодушие ко всему, что происходило вокруг неё в течение двух последних месяцев болезни. Мнилось Вере Андреевне, будто душу свою она потеряла. Значит, и пользы от неё никакой нет – мужу, детям, внукам, друзьям, в конце концов. Вера Андреевна привыкла в жизни испытывать радость – до восторга, подкатывающего к горлу, когда видела, как человеку хорошо от её помощи, доброго слова, улыбки. И ждать при этом слова благодарности? Ни в коем случае! И, пожалуйста, без этого шкурного принципа: «ты мне – я – тебе». Теперь же видела в лицах детей и мужа еле скрываемое сострадание, в лучшем случае – сочувствие. Нужно было пройти дням и ночам с ласковым ухаживанием дочери, неловким объятиям сына, их мытарствам по магазинам и аптекам, уборкой, кормлением, чтобы ответить себе взволнованное: «ты любима и нужна им». Вот только бы Пётр был бы здоров. Он ведь тоже перенёс ковид, хотя не в такой тяжёлой форме, как у неё, и может теперь выходить из дома за продуктами.

И всё-таки этого было мало для полноценного восприятия жизни. Вера Андреевна не могла ни читать, ни писать. Абсолютная апатия. Стопка книг, по обыкновению ждущих своей очереди, так и лежала у изголовья нетронутой. Компьютер молчал, мобильный телефон Пётр отключил, оберегая жену от назойливых звонков. В какой-то момент она почувствовала зияющую пустоту, в которую можно войти и не вернуться.

Страшно! В «минуту жизни трудную» спасают приходящие на ум фантазия, сюжеты, характеры людей, из которых можно слепить рассказ или повесть. Ждать оставалось недолго.

В это раннее утро вдруг она почувствовала прилив сил, будто с гор по засохшему ручью побежала вприпрыжку вода, увидела овальное в торце здание, толпу молодых людей, идущих к центральному подъезду, а на расстоянии в десять шагов от нее – Игоря Бедунова. Не желая потерять его из виду, потянула на себя нить памяти, словно клубок развязывала годы студенчества.

В тот день лекцию по археологии перенесли. Семинар будет только через полчаса. Путь от метро «Фрунзенская» до Педагогического института имени В.И. Ленина Вера преодолевает за двадцать минут. Можно не спеша пройтись, оглянуться по сторонам. А то бежишь как ненормальная, высунув язык, и всегда опаздываешь. На этот раз она шла по Малой Пироговской не как обычно – по левой стороне, до поворота во двор института, а по правой. Шестьдесят лет прошло с тех пор, но так и не ответила себе на вопрос – почему изменила маршрут? Среди прохожих, идущих по левой стороне, она обратила внимание на молодого человека в драповом пальто, каракулевой шапке, или «пирожке», как называли тогда модный среди членов Политбюро головной убор. Шёл он бойкой походкой, спина прямая, профиль породистый. Очень любопытно. Прибавила шаг. Он оглянулся: взгляды их на мгновение пересеклись. И тут Веру охватило волнение, которое давно не испытывала, Да, были влюбленности, увлечения, но мимолётные. И будут они потом. Но это чувство, вспыхнувшее в ней, – особое, и никогда больше не повторится, Никогда! Как неповторим удачный мазок на холсте.

Он прошёл мимо ворот института, пересёк улочку и дальше проследовал в сторону Большой Пироговской улицы; поравнявшись с Государственным архивом, оглянулся на Веру, снял с головы шапку, махнул в приветствии и скрылся в дверях. Возле подъезда она постояла, вглядываясь в строгие очертания фронтона здания, вообразила, как он расхаживает мимо стеллажей с кладом русской истории. Даже ощутила запах архивной пыли,

знакомый по курсовой практике в этом доме. И в том, что он работает здесь, или, по крайней мере, приходит с научной целью, не было никаких сомнений. Ну, и что из этого? Подкарауливать его, как клакер ждёт выхода после спектакля любимого артиста? Глупо и смешно. Остаётся уповать на случай.

Не так уж он был далёк.

В 9-й аудитории института ждали приезда Андрея Вознесенского. Событие эпохальное. Не пропустить бы. За час до начала выступления знаменитого и скандального поэта аудитория наполнилась до отказа, пришли студенты и преподаватели со всех факультетов института, и было много лиц явно посторонних. Вознесенский вошёл лёгкой походкой, слегка сутулый, позади рояль, впереди микрофон. Серый пиджак, синие брюки, белое кашне, обнимающее шею. Строго, как в архитектуре. Зато сколько энергии в голосе, поднимающемся да звёздных далей и падающем в горное ущелье; каков взмах правой руки, подталкивающей как угли раскалённые строки! Публика застыла в немом восторге от волшебного действия поэта. Вера едва улавливала смысл рубленых строк; кто-то отвлекал настырным взглядом, точно заманивал птичку в свою клетку, просил повернуть к нему голову. Повернула – он! Его глаза утонули в её глазах. И снова перехватило дыхание, застучало учащённо сердце. Скрестив пальцы рук, прижатые к губам, Вера в досаде подумала: когда же, наконец, Вознесенский умолкнет и наступит тишина. Только для них.

После неистовых аплодисментов народ с шумом и грохотом повскакал с мест, кто прытью спускался к поэту за автографом, кто к выходу. Вера с трудом пробиралась – не упустить бы из виду! Он, подхватываемый спереди и сзади публикой, как растаял... Возле раздевалки девчонки из её курса тараторили, охали, наперебой кричали восторженно «классно!», Вера слушала вполуха, а сама воровато поглядывала по сторонам. Нет его!

Вышли гурьбой к воротам. Лёгкий морозец пытался охладить горячие головы студентов; они топтались на месте, курили, обнимались. Типичная композиция любого институтского двора и поныне, только более раскрепощённая. Вера попросила у ре-

бят сигарету. А ведь редко баловалась зельем. Только нагнулась над протянутой зажигалкой, чтобы затануться, как услышала позади чей-то голос: «Вера...». Выпрямилась, устремив взгляд на человека в каракулевой шапке и русыми волосами до плеч. Шагал он размашистой походкой. Вера догнала его. Стоп! Встал вполоборота, приподнял «пирожок», скользнув обворожительной улыбкой: «Вы ко мне?». И засмеялся бархатным басом. Ледок под её ногами хрустнул, она чуть было не упала, да цепко подхватил он её за локоть, и больше не отпускал. Вера спросила тоном дознавателя:

– Итак, ваше имя, господин...?

– Игорь. Бедунов.

– Замётано. Откуда вы знаете моё имя? – Вера поправила из-под шапочки упавшую на лоб прядь, взглянула на Игоря вызывающе, мол, «Вы, это самое, не воображайте!».

– Подсказали глаза ваши, – ответил Игорь и свернул налево в переулок, где стояли троллейбусы.

Увы, сейчас Вера Андреевна не помнит его название, помнит только, что каждый вечер троллейбусы подкатывали к этому переулку, лениво выстраивались вереницей возле тротуара, опускали штанги и замирали до утра.

Игорь подошёл к троллейбусу, разжал створки двери, просунул куда-то вовнутрь руку, как заправский водитель, и дверцы распахнулись.

– Прошу, мадемуазель, – с поклоном указал Игорь на салон. Вера поднялась, Игорь сел на первое сиденье, она – напротив него.

– У соседки по нашему ряду, – продолжил Бедунов, – я спросил, указывая на вас: «Кто это там, в малиновом берете»? Ответила. Однако ж, ни Гремина, ни посла испанского я не заметил. Интригующе, однако.

– Так я ж «другому отдана», – подхватила игру Вера...

– Ужель? Вот, право, грустно мне. – Игорь соорудил гримасу обиженного Онегина. Вера закатилась смехом. Очень ей хотелось снять с головы его чудной «пирожок» и прильнуть к небритой щеке! Вообразила, как она напишет в своём рассказе:

«Взгляд Игоря отражает явное любопытство, но любопытство не опытного ловеласа, которое в любую минуту выдаёт человека не за того, кого принимаешь поначалу». Вздохнула и продолжила. «В разговоре с ним я отметила в Игоре силу, не в смысле физическом, хотя и это могло быть, судя по статной осанке, сдержанности в движениях, жилистых руках с отточенными узлами пальцев, волевым подбородком, а в энергетике его, которая излучает волевой характер и нежность, веселость и добродушие. Только сильные люди могут быть такими!» – мысленно записала Вера.

Интуиция подсказывала: Игорь равнодушен к ней, может быть, и влюблён. Не стал бы он маячить в тот момент, когда она появлялась в поле его зрения. В разговоре Вера, можно сказать, клещами выуживала от Игоря сведения о себе. О том, что разведён и живёт с матушкой, окончил исторический факультет их пединститута, теперь в аспирантуре, о том, что осенью намерен защитить диссертацию. Почти как анкета. И то хорошо. «И спасибо ночному троллейбусу, что разрешает так откровенничать! – восклицает мысленно Вера. – Наверное, троллейбус не спит, лишь бы не потревожить нас, заблудших. Он горд участью своей стражника, и пусть собратья завидуют ему».

Сумерки накрыли троллейбус шалью; вспыхнули уличные фонари, зажглись окна домов, рассеялись светлячками бродячие звёзды. Вдруг Вере показалось, будто что-то в ней щелкнуло, словно повернулся ключик в замочке. Стала рассказывать Игорю о детстве в Днепропетровске, о матери-фронтовичке, потерявшей руку в бою, когда выносила раненого бойца из окопа, об озорных сестрах, и о школе, откуда со страхом поехала в Москву поступать в пединститут. Игорь слушал внимательно, кивал в такт её речи – не сбить бы!

– Ой, извините, Игорь, я совсем заговорила, – протянула ему руки; он порывисто подхватил их и положил на раскрытые ладони. Жгучая волна хлынула к горлу Веры.

В сгустившейся темноте Игорь мог свободно смотреть на Веру и не обнажать свои чувства перед ней. И всё же, как бы он

ни пытался затаить их, она догадалась, в чём дело, и очень обрадовалась простому открытию. Мысль её наполнилась словами, которыми она хотела, как цветами, усыпать его, и произнести заветное... Нет, не решилась. Слишком приземлённо, затаскано это слово...

– Неужели в наше время это возможно? – спросил я Веру Андреевну по телефону.

– Возможно.

– А если будет разочарование?

– Ну и что? Обычная, житейская ситуация, и к нашей истории не имеет отношения, да и не может иметь. Я сама вот уже сколько лет не могу объяснить, почему меня бог одарил такой благодатью. Как видите, мне повезло.

– Одного не пойму, Игорь, – заговорила Вера вполголоса, – вы по-настоящему смуглый или такой от темноты в салоне?

– Я – вождь племени Асирвир-пупа! – выдохнул с хрипом Игорь.

– Изумительно! Давайте-ка я вам татуировку примажу, – Вера полезла в портфель.

– Не надо, – Игорь, подхватив руку. – Я, Вера, заядлый байдарочник, отпуск провожу на Енисее, вот и загорел там. Кстати, а почему бы вам не присоединиться к нашей команде? Полетим в Красноярск, поплывём по Енисею на славу! Водопады, пороги, хариуса половим! Вот вкуснятина! Грибов навалом. Красота! А?

– Заманчиво. Надо подумать... – И – порывисто: – Да-да, конечно! Я никогда не бывала в этих краях.

– Вот и замётано. Готовьтесь к походу.

– Вы, Игорь, великий соблазнитель. – И запела: «Я бы навек превратилась в камень...»

– «...Лишь бы ты поклонялся мне...», – подхватил Игорь песню Ады Якушевой, популярную среди молодежи 60-х годов, и добавил: – Но я, откровенно говоря, не стал бы поклоняться каменному идолу.

– Почему?

– Да потому что я хотел бы поклоняться живой, – ответил Игорь, поглаживая руку Веры, поочередно целуя кончики пальцев, и, грассируя, напел: «Очаровательные пальцы, очаровали вы меня...».

– А почему не глазки? – спросила Вера кокетливо.

– Дойдёт и до них очередь. Непременно, матушка, – пообещал он тоном профессора. Сердце её поспешно застучало, дыхание сбилось, вот-вот привстанет, смахнёт наконец-то с Игоря «дурацкую» шапку и припадёт к его губам. Но вдруг, как молния ослепила глаза, отвела от него руку, откинулась на спинку скамьи.

– Что с вами, Верочка? – спросил Игорь с тревогой.

Она пододвинулась к окну, поближе к бледному свету фонаря, посмотрела на часы:

– О, без четверти двенадцать! Так мы и в метро опоздаем!

Они вышли к Малой Пироговской. Оглянулись назад. Вере показалось, будто троллейбус зашумел, подцепил штанги к проходам, вот-вот поедет крадучись; вздрогнула, вцепилась в рукав Игоря, округлила глаза с притворным страхом.

– Кажется, троллейбус догоняет нас.

– Пусть догоняет. Сядем и поедем к Воробьёвым горам, будем встречать рассвет над Москвой-рекой. – Игорь снял с головы политбюровскую шапку и запел:

– «Когда мне невмочь пересилить беду, когда подступает отчаянье...»

– «Я в синий троллейбус сажусь на ходу, в последний, в случайный...», – подхватила Вера.

– Однако, и в этих словах несурезица, – Бедунов обнял девушку. – Я не представляю, как можно садиться в троллейбус на ходу при закрытых дверях.

– В поэзии всё можно. Это метафора.

– У нас с вами, Верочка, реальность.

– Садиться в последний вагон... – прошептала Вера.

– И не случайный. Так?

Вера кивнула и тесно прижалась к плечу Игоря.

Вера Андреевна хорошо помнит ощущение тревоги, которая пришла к ней в ту минуту. Не покидала она и в последующие, но короткие свидания (у неё сессия, у него на носу защита диссертации), ни когда собралась было лететь в Красноярск, но так и не смогла из-за отъезда в Днепропетровск к родителям.

В августе она вернулась в ту же квартиру, которую снимала у тетки Ксении Филиповны. Женщина немолодых лет, вдова (коллежского асессора, – подумала Вера, уж очень та напоминала чеховских героинь), жила в двух комнатах общей квартиры вместе с рослой, с бледным в крапинку лицом, дочерью. Третью сдавала Верочке. Ксения Филиповна вечно совала свой нос в личную жизнь девушки, взяв на себя ответственность, охранять её нравственность. Решила Вера подыскать себе квартиру и жить одной, точнее сказать, с Игорем, когда он вернётся из экспедиции. Вот тогда и поболтаем о нравственности.

Это было утром, буквально через день после приезда Веры из Днепропетровска. Она еще спала, в дверь постучали и требовательный голос тетки:

– Вера, открой!

Накинула халат, подобрала шлепанцы, вышла в коридор. Ксения Филиповна стояла величественно, будто отловила рыбку. В правой руке держала мокрый лист бумаги, а в левой – сигарету с мундштуком. Возле конопатой дочери её топтался юноша с торчащими ушами и загорелый северным загаром.

– Меня, Вера Андреевна, просили передать вам письмо, Извините, оно мокрое, – сказал парень.

– Не понимаю, о чём речь? Письмо, мокрое... Что за шутки! – Вера почувствовала что-то неладное, плотно запахнула к подбородку халат, протянула руку Ксении Филиповне. – Дайте, пожалуйста.

– Не волнуйся, деточка. Пусть просохнет, тогда и прочитаешь, – искоса взглянула на парня, скривив рот. – Молодой человек, откуда это письмо, и почему оно такое мокрое? Вы, что, уронили его в море?

– Меня просили его передать Вере Андреевне люди, с которыми я летел одним самолетом из Красноярска в Москву. Конверт так и не смог я просушить, как следует. Вы уж извините.

– Чудеса в решете! А сами-то они не могли доставить нам письмо? – допытывалась родственница, попыхивая сигаретой.

– В Москву летели транзитом..., – парень хотел было продолжить мало кому интересное объяснение.

Вера выхватила из тонкой руки тетушки влажный конверт.

– Боже мой, какие мы нетерпеливые! Явно это слезы любовника твоего, – исторгла с надрывом Ксения Филипповна.

– Мамуля, зачем же так? – дочь подхватила руку матери. – Пойдём к себе, и пригласим юношу на чай. В дороге то, небось, проголодался.

Что дальше было, и кто этот приезжий, и почему она его не пригласила в свою комнату, Вера Андреевна, вспоминая, не может до сих пор ответить.

Войдя в комнату, Вера хлопнула за собой дверь, шагнула к окну, плюхнулась на кровать и с дрожью в пальцах стала открывать всё еще мокрый конверт. «От Игоря, от него, милого», – осторожно вынула листки, готовые разорваться на клочья, аккуратно положила на раскрытые ладони. Строки были отрывочные, залеплены водянистыми пятнами, читались с трудом.

Многие годы Вера Андреевна пыталась найти его, помнит, что склеила разрозненные страницы, спрятала его, а куда – не помнит. Спросила Петра – не знает, не видел. Но запомнила главное:

«Вчера миновали четыре порога. Жутко здорово! Чуть было не занесло нас и не разбило в щепки. Выбрались на берег, развели костёр, просушились, поставили палатки. На ужин, как всегда, перловая каша с котелков и, конечно, бардовские песни, особенно запала мне в душу: “Я в синий троллейбус сажусь на ходу...”, аж сердце защемило... Господи, как мне не хватает моей Веруньки! Завтра последний порог, покруче прежнего, набъём рюкзаки таежной всячиной и айда домой!...».

Прочитала Вера письмо, и упала навзничь на подушку.

Эту историю мне поведала Вера Андреевна по телефону, когда была ещё слаба, чтобы принимать гостей, с каким-то особым воодушевлением. Видимо, выздоровление возбудило в ней воспоминание именно об этой загадочной истории, загадочной – для неё. В разговоре со мной не раз повторяла: «Я так и не поняла, почему это письмо мокрым было, и что произошло с Игорем на самом деле?».

Я не хотел высказывать Вере Андреевне своё предположение. Мне-то всё было понятно. Не знаю, как читателю.

ВЕТКА СИРЕНИ

В один из юбилейных дней Сергея Васильевича Рахманинова я работал над очерком о вокальном творчестве композитора. В интернете листал видеоматериалы, слушал романсы, песни, оперные арии. Чудесно поют певцы! Но сейчас, словно сговорившись, романс «Сирень» в их исполнении звучал особенно волнующе...

*Поутру на заре,
По росистой траве
Я пойду свежим утром дышать.
И в душистую тень,
Где теснится сирень
Я пойду своё счастье искать...*

Автор стихотворения – Екатерина Бекетова, поэт девятнадцатого века. На следующей видеозаписи «Сирень» звучит в фортепьянном переложении композитора. Не знаю, что лучше? Всё прекрасно! И тут пришёл мне на память давний эпизод из моей биографии журналиста, тонкой нитью связавший меня с темой романса.

По заданию редакции приехал я в этот город ранним утром, и сразу с поезда направился на автовокзал, оттуда рейсовым автобусом должен был продолжить путь до пункта назначения.

...Был конец мая. Жарко. С огородов и палисадников, подгоняемый ветром, плыл аромат цветущих яблонь. И всё же не было в эту пору более пронзительного запаха, чем сирени. В недолгий отпущенный ей срок парила она как бабочка в радужном соцветии над землёй. Королева, царица... Как ещё назвать?

На автобусной станции мелькали корзины, тележки, «турецкие» сумки челночников, модные в годы «перестройки», возле автобусов толкался народ, с одной целью – скорей бы добраться до своего дома в «душистую тень». Объявили посадку. Я купил билет и поспешил к очереди. Это была машина времён 60-х годов, не помню, какого завода. Пригнали на станцию, видимо, из-за дефицита городского транспорта, ощутимого в описываемые мною лихолетья. Урчит, кашляет, выпускает дым. Первым в очереди стоял парень, почти подросток, в помятой кепке набекрень, белой рубашке навыпуск, он неловко подавал правой рукой билет кондуктору, в левой руке держал огромную охапку сирени. Народ здешний этим не удивишь, у хозяина в палисаднике много её, но эта – уж очень хороша!

Кондуктор, дородная женщина с кожаной сумкой на груди, прокуренным контральто внушала очереди: «Чего спешите, не последняя электричка!». Салон (трудно назвать его таковым – без кабины, сиденья обшарпаны, вентиляции никакой), заполняли люди в основном знакомые друг с другом, здоровались. Мужчина, согнувшись в три погибели, пробирался с чемоданом к свободному месту в последнем ряду, явно нездешний; от него разило табаком и перегаром, рот кривился в брезгливой усмешке; он, наверное, думал: «Ну и драндулет мне попался!». Впереди меня расположилась увесистая тётенька с сумкой на коленях, которая что-то жевала и втолковывала худющей соседке, как правильно поливать в жару цветы и учить уму-разуму внука. Любопытно было смотреть на юношу с охапкой сирени. Он о чём-то оживлённо разговаривал с шофером, по обрывкам слов его угадывалось, что едет он к подруге отметить её день рождения. «Купил вот духи “Красный мак”, – пояснял он. «Сирень-то зачем, Петя? Её и так навалом везде», – резонно заметил шофёр. «Ошибаешься, дяденька. Она особенная», – усмехнулся

загадочно Петя, окунув острый нос в букет. Вскоре разговор перешёл на автомобильную тему, тут уж паренёк знаток был бесспорный – как я понял, учиться в автодорожном техникуме. На правой стороне дед в соломенной шляпе поминутно оглядывался назад, улыбался щербатым ртом, вступал в разговор с соседями; понятное дело, ему в допотопном автобусе ехать привычно, старые вещи близки старикам как неотвязное напоминание о своей молодости. Шум мотора ему не помеха. Не удивлюсь, если он запоёт что-нибудь народное, да частушкой ядрёной приперчит. Уговаривать не надо – песню дружно подхватит хор попутчиков. Ну, скажите честно, в каком пригородном автобусе нынче услышишь мелодичный напев русской песни, ямщицкое «разгулье удалое и сердечная тоска», и душевные советские?! Нынче пассажиры сядут в мягкие кресла, поглазуют для порядка в окно и, как по команде свыше, припадут к смартфонам, или заснут, рты раскрыв. А в нашем старом автобусе, наверняка собранном руками пришедших с войны фронтовиками, такое представить немислимо. Ну как не уважать его!

Сирень в руках Петра расплескивала кудри на крутых поворотах, подпрыгивала на каждой яме под колёсами, обдавала нас духмяным ароматом. И вдруг автобус затарахтел, у него из-под капота повалил дым, он подкатил к обочине, остановился, повеяло прохладой. Слава Богу!

– Оп-па, оп-па, Америка-Европа! Приехали, гармония пассажиры! – воскликнул дед в соломенной шляпе.

– Как «приехали»? Разве остановка? – спросил испуганно гражданин с чемоданом на коленях, вытирая платком мясистую шею.

– «Здесь остановки нет, а мне – пожалуйста...» – задорно пропела курносовая девушка из соседнего ряда.

Пётр положил букет на сиденье и в два прыжка оказался возле кузова. На моё удивление, по случаю аварийной остановки комментариев особых не последовало. Разве что юноша с последнего ряда в ответ на вопрос соседа, прижавшего к впалой груди бутылку пива «Что, Ваня, смурной такой?», задумчиво оповестил:

- Жена рожает. Боюсь, не успею.
- Успеешь, милоч, успеешь, – кивая седой головой, сказала старушка, шамкая беззубым ртом.
- Ты что, мать, повивальная бабка? – спросил сосед и глотнул пиво.
- Бога молю, милоч, – перекрестилась она.
- Молись, молись, Настя, а мы пока ноженьки разомнём, – дед в соломенной шляпе, сутулясь и кряхтя, выходил из автобуса.

Следом гурьбой последовали пассажиры. В салоне оставались мужчина с чемоданом и Настя. На обочине шоссе женщины пристроились возле фонарного столба, скрестив руки на груди, и грызли семечки; мужчины толкались возле шофёра, тщетно пытавшегося завезти мотор, давали никчемные советы, автобус чихнул в ответ и окончательно заглох. Пётр поднял капот, нагнувшись в три погибели над мотором, и приступил к работе.

Я подошел к будущему отцу Ивану. Он отмеривал аршинной поступью шаги, жадно курил, менял одну сигарету за другой.

– Далеко ли дом ваш? – задал я дежурный вопрос.

– Вон там, – указал Иван в сторону маячившего вдаль поселка; опрятные дома, зажмурив оконца от солнца, махали ветлами, как бы приглашая к себе в гости. С прищуром смотрел он на дорогу, змейкой ползущую к церквушке, на поле с жирным отливом вспаханной борозды.

– Тракторист? – спросил я в догадке.

– Так точно, – скупо ответил Иван и повернул голову в сторону посёлка. Наверное, не ошибусь, если он подумал: «Еду, к тебе, ненаглядная, потерпи, я скоро буду». В воздухе, напоённом духмяным разнотравьем, плескались ласточки, курчавые облака лениво шествовали по лазурному небу, так и хотелось крикнуть им: «Побыстрее нельзя ли?»... Ветер донёс знакомый терпкий запах... Или мне показалось?

Автобус осторожно, с нарастающим шумом, заурчал, шофёр сел за руль. Мы с Иваном пошли следом за пассажирами, торопливо занимающими свои места.

Поехали.

Иван не стал проходить на своё место, а примостился у двери; по скуластому лицу его катались желваки. Пассажиры притихли, в глазах мелькал тревожный вопрос: «Как там его жена, родила ли?». Даже старик приумолк, шевеля губами. Сидевшая напротив меня женщина маслянистыми пальцами извлекала из кулёчка пирожки, один за другим. «Хоть бы поделилась с соседкой. Жадюга», – только подумал я, как она протянула ей пирожок.

– Вася, двигай пошибче! – крикнула в сердцах женщина с ребёнком на коленях. Шофёр сплюнул в окно сигарету, вцепился за руль. Мотор загудел напористо, надрывно. За окном лихо вжикали машины, дразнили нас – «Догони!».

С первого ряда встал Петя, повернулся к нам, прижав к груди охапку сирени, и крикнул:

– Товарищи, прошу внимания! Мой букет сирени волшебный. Честное слово, я не шучу, – пассажиры недоуменно переглянулись, уставились на парня, решившего, видимо, показать фокус. Глаза его вспыхнули огоньками восторга и удивления, словно он сделал открытие, о котором непременно должны знать люди.

– Вы представляете, товарищи, в сирени, как вы знаете, обычно цветки по четыре лепестка, а в своём букете я насчитал по пять. Это же хорошая примета! Представляете?

Он ходил между рядами с букетом в обнимку, поворачивался направо и налево, вытаскивал по кисточке, вручал каждому из нас, приговаривая: «Загадайте желание, и оно исполнится, честное слово».

– Это вам, – говорил он старику в соломенной шляпе. – А это вам, мадам, – галантно протягивая женщине с ребёнком. – А это вам...

Так он «обслужил» всех пассажиров.

Голос Петра, срывался на дискант, румяные щеки, застенчивая улыбка... так мило он выглядел в ту минуту. В тесном и душном автобусе, может быть, впервые ему стало тоже тесно, как и сирени в саду романа Рахманинова, но это было от

наполняющего, неведомого ранее, нового чувства взрослого человека.

– Петруха, кончай базар, подъезжаем! – крикнул шофёр, сбавляя скорость.

Петя окинул счастливым взором пассажиров – все ли получили ветку? – и, удовлетворённый, встал рядом с Иваном. В руках пассажиров колыхались свечками ветки, отсвет их трогал лица, суровые, усталые, ибо многих, кто находился в этом старом, уютном автобусе, тяготило беспокойное время. А тут – постепенно охватывала общая, нечаянная радость, радость от маленькой ветки в руках; и, как дети, осторожно теребили пальцами душистый локон, подсчитывая, сколько же на самом деле в нём лепестков? И правда – в цветке находили пять! Я тоже нашёл заветную ветку.

Автобус подъехал к остановке. Водитель распахнул дверь, Петя протянул Ивану ветку:

– Возьми, насчитал пять, точно. Отдашь жене своей.

– Да, не надо, – отмахнулся Иван, спускаясь на тротуар.

– Ты что, на счастье!

– Бери, бери! – потребовали пассажиры.

– Иван, глянь, тебя встречают!

К автобусу торопилась, прихрамывая, женщина, она широко улыбалась, махала платком, что-то кричала. Иван побежал навстречу, прижался к ней, обнял её худенькое тело, в его крепкой руке дрожала ветка сирени.

Шофёр захлопнул дверь, и мы потихоньку поехали. Я заметил, как Пётр, облокотившись о перила стоянки, подогнув ногу, наблюдал за Иваном и женщиной, видимо, его матерью. Я успел поймать взмах рук их, мол, давай к нам! Можно и дальше вообразить, как Петя отпразднует день рождения ребенка в доме Ивана, а потом пойдёт к подруге на день рождения, без букета, зато с «Красным маком». Но разве сравнишь запах этих духов с мимолетным ароматом сирени!

– Вот оно как! Чудной Петька, всем роздал цветы, а сам без них остался, – сказал шофер, покуривая.

– Ничего вы не поняли, гражданин водитель, – заметил старик, запрокидывая шляпу на затылок.

– Да ладно вам. Главное, что из этого парня выйдет отличный слесарь. Гражданин корреспондент, вам на следующей остановке выходить! – кивнул в мою сторону шофёр. Я подхватил рюкзак и направился к двери.

В автобусе царило оживление. Пассажиры оценивали Петин поступок как достойный всяческих похвал. Только вот старушка Настя запричитала, мол, не нашла цветок с пятью лепестками, и заключила отрешённо: «Не видать мне счастья...».

– Не горюй, бабуля, я ведь тоже не насчитал. Пять или четыре, какая разница.

Мужчина с чемоданом протянул старушке ветку.

– Возьми.

– А как же ты, милоч?

– Очень просто. Не сегодня, так в следующую весну пятилистник я найду..

Я не успел вступить в разговор, дверь автобуса за мной закрылась, из окон мне замахали руками, я только услышал тающую в просторе дороги лихую песню: «Ваше благородие, госпожа удача...»

Вот такая история. Я повторил запись «Сирени» Рахманинова. Вдыхали аккорды, ноты томно плели кружева... Что-то новое пришло ко мне в этот день... «В жизни счастье одно мне найти суждено, и то счастье в сирени живёт...».

Николай СОЛЯНИК

Николай Ананьевич Соляник – поэт, прозаик. Родился в 1944 г. Уроженец земли запорожской. Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (факультет журналистики). Работал в отраслевых и центральных изданиях. Автор книг стихов и прозы. Лауреат литературной премии имени Николая Рубцова, обладатель диплома «Золотое перо Московии», награждён медалями А.С. Грибоедова, Ф.И. Тютчева, генерала М.Д. Скобелева. Член МГО Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Я У ТОПОЛЯ ДАЛЬНЕГО...

БЕРЕГА

Берегут меня берега,
Тот, что слева, и тот, что справа.
На одном – лютует пурга.
На другом же – лютуют травы.

Тот, что слева, покоя не даст,
Душу выметет, словно сени.
А куда мне теперь, куда?
Берег правый – моё спасенье.

Благодать. Синева, соловьи,
Плеск волны и трава до неба.
И певуны-колдуньи мои.
Здравствуй, правый!
Давно здесь не был.

Пью вино. За глотком глоток.
И ромашкам кричу: «Спасибо!»
Но крадётся уже холодок,
Слышу голос паромщика силпый:

«Нет ни ночи тебе, ни дня.
Закрутился ты, парень, право...»
Остуди, берег левый меня.
Отогрей меня, берег правый.

МОЙ ПРЕДОК

Мой предок соль возил –
В Черкассы, на Волянъ.
Корячились возы,
Горбатились волы.

Пусть не нажил добра –
Тот невеликий кошт –
Пил воду из Днепра,
Достав небесный ковш.

Молил Чумацкий шлях*
До дому довести.
И чтоб поганый лях
Не встретился в пути

Иль турок-басурман...
Далече Перекоп.
И всяк себе сам – пан.
Но не скажите «Гоп!»

Чу, звякнуло ведро.
Все обратились в слух.
«Ой, ты, Днипро, Днипро!..»
Та то ж Великий Луг!**

Слова наперебой
И медовуха-плюс.
Стою я под вербой,
Солянику дивлюсь.

* Млечный путь.

** Историческое название днепровских плавней, вотчины запорожских казаков.

ЕЛОВАЯ ШИШКА

Еловая шишка на нашу скамейку
Свалилась, как с неба.
Наверное, знак.
Давай загадаем: быть вместе
навеки.
Навеки и вместе.
Иначе – никак.

Шумели дожди,
и хрипели метели.
Цветы расцветали –
как видно, не зря.
Февраль не узнает,
что будет в апреле.
Апрелю неведома
грусть февраля.

Я жизненный путь не чертил
под линейку.
Как жил, так и жил,
погоняя года.
Еловая шишка
летит на скамейку.
А что загадать?..

* * *

И вот мы снова у реки,
Ловлю тепло твоей руки...
И вздрогнуло нечаянно
Колечко обручальное.

СВЕТ ОБИТЕЛИ

*Моим родителям – Ананию Семёновичу
и Марии Григорьевне*

Как же светел путь –
Дорога к родителям!
В их глаза заглянуть:
«Вас здесь не обидели?»

Мать в слезах и молчит –
Слова не находятся.
А отец всё ворчит
На власть, как водится.

В доме тихо, тепло,
Борщ украинский.
Что вкуснее его?
Маме слова мои
нравятся.

Все гляжу на себя
С фотографии.
Благодарна судьба
Биографии...

Будь же вечен, будь,
Свет обители!
Как же тягостен путь –
От родителей!

БЕРЁЗА

Берёзе снег не нужен,
Она и так бела.
Хорошего бы мужа –
Простые ведь дела.
Но тот, который слева,
Огромный и несмелый,
Всё смотрит на ольху.
ТЬфу!
И как забыть успел
Березовое платье,
Березовый напев?
И снег такой некстати...
Печалится берёза,
Сермяжная душа,
Хотя, вполне серьёзно,
И в шубке хороша.
Ну, впрямь как королева!
Но тот, который слева,
Все смотрит на ольху.
ТЬфу!

МЕЛИТОПОЛЬСКИЙ ВАЛЬС

Одноклассникам

Он ведь рядом как будто –
Шестьдесят какой год.
Столько было напутствий.
Столь прощальный аккорд.

Тополя с интересом
Озирались на нас.
И звучал в поднебесье
Мелитопольский вальс...

Разнесло нас по свету.
Но и счастливо ведь!
И в глаза нашим детям
Нам не стыдно глядеть.

Пусть живём мы вчерашним,
И немало нам лет.
Расцветает черешней
Нашей юности свет.

Светом полнятся лица.
Две слезинки. Ну что ж?
Это просто пролился
Мелитопольский дождь.

ДВУХРЯДКА

Была бы двухрядка,
А с ней и тетрадка,
Еще б – и стило.
И жить веселó!
А девушку Олю
Хоть в небе, хоть в поле,
Хоть в белом саду,
Я всё же найду.
Быть может, найду.
Девушку Олю.
Хоть в небе, хоть в поле...

Уснула двухрядка.
Забыта тетрадка.
Нахмурил чело,
Гляжу на стило.

ЛУЧШИЕ ЖЕНЩИНЫ

Лучшие женщины выходят на Соколе.
Мне же до Химок – тянуть и тянуть.
Лучшие женщины всегда где-то около.
Мимо и около. Только взглянуть.

Лучшие женщины выходят на Соколе.
Дочки и внучки забытых погон,
Юные жёны юных полковников
И генералов. И хуже того.

Лучшие женщины выходят на Соколе.
Только скажу вам без лишних затей,
Те же их губы и те же их локоны,
Что у Варюхи, соседки моей.

Пусть не хватает ей лоска и светскости,
И про любовь говорить не мастак.
Лучшие женщины – жёны соседские.
Это доподлинно. Это всё так.

Я вспоминаю соседку бойкую.
Ладно, Варюха, как ни крути,
Всё-таки выйду однажды на Соколе,
Как бы случайно, сбившись с пути...

ЧУВАШИЯ

Уезжаю совсем очувашенный
Задушевными песнями вашими
И полями, и светлыми рощами,
Где живется привольно да проще.
Где *Нарспи** , красавица местная,
Уже завтра станет невестою.
Отзовутся гармони и бубен.
Пусть в судьбе всё счастливо будет!
Уезжаю. Пока! *Сыва пул!***
Просто ветер московский подул...

* * *

А у тополя дальнего
Не дождусь я свидания.
Приходи по полудни –
В поле тихо, безлюдно.
Приходи ночью звездною –
До утра не замерзнем мы.
Приходи, коли сможется –
Может, песня и сложится...
Я у тополя дальнего.

* * *

Не проси любви у нелюбимой.
Нелюбовью не тревожь любовь.
На крыле беспомощно-счастливым
Ей лететь недолго за тобой.

* Нарспи – фольклорный персонаж чувашской девушки-красавицы.

** Сыва пул! – До свиданья!

Задрожит осенней паутиной,
Зимняя нагрянет круговерть.
Не проси любви у нелюбимой.
Дай любви до срока умереть.

МОЛИТВА ЖЕНЩИНЫ МОЕЙ

Опять жестоко кем-то брошена,
Но лишь себя одну виня,
«Скажи мне что-нибудь хорошее», –
Просила женщина меня.

И сознавала, что беспомощна,
Что всякий может упрекнуть.
И всё шептала тихой полночью:
«Скажи, скажи мне что-нибудь».

Уйду и я, как все, как прочие.
Что делать, значит, не судьба.
«Скажи мне что-нибудь хорошее», –
Попросит женщина тебя.

И будет рядом, осторожная,
Не заклиная, не кляня.
Скажи ей что-нибудь хорошее
И за себя, и за меня.

Всё в этом мире перекошено.
Звучит до истечения дней:
«Скажи мне что-нибудь хорошее» –
Молитва женщины моей.

* * *

По-над берегом солнце крадётся,
Раздвигая кусты ивняка –
То в оконце мне улыбнётся,
То прищурится издалека.

Потянулся дымок неспешный,
Встрепенулся гусар-петух
(На селе он совсем не пешка),
И – заветной калитки стук.

Коромысло гремит у колодца,
Не дождётся ведерка никак...
По-над берегом солнце крадётся.
Песня сложится – наверняка.

ПРОСТО ДУМАЮ О ТЕБЕ

Не умею играть на трубе.
Не по мне и кружиться в вальсе.
Всё равно ты со мной оставайся...
Просто думаю о тебе.

Просто думаю о тебе,
Коротая разлуки сроки.
И трещат мне в окно сороки:
«По судьбе, мол, тебе, по судьбе!»

Просто думаю о тебе.
И в простой деревенской избе,
И в случайной гостиной паркетной
Не приветно мне, не приветно...

Просто думаю о тебе.

Где растут мои осины.
(Не дождусь от них привета)?
На каком краю России?
На каком краю планеты?

Мне бы сердце – да попроще.
Мне бы душу – да почище.
Утону в зелёной роще,
Я, ей богу, там не лишний.

Я, ей богу, не напрасно
Проторил свою дорожку.
Жизнь была отнюдь не праздник,
Но ведь было и хорошее....

Чист, уютен подоконник.
Мне б глотка дорожной пыли.
Ускакали чудо-кони,
Седока, видать, забыли...

ДОБРОТА

Добро должно быть с кулаками.
С. Куняев

Твоей обидою гонимый,
Своей жестокостью казним,
Я знал и верил: где бы ни был,
Живу прощением твоим.

И вот мы рядом. День печальный,
И рук податливых тепло.
Я обижал тебя нечаянно,
Не шутки ради, не назло.

Ты замираешь – словно камень.
Очнись, хоть слово пророни.
Добро должно быть с кулаками.
Так проклинай меня, кляни!

А ты молчишь. Рукой усталой
Прибрала волосы-фату.
Ты добротой отстояла
Свою святую доброту.

Евгения ПОЗИНА

Евгения Егоровна Позина – прозаик, член Союза писателей России, член Московского и Международного Союза журналистов. Автор книг: «Дела семейные» (сборник, «Молодая Гвардия»), «Вторая Ася, или Закодированное послание женщинам» (МГО СП России), «Послание женщинам №2» (ИПО «У Никитских ворот»), автор статей в периодике. Более сорока лет работала редактором, главным редактором, издавая книги для детей. В этом качестве является автором, составителем, переводчиком многих книг для детей самого разного возраста: от малышей до старшеклассников.

Живёт в Москве.

ДАЧНИЦЫ

Маленькая повесть

НЕОЖИДАННОСТИ

Наконец-то они собрались на дачу. А дело было летом, в пятницу, в конце рабочего дня. Так неожиданно они узнали, что залезть в электричку в эти часы, в этот день, в это время года – большая проблема.

Для читателя, я полагаю, неожиданностей в этом быть не может. Мои же героини, бывшие одноклассницы, детьми пока не обзавелись и полностью отдаются работе. А в свободное время любят рассуждать, читать философские книги (предпочитают в первоисточниках) и на закономерности быта внимания не обращают: это им неинтересно. И вообще считают себя нетипичными, в чём нам и предстоит разобраться.

Врач Екатерина Андреевна Резникова должна быть в своей клинике без четверти девять, поэтому про утренние толпы в общественном транспорте она могла бы знать. Но природная близорукость приучила её обращать свой взор внутрь себя, поскольку то, что снаружи, имеет неясные (для неё) очертания. Очками, в модной оправе, она пользуется лишь для изучения больных и зрелищ.

Нет, Катя вовсе не синий чулок. У неё классическая женская фигура: небольшие плечи, круглые бёдра, прямые, чуть с полнотой, ножки; всё весьма симпатичное, в пределах 46 размера. Но – высокий лоб, отсутствующее выражение умело подведённых глаз наводит на размышления о том, что женщина эта самостоятельная и ежели хочешь с ней пофлиртовать, то вначале заговори на деловую тему.

Домой она возвращается часа в три. А если есть тяжёлые больные, то в такое время, когда домой плетутся измотанные за день пьяницы да влюблённые.

Что касается второй женщины, то выделить её в толпе практически невозможно.

Елена Воронцова – хрупкая, с детским, без косметики, лицом, длинные русые волосы собраны сзади заколкой. Никогда и не скажешь, что ей уже тридцать пять и что она не просто кандидат наук, а весьма уважаемый на работе человек, сльвущий крайне перспективным. У старшего научного сотрудника, кем является теперь наша Лена, расписание практически свободное. Утром она работает дома, днём спешит в институт и сидит там до глубокого вечера, то есть и ей часы «пик» сейчас непривычны.

Что ещё можно добавить? Лену тоже синим чулком не назовёшь. До сих пор она любит мечтать и сочинять всякие истории, которые могли бы с нею приключиться. Но обе женщины – и врач, и учёный, – упорно не идут на сближение с мужчинами, поддерживая с ними пока чисто дружеские отношения. А причины этому такие.

Лена, потеряв мужа – год назад погиб в автомобильной катастрофе, – хотя и мучается – от одиночества, но представить себе рядом кого-то другого сейчас просто не может. А Катя давно и терпеливо любит примерного семьянина, что часто мешает женщине создать собственную семью.

Короче, мои героини пребывают пока в состоянии осмысления мира, а кроме того, работают над диссертациями: Катя – над первой (но не на даче), Лена – над второй, докторской (но тоже не на даче).

Подруги вдвоём, особенно на даче, чувствуют себя замечательно, больше им никто не нужен, хотя читатель может мне и не поверить. Все равно, мол, каждая втайне только и мечтает, «кто бы женился». Но история наша только начинается, будем знакомиться с героинями постепенно, может, что-то и прояснится.

А пока скажу так: садитесь в пятницу в последний вагон электрички, которая отбывает в 16.14 (теперь они ездят на ней) и знакомьтесь. Сойдут подруги в Чистых Ручьях, так что времени у вас час с лишним.

...Так вот, в тот день, в пятницу, с которой начинается наше повествование, они поехали электричкой 19.15. Возле тамбуров, у каждого вагона, стояли желающие втиснуться ещё, в основном женщины. Они ждали крепких мужиков, чтобы подтолкнули сзади.

У Кати в одной руке было косовище – на даче травы понарастало выше колена, – в другой, как полагается, продукты. Лена тащила на плече сумку с книгами, в руках авоськи с олифой – деревянный дом предстояло освежать снаружи и изнутри. Наши дамы попросили проходящего мимо элегантного мужчину с дипломатом поднажать на них, что он охотно сделал. Потом на него поднажали, так что некоторое время все трое ехали, прижавшись друг к другу. Поскольку Лена оказалась в такой давке впервые и хихикала от смущения, беседу с товарищем по пространству взяла на себя Катя. Точнее, он заговорил первым, поскольку неприлично прижиматься к незнакомым женщинам и молчать:

– Что вы делаете у себя на даче?

– Ну, а вы что делаете? – ответила Катя, которая, общаясь с пациентами, научилась не отвечать, а спрашивать.

– Дома сажу... кругом заборы, гулять негде. Хорошо, когда жены с дочерью нет. Тогда я пью и отдыхаю...

Наши подруги решили сойти в Бакшеево, где работал магазин, а потом пешочком, не торопясь, беседуя, дойти до своей дачи. У магазина стоял военный газик. Лена на всякий случай спросила:

– Подвезёте?

– Садитесь, – ответил майор, который сидел рядом с румяным шофёром, мальчиком-солдатом.

У переезда Лена принялась благодарить, объяснять: «Дальше – сами, здесь близко».

– Ничего, подвезём, – возразил молчаливый майор.

Возле бетонки, что вела прямо к даче, Елена вновь рванулась из машины с благодарностями (военным, выяснилось, вообще было в другую сторону).

– Ничего, подвезём, – повторил майор.

И подвёз: прямо к воротам дачного кооператива, где находилась дача Воронцовых. При прощании он неожиданно сказал:

– Через час привезу вам косу.

Подруги, пока ехали, не удержались, развернули промасленную бумагу, вытащили косовище, которое увидели близко впервые в жизни, и принялись обсуждать, как из него сделать косу. Всё это происходило за спиной майора, и похоже, он не выдержал.

И вот Лена с Катей, переодетые во всё дачное, полурваное, сидят в прекрасном своём доме, пьют чай и беседуют о майоре. Вот мужик, взял да и подвёз, а сам ехал в противоположном направлении.

– Да ещё косу привезёт.

– Да нет, Кать, это он сгоряча. Я знаю местные нравы: наобещают, а потом – то да сё, а телефона нет, и жди до следующего свидания.

Но через час Лена вышла на крыльцо. За забором стоял «газик». Ждал, не сигналил. «И давно он тут? А если бы не вышла?» Лена побежала к машине. Майор стоял рядом, отмахивался от комаров и держал косу.

– Возьмите. Солдаты сделали. Конечно, не идеальная, но вы бы ведь сами не насадили.

«Неужели так заметно, что мы без мужчин? Плохо», – и Лена заговорила с майором, чтобы отблагодарить его хотя бы разговором.

Он оказался политработником из соседней части. Лена сказала, что армия – машина тяжёлая. Трудно всё время подчиняться, надо, а начальство – те же люди, с теми же недостатками.

– Чтобы испытать человека, надо испытать его властью, так говорят, – ответил майор.

У него было молодое курносое лицо, глаза чуть навывкате, мутновато-зелёного цвета, отчего Лена вначале подумала, что майор «под градусом». Нет, он был трезв, просто глаза такие странные: немного сонные.

Говорили они неожиданно долго. Июньское светлое небо загустело, с пруда потянуло сыростью, комары окончательно озлобились.

Вдруг Елене пришла в голову новая мысль, и она, с трудом подбирая слова, стала объяснять ему:

– А мне вас жалко, да, честное слово. Мы живём, делаем, что хотим, всюду ходим, встречаемся. Даже не так: у нас есть выбор, мы можем найти любимое дело, вложить себя в него, развиваться, а рядом очень много людей должны жить совсем иначе. Всю жизнь иначе, по другим принципам. Неравенство какое-то. Я понимаю, вы не принадлежите себе, чтобы мы были свободны, но жалко, правда.

– Вот вам мой телефон, – ответил майор. – Звоните, если понадобится помощь, – и он накарябал что-то в записной книжке, на схеме метро, вырвал её, протянул Лене.

«Ну вот, начинается, дожалела».

– Понимаете, я сразу же думаю, что вы не просто так мне это даёте. Что у вас будут всякие мысли, ведь мы мужчина и женщина.

Курносое лицо майора вдруг покраснело, налилось силой и затвердело. Глаза глянули жёстко:

– Нет, не будут.

Но Лена не верила!

– Вы ведь знаете, сейчас просто так ничего не делается. Надо расплавиваться, и из машины я пыталась вылезти, вы же видели, мне было странно.

– Я сказал? Всё. Ничего не будет, – не распуская лица и не погасив глаз, ещё раз повторил майор и сел в машину.

И Лена обрадовалась.

– Тогда хорошо, – затараторила она, подходя к окошку, – тогда конечно. Мне интересно с людьми разговаривать. – Газик уехал.

– Ты что так долго?

– Да, видишь, – и Лена всё рассказала подруге.

С майором они больше уже не встретятся. Но будут долго помнить о нём, чтобы мечтать... Приедет на дачу рота солдат, начнёт бетонные дорожки делать, поле всё перекопает, цветы засадит, дом проолифит – вот это жизнь! А соседи столпятся у забора и будут завидовать.

ГАЗОН И БЕЛАЯ КОЗОЧКА

Илья Воронцов, муж Лены, был учёным и, стало быть, наших подруг окружают дачи работников научного труда, поскольку действие наше происходит на территории дачного кооператива.

Кооператив сравнительно молодой, по субботам-воскресеньям стучат молотки и топоры, визжат электропилы, ревут грузовики со щебенкой, песком или навозом, пахнущим детством.

Впрочем, как свидетельствует жизнь, возраст дачных, садовых и прочих участков – характеристика условная. Всегда там что-то стучит, визжит и ревёт, указывая на вечное движение. Твой дом, на твоей земле, значит надо трудиться.

– Ленк, давай кур разведём.

– Да ну, к черту, потом убивать надо.

– Какая ты грубая... Хорошо, а рыбки хочешь? – продолжала выяснять Екатерина.

– Хочу!

– Ну вот, запустим их в колодец. (Воронцовым был спроектирован колодец для канализации, и трубы проложены, а вот ванную купить не успел; и теперь колодец исправно поставляет грунтовые прозрачные воды для технических нужд).

– Ты что, там холодно! Давай, Катък, лучше пруд выроем, купаться на участке будем.

– Если пруд, то давай гусей разводить. Их кормить, поить не надо, они все сами: с утра уйдут, а вечером придут.

– Так, а что потом? Опять резать?

– Да... надо подумать.

Лена с Катей лежат на широком тёплом крыльце в купальниках. Покуривают. На фоне голубого неба и белых облаков застыла ядовито-зеленая верхушка дуба, единственного природного дерева на участке.

– Слушай, Катък, ну почему нам с тобой ничего не надо? Вон Оксана, с утра до вечера в огороде, Андрей газон стрижёт, морем пахнет.

О, этот газон! Год, наверное, Катя с Леной смотрели на соседнюю идеальную лужайку, слушали треск самодельной электрокосилки и мучились неуправляемостью разнотравья перед собственным домом.

Пока Андрей Андреевич (сосед справа, на работе – доктор наук, на даче – великий рукотворец) мастерил финскую баню, бильярд, погреб – подруги удерживались от зависти. Но вот газон!

– Представляешь, Ленк, понаставим мы на нём скульптуры!

– Из чего?

– Так у тебя весь сарай в цементе... Ну вот, а у дачи я люблю колонны или вазы с цветами, – мечтает Катя.

– Так цемент же на отмостку! – спохватилась Лена.

– «Отмостку», «отмостку», задолдонила! Сделаю я тебе отмостку, а ты вазы слепи.

Сын Ильи, который появится в нашем повествовании несколько позже, тоже захотел, как у Андрея Андреевича, на «европейский лад», и стгоряча перекопал им землю. Лена покидала в неё семена садовой травы. Через некоторое время из земли полезли естественные травы. Но к этому времени Лена каким-то образом совместила в себе великое удивление перед русскими классиками, которые знают каждую травинку, с собственным участком, на котором тоже ведь что-то такое росло. Она выдрала из номеров «Науки и жизни», скопленных за много лет, последние страницы, не поленилась их склеить, и вот безымянная трава перед домом стала одаривать их радостью узнавания. Тысячелистник, зверобой, череда, ромашка – такие полезные, и вот они, рядом!

Нет, не нужен нам безликий газон. Пусть перед домом будет трава, она вся нужная, ещё кипрея сюда пересадим и чистец, у них клубни, оказывается, вместо картошки идут.

– Но всё-таки, почему нам ничего не надо? – продолжает размышлять Лена. – Это плохо. Все работают, а мы лежим. Я знаю, на меня тут как на дуру смотрят, которой вдруг такое добро перепало. Каждый думает: мне б такой участок без деревьев, я бы!.. А мы аллеи насадили липовые, берёзовые... правда,

здорово? Они поймут, время пройдёт, вырастет всё, они увидят аллеи и поймут. Илья всё предвидел, да Катя? И дом такой! Места – пожалуйста, каждому. И стекла не побоялся. Смотри, все веранды налепили из одних переплёттов. А мы там стол поставим и будем в пинг-понг играть... Илья понимал. Дом нужен, чтобы работать и отдыхать. Ну, собрали клубники, ну, больше, ну, меньше. А эти даже на рынок отвозят, учёные! Варенье не варят – дорого.

– Ничего, Лен, не горюй, мы вокруг дома травы всякой насадим, кинзы там, петрушки...

– И сельдерея.

– И сельдерея. И пусть всё растёт. Трава она сама растёт, ей помогать не надо. И ревеню посажу. Ревень любишь? – ласково спрашивает Катя.

– Ты что? Он знаешь для чего?!

– Глупая ты девчонка, я тебе из него варенье буду варить, знаешь, я какое умею... Ну вот, а остальное постепенно достроим. Вот только я тебя к животным никак не приучу. Свиныю хочешь?

– Опять резать?

– Ну тогда козочку, – решительно заявила отдыхающий врач.

– Козочку? Хорошо! – Лена радовалась, наконец-то они придумали: – и молоко, и шерсть, и убивать не надо. – Повесим колокольчик, и пусть дом сторожит, да?

Потом они отрывались от тёплого крыльца, надевали рукавицы, брали лопаты и копали землю под отмостку.

А ТАМ, В ПАРИЖЕ...

Милая Ленка, здравствуй!

У нас всё нормально. Дел у меня масса: письменный переводчик, общественная работа. Да и дом ведь, и убирать, и готовить надо, стирать тоже самой – отдавать дорого, не по карману. Посмотрела бы я, как Машка, наша Корбюзье, каждый бы день ходила в Лувр! Я уж не говорю про время, но и про деньги

(вход 6 фр. = 1 руб.), а с этими чёртовыми финансами такая чехарда. Так что, в районе Лувра ходят только недельные туристы со справочниками в руках. Видимо, есть и французы, но они маскируются.

В целом, к Парижу я уже привыкла, и он не воспринимается как раньше, но и не очень мешает (кроме пробок на улицах). Для головки, правда, работы мало, в основном читаю, опять же мыслю.

Пока у нас с Володечкой редкое единомыслие в этой новой для нас действительности, даже странно, мы ведь достаточно разные люди. Надо было нам давно куда-нибудь уехать.

Относительно французов и их интересов определённо высказаться не могу, так как для этого надо с ними общаться. То, что видно сверху, не всегда верно, то есть всегда неверно. С инженерами и тем более людьми искусства не знакомы, к сожалению, а вот с Володиными сослуживцами знакомы, но это международная организация и французов там мало. Обменялись «визитами» с одной милой французской парой, глава семьи работает вместе с Володей. Печатник, хоть и пролетарий, но из привилегированных, так как место у него постоянное и весьма хорошо оплачиваемое. С точки зрения познания – ничего особенного. Правда, в отличие от экономности большинства французов, он подготовил довольно хороший ужин, чем был несказанно горд и доволен сам собой. Зная эту национальную особенность (кормят не как у нас), мы ещё дома перехватили кое-что и в результате весьма накушались.

Разговоры в таких случаях они ведут очень осторожно, в основном насчёт кулинарии, слегка о массовом искусстве, только чтобы не коснуться общечеловеческих проблем или политики, ибо они считают Володьку «красным» (не без основания) и не хотят даже краем в его присутствии задевать политику, видимо, опасаясь возмущений с нашей стороны, поскольку пресса здесь часто привирает на наш счёт.

Так что в нашем положении здесь есть своя специфика и пикантные ситуации.

Целую. Рита.

Авторское пояснение: Рита – эта третья школьная подруга, переводчица. Она удачно вышла замуж и теперь одни отдыхают на даче – другие трудятся в Париже.

Кому больше повезло? Посмотрим...

ГОСТИ

Были майские праздники, самое их начало. Был вечер.

Горит на кухне люстра. Большой стол из белых досок покрыт клеёнкой. На маленькой лавке сидит Катя и читает вслух сказки Афанасьева. Лена лежит на широченной лавке у стены и слушает. Обычный для них вечер.

Вдвоем они часто смеются, до изнеможения, до болей в животе. Бывало, и с ничего. Сидят друг перед другом за столом, привычно мечтают вслух. Например, насадят Ленкиного любимого сельдерея, покосят его и на рынок, – и почему-то смеются. А бывало и так. Привезут они с рынка клубники (что им и предстоит всю жизнь: с рынка, а не на рынок). Наложат в две огромные миски, зальют сметаной, посыпят сахаром, возьмут по столовой ложке, – и опять смеются...

А тут у Афанасьева: живет себе какой-нибудь дурачок, ни о чём не мечтает, вдруг его призывает царь и говорит: «или службу сослужишь, – или голову с плеч!» – разве не смешно? Или рассуждают Безрукий и Безногий: «Попова дочка такая добрая, давай её украдём, пусть нам каши варит да белье стирает». А слова какие попадают! С Леной плохо было, когда услышала «ах ты, старое стерво» (это про бабу-ягу). Казалось бы, ерунда, вместо женского рода – средний, а человек смеётся.

Сейчас сказка была про то, как Иван-царевич задумал жениться. А ему Катомы – дядька-дубова шапка и говорит: «А женись, дело хорошее. Пойди в залу, да поищи себе». А в зале портреты всех царевен вывешены и написано кто чего требует за себя.

Лена уже сидит на лавке, лёжа от смеха задохнуться можно, – вдруг две головы в окне.

Это гости. Вообще-то она их ждала, только Кате боялась сказать, да и надеялась: вдруг раздумают.

Гости произошли вот по какой причине.

Илья погиб, а его лаборатория осталась. Это были одни молодые парни. Они приезжали на дачу с утра. Вначале они что-нибудь достраивали (по плану, нарисованному еще Ильёй), потом играли в футбол (жён и Лену ставили на ворота или в защиту), потом ели щи, мясо с картошкой (пили все мало), перебирались из кухни в каминную, усаживались на пол и начинали играть в любимую комнатную игру «крокодил» (один из вариантов шарады). Потом пили чай с вареньем и под вечер разъезжались. Каждый из них говорил Ленке «спасибо», и она им отвечала «спасибо», мучаясь, что теперь нескоро увидит их всех вместе. Приезжали они на дачу обычно раза три в году: на зимний футбол, осенний и весенний (летом молодые учёные подрабатывали в стройотрядах).

Старых подруг, друзей у неё не осталось: как-то не нужны они стали при Илье (отнимали бы время). Жила она отдельно от мамы давно, поэтому вполне естественно, что ей стало страшно от одиночества. Тогда-то Лена и вспомнила про Катьку, школьную подругу, с которой уже не виделась лет сто, но которая, по слухам, тоже вроде одна – и она ей позвонила. Оказалось, вместе хорошо, друг от друга не устают. Потом Лена занялась философией – разбирая библиотеку Ильи, поняла, что существует знание о мире, которое ей до сих пор было неизвестно. Но и Кате оказалось позарез нужны эти же знания! И вот следующий отпуск они уже проводят на даче вдвоём, за философией. А потом и вовсе стали неразлучны.

Но иногда Катя уставала быть зависимой и бастовала: «На дачу не поеду, у меня депрессия».

А без дачи Лена уже не могла. Свободные два дня могли быть прожиты лишь там, на даче, где можно думать, смеяться и даже мечтать. Субботы и воскресенья дома были для неё невыносимы: работать не получалось. Внешний мир всем напоминал ей, что эти дни – выходные, семейные. Куда же себя девать? Нельзя же бесконечно отсиживаться у семейных знакомых. Нет, дом,

построенный Ильёй, оказался спасением, потому что он требовал постоянной заботы. Но всё равно рядом должны быть люди.

Поэтому, «раз Катька может бросить меня, значит надо искать замену». И она нашла. В своем же НИИ. Оказывается, две юные сотрудницы (моложе Лены лет на десять) уже давно её «очень любят и хотят к ней на знаменитую дачу».

Когда пары приезжали врозь (у сотрудниц были мужья, что тоже делало их приезд привлекательным: всё-таки мужская сила) было замечательно. Трое: две женщины, один послушный муж, – неплохая психологическая конструкция.

На сей раз, не поверив Екатерине («откажется в последний момент, сошлётся на личную жизнь»), Лена позвала обе пары. Познакомившись через Лену, юные женщины подружились, поэтому звать их врозь уже было неловко...

Потом Лена говорила Кате: «Это важно, что они молодые. А мы старые. Мы хотим тишины, а из них энергия выходит».

А что, собственно, было плохого в эти майские праздники, когда вслед за первой парой, примерно через час прибыла вторая?

Ну, не давали они покоя свои мужьям, и делали это очень похоже. То руки приказывали мыть, то копать, то есть, то гулять, то в магазин мчаться, то играть с ними. Когда же оказывалось, что всё уже перепробовано, измененными голосами тянули «мне скучно» или «мне холодно, согрей меня».

Мужья терпеливо выполняли все команды, только по утрам вырывались часа на два укреплять свой дух: один бегом, другой йогой. Тогда молодые женщины попеременно управляли друг другом. Срабатывало какое-то внутреннее чутьё, когда то одна, то другая знала: «А сейчас я». И мужья прекрасно знали своих жён, они были уже не один год вместе, и их вполне устраивала такая жизнь.

Раздражала она только Лену с Катей. Лена добросовестно вспоминала... неужели она так же теребила своего Илью? А потом решила: вряд ли, Илья тотчас бы над ней посмеялся.

На самом же деле то, что их раздражало – явление обычное для семейной жизни. Отношения на виду: детей и родителей,

жён и мужей, – и ты, посторонний, тоже должен принять в них участие.

Но сейчас, после сказок Афанасьева, почему-то невыносимо тяжело было слушать про еду (что готовит, да как вкуснее), погоду (будет солнце или нет), грядки (как лучше сажать), одежду (где достать).

Все три дня праздников Катя с Леной говорили друг с другом шёпотом, тайком, ругались, смеялись, удивлялись. «Ну почему так скучно?» – «Нет, Катък, любой человек внутри что-то интересное содержит, но как добраться?» – «Глупая ты девчонка, в середине у них всё тоже самое».

Весной, когда у неё подскочила температура под сорок, тряс озноб, Лена почему-то позвонила одной из этих женщин (той, что жила ближе). И они с мужем по очереди спали у Лены, чтобы той не было страшно, пока не освободилось место в больнице.

Катя, конечно, тоже приходила каждый день, пыталась понять, что же случилось (диагноз долго не могли поставить). Но вот ночью, когда сорок, которых не было ни разу в жизни, просить быть рядом ночью Катю почему-то было неловко. А молодая женщина, по имени Таня, «ограниченная и стандартная», варила каши, стирала бельё, гоняла мужа в поликлинику с Лениными анализами.

Вот так получилось.

С тех пор, а Лена теперь часто болеет, выхаживает её Таня.

Врач Екатерина Андреевна посмеивалась, выслушивая объяснения подруги.

Что делает Катя, когда все слесари уже отказались? Она зовёт свою подругу Зину, с которой когда-то работала в одной больнице и с которой из-за Лены почти перестала встречаться. Та засучивает рукава – и чистит.

– Ты бы позвала меня чистить? – спросила Лена.

– Тебя? А ты бы пошла?

– Пришлось, если бы попросила, но не хотела бы.

– Ну вот.

– Ну вот, – повторила Лена. – Что-то мы не можем друг от друга. Не сочетается у нас. Обязательно должны быть Зина или Таня, которых не стыдишься.

– Хорошо, согласна. Но Зина чувствительная девчонка, а Таня твоя как комод.

– Да иди ты!

– Какая ты, Елена, грубая бываешь, это нехорошо.

– Это я от тебя набралась, из твоей опытной жизни. Всё матерком норовишь, мол, «врачи, иначе не можем».

– Это не мат, а фольклор, сколько раз тебе повторяла. Без него как без соли. Вот ты жрёшь всё без соли, а это плохо, поэтому болеешь.

– Ну да! Потому что матом не ругаюсь, соли не ем, с мужиком не живу.

– Правильно, мужские гормоны необходимы.

Так что же, про мужчин или про Акулину Васильевну? «Матерком» – это её словечко. Про мужчин? Нет, лучше об Акулине Васильевне.

ХМЕЛЕВО И ГРАЧЁВ-НЕНАВИСТНЫЙ

Хмелево – название деревеньки, расположенной недалеко от дачного кооператива. Давным-давно приехал сюда Илья. Ему надо было снять дачу, чтобы пожить отпуск с Леной и следить за строительством собственного дома.

Рядом с голубой избой с белыми ставнями и антенной, торчащей выше всех деревенских, у забора на лавочке сидела Акулина Васильевна. Вокруг расположились «старухи», как она их называла, все моложе её, но абсолютно неспособные провести хотя бы вечер без Акульки (это уж как они её звали).

Ничего особенного в её внешности не было, да к тому же лица стариков так похожи. Но если разгладить морщины, вставить прежние зубы, то можно увидеть весёлую голубо-

глазую женщину с высоким лбом, складную и небольшого росточка.

Сейчас её отличает от «старух» пристрастие к молодёжным цветам: сиреневая кофта, голубые серёжки, белый платок в ярких розочках.

Илья исходил уже всю деревню, и всюду ему было не по себе: грязно, пьяные мужья, расчётливо-ласковые жёны.

Он хотел уже плюнуть на это Хмелево, хотя и пруд тут был, и плавали по нему как безе разные гуси, и простор на все три стороны, а на четвертую – лес. К бабкам он подошел просто, чтобы передохнуть да отвести душу.

А они уже часа два следили за ним и уже знали, что дачник, без детей, жена болеет. Акулька сказала, что, конечно, он видный, но всё равно все коты.

– Здравствуйте, уважаемые женщины. Давайте я к вам присяду, не возражаете?

Старухи подвинулись.

– Что ж, не нашёл ничего? – поинтересовалась Акулина Васильевна, жившая одна в своём доме. Дети – полнотелые, семейные – давно перебрались в Бакшеево, на фабрику, но к матери на неделе бегали по очереди, а в воскресные дни приезжали все вместе, чтобы обработать кусок земли, кормивший их с детства.

– Да нет, бабушка, всё не то, – грустно ответил Воронцов и со вздохом обернулся на Акулькин дом. Он сразу его заметил, но рядом процветала такая колдобина, что страшно было за новенькие «Жигули».

– Ко мне зайди, посмотри. А машину свою на пригорке оставлять будешь, её из окна видать. Да у нас тут не фулюгают. Котам только самогон нужен. А вообще-то я не настаиваю, – говорила она, поднимаясь, и зная уже, что этот дачник будет «её».

Воронцов вошел в дом, где не было привычных искусственных цветов (позже Лена спросила её об этом, на что Акулина Васильевна неожиданно ответила: «А мне девки сказали – мама, это есть серость»), висела репродукция с картины «Не-

знакомка», иконы в углу с лампадкой, телевизор, шкаф да сервант с пустыми, но красивыми коробками от шоколадных наборов. Чисто, пахнет свежим бельём, хлебом. Привела его Акулька на веранду, всю увитую вьюном, усадила за стол, напоила чаем с вареньем.

- А что, Акулина Васильевна, мне у вас нравится.
- Ну и живите.

С Акулиной Васильевной она подружилась. Хоть и бегала Лена в шортах, позорила её на всю деревню, Акулька дачницу в обиду не давала, обзывала старух «серостью деревенской», рассказывала, как хорошо её дачники живут. Непьющие, вместе книжки читают, гуляют. А он, ну как министр, всё про политику знает, да не как этот, по телевизору бормочет, а всё понятно расскажет. У-умный! Сам книжки пишет.

И на ненавистных соседей Грачёвых стала поглядывать свысока: «воруй-воруй, мои дачники про тебя в газету напишут».

Грачёв был лесник.

...Как-то вышли Илья с Леной на знакомую опушку – и обомлели. Оляха бесстыдно выставила бело-рыжее без коры тело. Крона ещё живая, зелёная. Трава вокруг зелёная, на ней цветочки как ситчик, бабочки порхают, да пчёлки вьются.

Пребывание природы в своем обычном состоянии лишь усугубляло варварство Грачёва, который сейчас отмачивал кору, чтобы драть лыко. «Он барский пруд весь загадил, теперь там и воды не видать», – рассказывала им всезнающая Акулька, которая последний раз была в лесу во время войны.

Илья, мгновенно налитый злобой, потащил Лену к пруду. Грачёв ждал его, задрал голову, поскольку кепку задвигал до самых бровей. Протянул руку, улыбнулся.

– Если ты, сволочь такая, ещё раз... – и дальше Илья заговорил на фольклоре.

В такие минуты до него было страшно дотрагиваться. Воронцов становился весь перенасыщен электричеством и могло рвануть. И все это чувствовали. Сникали, извинялись или просто

убегали, лаборатория вгрызалась в работу, а родной сын обещал «всё сей момент исполнить».

А что мог Грачёв? Пообещать, что больше не будет, где не положено, а там посмотрим, дачник уедет, но эти-то рыжие-бесстыжие – вот они, красуются, кору к дереву не приставишь. Дачник, конечно, бить не будет – культурный и не пьяный, хоть и заворачивает как надо, – но слушать его неприятно. Тут бы и сказать про его бабу, мол, выбрал себе, как сучок, и сама же, бесстыжая, ляжки выставляет, да разве скажешь?

Смолчал Грачёв. А на следующий день зять его, шофёр в со-вхозе, завёз соседке Акульке гравию (конечно, ворованного). Шарахнул из самосвала в яму, а он не поленился сам разров-нять. Пусть дачник свою машину у дома ставит, да и старуха ядовитая, вечно на грязь жаловалась.

Акулька про случай в лесу уже знала, сидела на лавке и со-общала Грачёву, куда лучше кидать.

Дачники сидели в доме.

Илья рванулся выскочить и заставить Грачёва убрать свой гравий к..., но Лена удержала: Акульке-то лучше,

Поздним вечером, когда мыли на кухне посуду, Акулина Васильевна попросила Лену: «Слышь, в газету-то на него не пишите. А то на меня подумают».

Не знала она тогда, что настанет время, и она, как в музей, будет водить сюда всех дачных гостей: «Знакомьтесь, вот та самая Акулина Васильевна».

Акулька будет поить их чаем, давать молоко с третью верха в сливках, лучку, укропа и говорить Лене осторожно: «Одной нельзя, ты найди себе...».

Не знала она, что когда, оторвавшись от дачи, поедет первый раз в отпуск (подавшись на уговоры матери и Кати), в далёких горах, ровно в пять, к ней будет стучать главный инструктор. Дышать вином и луком.

Инструктор был вполне современен, сорока лет, с железным телом, но в нём ещё сохранились убеждения предков: смерть – свята. Несмотря на вино, а может, благодаря ему, узнав, что

Лена – вдова, он попросил прощения и больше к ней не стучался. ...Можно ли сказать, что начался разговор о мужчинах? Нет, наверное, а может, его и не будет.

А ТАМ, В ПАРИЖЕ...

Пишу я тебе второпях, чтобы передать письмо и его скорее опустили. Лучше всего писать заранее, тогда можно приниматься несколько раз и написать действительно то, что надо. А сейчас получается бог знает что. И насчет интересующих тебя тем ничего не могу настроичить.

Архитектура – надо читать спецлитературу, на непосвящённый взгляд – блочное строительство, более разнообразное, чем у нас, приятнее смотрится в целом. Но вот вчера передавали, что почти половина квартир в комплексе домов «с низкой квартплатой» пустует, потому что эта низкая квартплата тоже достаточно высока. А в нашем доме (хороший современный дом) в мусоропровод ни бутылки, ни банки консервной сбрасывать нельзя: банки – запрещено, могут разбить мусоропровод, а бутылки – не помещаются, маленький. Правда, на десять квартир – пять подъездов, а не как у нас – один, здесь гораздо тише. Извини, конечно, это не архитектура, а бытовые проблемы массового строительства. Но в целом, архитекторы Парижа занимаются строительством многоэтажных башен – земля дорога, надо побольше уместить, что, естественно, портит исторически сложившийся тип города, а знаменитый Латинский квартал сохраняют как памятник – грязный, скандальный, рассчитанный на туристов, правда, занятный, если ни к чему не притрагиваться. Мы туда ходить не рискуем, можно нарваться на неприятность. Кроме того, местные собачки не стесняются и присаживаются прямо на тротуарах и, как говорил один знакомый, «если смотришь на город, то потом не можешь отстирать брюки, а если смотришь под ноги, то кроме... больше ничего не видишь». Он грубый человек, но откровенный. Извини, что вместо ожидаемых описаний

я тебе изливаю какие-то недовольства, но самое смешное, что это тоже правда.

Но есть, конечно, и красивые, хорошо ухоженные районы. Я буду повторяться, если скажу, что в них жить очень дорого. В предместье же есть симпатичные городки, особенно мне понравился «Малакофф» (почти Малаховка). Там много лет коммунистический муниципалитет, это очень известный городок, чистый, аккуратный, мы даже не видели грязных арабских кварталов, которые есть в каждом районе. Наш городочек средненький, но тоже центр его чистый, есть дом культуры, где дают музыкальные вечера (и в церкви тоже), рынок известен и в других районах. Ездили в Сен-Клу, очень красиво, оттуда смотришь на Париж как с Ленинских гор.

Ты знаешь, я всегда ценила общество друзей, а сейчас мне кажется, что важнее ничего нет. У нас весьма приятная квартира, всегда есть возможность (скромно) накрыть на стол, выпить рюмочку чего-то приятного (тоже скромного), но в принципе здесь же невозможно общаться. В гости ходят редко, т. к. знакомства шапочные, а просто весёлых людей мы не видели. Либо мы никого не интересуем.

Лен, заканчиваю, а то начну повторяться (насчет того, что Сен-Клу один из самых изысканных и дорогих предместий), что-то у меня сегодня не идёт ничего хорошего.

Пиши, не забывай.

Рита.

ОТЕЦ И СЫН

Елена, как обычно, лежала на лавке. На сей раз изучались «Лекарственные травы».

– А я те говорю, что донник – отхаркивающее, – утверждает Катя.

– Да-а-а, а вчера говорила, что мочу гонит.

– Пра-а-вильно, и гонит, и от кашля, – не сдается Екатерина.

– Тогда сама и пей.

– Какая ты грубая!

– Ладно, Кать, мы его врагам будем давать...

– Лена, девочка, а кто у тебя враги?

Заскрипел гравий, мелькнула в окне светлая голова, дверь распахнулась, вошёл Сергей. Огромный, красивый, с ослепительной отцовской улыбкой.

– Здрасьте, бабоньки, вы одни?

Схватил со стола яблоко, бросил на пол сумку, снял часы и сел на лавку. Покачал её – лавка из корабельной доски стояла мертво.

Сергея вслух похвалил себя. То было сразу после гибели отца, и в нём, как и в Лене, заработал спасительный механизм, который велел уморить себя в физическом труде. Он за день наколот три куба дров, которые до того полгода лежали распиленные и мокли, а отец никак не мог уговорить сына их поколоть: «Ладно, па, потом». На следующий день он сделал эту лавку, через неделю перетащил сарай на новое место, что было совсем ни к чему, но все остальные тяжёлые работы требовали материала, которого не было.

А вообще, затащить сына на дачу, чтобы помочь, было невозможно, потому что суббота, воскресенье – единственные дни, когда можно было отоспаться, сходить пивка попить и «прот-чее». Сын в двадцать лет женился, в двадцать один развёлся, а на подходе к тридцати сообщал Лене по секрету: «Отцу только не говорите, у меня сейчас три бабы, и все довольны».

Разница между ними была в пять лет, но из уважения к отцу он обращался к ней на «вы». А потом привык к этому, хотя часто, особенно после смерти отца, чувствовал себя старше, опытнее своей «научной мачехи».

– Ну ладно, бабоньки, какие ньюз?

– Да что ты, Серёг, мы тихо.

– Не-е-т, это вы бросьте. Чтобы две бабы жили вдвоём и ничего не происходило? Лен, вы ведь не будете на этой лавке лежать, она такая большая, а вы такая маленькая. Вот я сейчас пристроюсь, а вы рассказывайте.

А что было рассказывать? Как до хрипоты спорили о Фрейде (Елена нападала, Катя защищала)? Как в азарте, не замечая комаров, сидели на поляне и по книге подбирали имена цветам и травам (теперь Екатерина в лес только в очках ходит)? Как вечером выволакивали на крыльцо матрац, глядели на звёзды, и Лена показывала Кате на пролетающие спутники? Они мечтали про телескоп, а потом Лена всегда требовала пушку и бункер, потому что боится войны. (Первое сознательное решение ею было принято в четыре года: «Мама, если война начнётся, я вырую глубокую ямку и мы туда спрячемся». На что её мама ответила грустно: «Нет, доченька, мы пойдем воевать»).

Разве всё **это** интересно парню?

Пришлось говорить про другое. Вышли они из электрички в Бакшеево, с косовищем, сумками, а майор на машине их подвёз, а через час привез готовую косу «за просто так».

– Ну вот, я же говорил! – довольно задвигался на лавке Серёга, – что-то должно случиться. Выкладывайте дальше.

– А дальше, Серёженька, совсем другой пример, – рассказывает Катя. – Так вот, идём мы с подругой из того же Бакшеева, с рынка. В руках у нас сумки, там клубника, олифа и гвозди. А вид у нас – сам видишь. Оборванные, без причёсок, и никакой те частник не тормозит. А грузовики все такими же как мы окупированы. Я правильно излагаю?

– Давай, давай, – увлечённым голосом ответила Лена, чтобы ей не мешали.

Она болезненно вслушивалась в его побряхтывая, следила за очередным яблоком, которое Серёга объедал в три укуса. И читает как отец, чай пьёт, часы сбрасывает, смеётся. Сколько же в нём еще этого сидит, и почему раньше видела только разницу, думала Лена.

– ...Вдруг один «жигуль» тормозит. Она, конечно, первая подлетела, что-то ему сказала и садится сзади, меня зовёт. А я дверкой слегка хлопнула, ну чтобы не выпасть потом. Мужчина, кудрявый, вдруг злобно так говорит: «Я же просил не хлопать!» А я откуда знала? Это он Ленку предупредил. Отъехали. Елена общаться полезла. Я её за это прощаю. У неё на работе одни

машины да формулы, конечно, к людям тянет. Песку, говорит она, что-то под ногами много. «Да таких же как вы подвозил». – «Рабочий класс?» – это она всё к кудрявому пристаёт. «А вы кто же?» – спрашивает уже кудрявый, и вдруг, представляешь, Серёж, тормозит и говорит: «А ну вылезьте!».

– И вы вылезли?

– А что было делать? Ленка только сказала, что напишет о нём в областную газету. Она тут всех этой газетой пугает.

– Серёж, – Лене было стыдно вспоминать, – они тут все газеты боятся, помнишь, лесника у Акульки?

– Да плевать ему на вашу газету.

– Хорошо, а ты бы что сделал?

– Я бы? Я бы... водку пить будем? Вот я сейчас на велосипеде слетаю.

...«Полбанки» выпито, Лена моет посуду и привычно слушает. Наверное, это было продолжение разговора на тему «а что делать», а иначе с чего бы скрытный Серега стал про свою фирму рассказывать?

– Понимаешь, – говорит он Кате, – я сейчас могу сесть и писать роман. Всё есть: сюжет, завязка, развязка, детали.

– Да брось, Серёга, ваша жизнь вовсе не типична, – вмешивается Лена.

– Это вы бросьте. Интриги они всюду одинаковые, да Кать? Давай выпьем. Вы, Лен, конечно не будете... Ну вот. Есть одна, представляешь, одна баба, цыганского типа, сорок с лишним – и всех держит в кулаке.

– Интересно, как одна баба столько мужиков может в кулаке держать?

– Лен, не встречайте, и вот есть другая. Молодая, способная, всего добилась сама.

Сейчас уже не выдерживает Катя. Ей непонятно, как женщина может чего-то добиться только своими способностями. «Значит, твоя молодая спала с ними!» – «Да не спала она, я же знаю!»

Он знает. Он рассказывает про Наташку, предмет своей длительной связи, который никак не может заставить выйти за себя замуж. «Зачем она тебе, Серёг? – уговаривала Лена. – Будет

командовать, ездить в загранку, а ты как муж при ней: красивый, обаятельный». – «Лен, меня кто-то должен толкать, вы же видите, меня заносит. А она знаете какая? Её не собьешь».

– Нет, спала, – настаивает Катя, – способная женщина ничего не может без этого добиться, её мужики давят.

– Подстилка та, цыганистая, и она плетёт интриги. Все всё понимают и ничего не могут сделать. Теперь на фирме два лагеря. А те, кто за молодую, должны ещё это скрывать, улыбаться цыганке. Она может так подгадить, та-а-к подгадить...

– И тебе гадила? – опять вмешивается Лена.

– У меня с ней как надо вышло. Я только пришёл туда, ничего ещё не знал, она: «Где бы машину починить?» Я ей – пожалуйста, адресок. Там, с книгами помог. А потом всё. Когда разобрался, она меня и с этого боку, и с того, я – «ништяк», полный нейтралитет. Но она мне это припомнила. Вы думаете, из-за чего меня в партию так долго не принимали?

– Из-за того, что ты с Наташей? – спросила Лена.

– При чём тут Наташа? Я вам рассказываю сюжет... Ну вот, Кать, слушай дальше.

И Сергей скрупулезно стал описывать интригу за интригой против молодой, созданные вдохновением старой.

Они с Катей уже прикончили бутылку, но Сергей оставался трезв, а у Кати чуть ярче блестели глаза, да курила она одну за одной: уж очень близкая оказалась тема.

– Какие ты видишь перспективы? Так и будет одна сволочная баба всеми заправлять? – вмешалась в их беседу Лена.

– Да, Леночка, моя милая мачеха. Так и будет. Вот сменится руководство, тогда и баба полетит. А ей что? Тогда ей уже на пенсию.

– А молодая как же?

– Да уходит она, – пробормотал, посерьёзнев, сын, потянувшись, зевнул: «Пойду почитаю».

Утром Сергей поваялся с ними на тёплом крыльце, отмок от городской скверны, сказал: «Хорошо тут, соскучился... В следующий раз к Акульке пойдем, да Леночка?» – и умчался в Москву.

Вообще-то он мог быть самым разным.

– Ты понимаешь, Кать, – объясняла потом Лена, – самое ужасное, что у него женская психология. Эта девка ему всё рассказывает, и он смотрит на мир её глазами. Ведь у нормального мужика совсем другие оценки. Стал бы Илья путаться в каких-то юбках? Делал то, что хотел, и всё.

– Ну, твой Илья лидер был.

– Но другие-то подчинялись ему, мужику, а не бабам каким-то. Как там у них принято: свой мир, свои законы... Эх, Кать, не понять нам никогда. Своя иерархия, с детства. У нас иначе. Будем мы какой-то бабе подчиняться? Нет, для нас таких авторитетов нет. Демократичнее мы что ли?

– Ой, не знаю, не знаю. Везде борьба.

ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ ЗНАЕТ КАТЯ

(монолог)

Почему меня так в практику тянуло? Не было руководителя. Я так прикинула: лечащим врачом я быть не хочу, хирургом интересно, но не для женщин. Что ещё? Остается анестезиология. Распределили меня в ординатуру при одной больнице, а на практику отправили в другую.

Как сил хватало? Ночью звонили: «Екатерина Андреевна, больной на столе, наркоз давать некому», – приходилось тащить-ся ночью. Ещё я к урологам бегала, у них замечательный хирург был, ничего не слышит, ему на бумажке пишешь, ну диагност – бесподобный. И оперировала: аппендицит, грыжу – давали, видят, девчонка интересуется. Я потом как делала, говорю, дам вам ещё один наркоз, а вы мне за это оперировать. Ничего не боялась. Это уже потом страх пришел. Нет, неправильно нас учили, ох, неправильно.

Ну зачем была эта химия, строение животных, насекомых – и всё зубришь!

Ты мне скажи, зачем? А самого главного: что такое человек, как он реагирует, что ему надо, – ничего не знали. Сейчас

только интуичишь. А почему? Человека в комплексе изучать надо, а то – почки отдельно, сердце – отдельно. А ведь такие компенсаторные возможности! После вскрытия смотришь: ну ничего живого, всё задето, а человек жил, и мог бы ещё, если бы не поспешили.

Практика кончилась, они меня у себя оставляют, тоже ординатуру обещают. Ночь промучалась – и отказалась. Идеалистка была. Я так рассудила: здесь я уже всё узнала, здесь ребята из медицинского, помогают, значит, я никогда не стану самостоятельной. И пошла в ту, где всё новое. А там, Лен, такая стерва заведующая оказалась! Прибежит, глаза выпучены, натараторит, наорёт. А как она оперировала! Как мясник, ты бы видела... Сколько я с ней спорила. «Давай, загружай больного». – «Ну Анна Григорьевна, очаг небольшой, у больного стенокардия, можно под местным». – «Делай, что тебе говорят». И конечно же, как операция – так осложнение: или раздышать не можем, или из наркоза не выведем. Вот так несколько раз я с ней согласилась, а потом позвала, взяла истории болезней и говорю: «Теперь убедились?»

Соглашаться стала. Но сколько сил на неё угробила, а почему? Неужели трудно вначале подумать, а потом оперировать.

А как ругалась! И все терпели. Плакали, жаловались друг другу, но терпели. Там коллектив подобрался, врачи, сестры такой старой закалки, интеллигентнейшие люди. И вдруг дали им эту бабу. Молодые уходили. Однажды она меня «сухой» обозвала, ни за что, просто так. Я сказала спокойно: «Или вы передо мной извинитесь, или иду к главврачу». Она не поверила, никто не жаловался. А я пошла, говорю, вот, к молодому специалисту такое отношение. Или она извинится, или буду жаловаться на вашу организацию. Та сразу – что вы, Катенька, просто Анна Григорьевна человек нервный... Нервный, так пусть не работает.

Короче, она не извинилась, но обзывать перестала. Однажды только не вытерпела, обозвать хочет, а боится, и представляешь, что придумала? «Ты, – говорит, – просто грязная девочка».

И я матери сказала: «Делай, что хочешь, ищи где хочешь, но я там больше не могу». Ну, а мать знала семью Игоря. Она

же любит военных. Игорь как раз защитился, ему аспиранты были нужны, и он меня взял. Что Анка выделывала! Не дам характеристики все. Главврач отношений портить не хочет, Анку из министерства прислали. Тут опять мамулька вмешалась. Собралась и пошла к ней домой. Что она там ей говорила, чем грозила – не знаю. Но мамулька может, она как Анка, прёт, ничего не замечая. Тем более не слышит. Спорь с ней, не спорь – бесполезно. А с работы у неё знакомства остались. Как начнет называть имена министров, секретарей... Их уж нет давно, потом министерство-то путей сообщения, но неважно. Ей верят, представляешь?

Она и сейчас. Ты думаешь, она в очереди стоит? Нет, входит в магазин: «Где директор?» Идет к директору, кулаком по столу, «мне вырезка нужна или гарнитур!». Не видит, не слышит. Ну как ей откажешь? Вон у нас холодильник сухой колбасой забит. Где достала?

А я с ней перестала спорить. Делай, что хочешь. Раньше прямо до драк доходило. То ей ковры нужны – у знакомых генералов ковры, то хрусталь.

...Ну вот, пришла я сюда, к Игорю. Работаю, а темы дать не может. Тут к нам один кандидат стал ходить, из неврологии, он для докторской клинику набирал. Я – к нему, он тогда ещё ничего был.

Но, Лен, сколько водки пришлось с ним выпить! А что делать? Ведь никто просто так ничего не даёт. Ну почему? Если я знаю – почему не поделиться? Не понимаю. Надо было пить, надо было слушать стихи, надо было на шутки реагировать, а ещё момент ловить, чтобы о моей работе поговорить.

Сволочи они все. Но я увлеклась тогда. Думала – всё, иду на Нобелевскую. А потом смотрю – год проходит, два проходит, кажется, вот-вот поймёшь, ухватишь – а всё непонятней.

Потом я отдаляться от него стала, сама думать. А стала сама думать – ему не понравилось. Ну и я плюнула, забрала свои расчёты, графики и стала сама ковыряться. Игорь говорит: «Я же сказал, Екатерина Андреевна, вам от меня никуда не деться!». Ну, чёрт с тобой, думаю, хоть не мешаешь. Но ведь и никто не

помогал! Всё самой. Аппаратуру – сама, через ребят договаривалась. А как обсчитать результаты? Сколько раз к нему приходила: «У института же договор с вычислительным центром, сделайте заявку». – Нет. Мне всё-таки кажется, что он нарочно, хотел, чтобы я не смогла.

Ну почему так трудно? Почему если женщина, обязательно надо просить? Как они всё-таки нас за людей не считают...

А потом стал торопить, «давай, давай!». Я ему: «Да не нужна мне диссертация, я вначале понять хочу, разобраться». А они не верят, честное слово. Думают, что хитрю: написала, а защищаться не хочет.

А что защищают, ты бы видела! Скорей защититься – и в ассистенты. Самое выгодное место. Платят прилично, ходить раза два в неделю. Там у нас сидят сорокалетние мальчики, – в кожаных пиджаках и с машинами. Конечно, уже никто не работает. Интриги у них, как у Сергея твоего, ну точь-в-точь. Как они заведующую свою выживали! Она им всем кандидатские сделала, а они её потом выперли. А ты говоришь – не типично.

Никто не хочет работать. У нас Фёдор Константинович, я тебе говорила, он ещё у Пирогова учился. Из-за границы приезжают посмотреть на его операции. Старик, семьдесят лет, без ноги, по несколько часов у стола. Раньше всех на работу приходит. А учеников у него нет. Я спрашиваю его, как же так? А он: «Знаете, Катенька, а кому мой опыт нужен?» Он всю операцию продумывает, сидит вначале, рисует. Но он не руководитель. Он хирург от Бога. В отделении у него ужас что творится.

Потом мне послеоперационную палату дали. Я посмотрела на сестёр: ничего не умеют и не хотят, в вену войти не могут, кардиограммы снять не могут. Я показываю, учу. Потом теоретические занятия стала с ними вести. Как они на меня обижались! Это же я их после работы заставляла. Бегали Игорю жаловаться.

А теперь? Ты посмотри. Все, кто заболит – сразу ко мне. У Игоря сердце прихватило, прихожу – в моей палате. Главврач на улице упала с давлением – опять у меня. А почему? У меня уход, у меня сёстры сами думают.

Им интересно стало. А то дают, что хирург назначит, а зачем, почему – ничего не понимали.

...Да, можно, конечно, всё можно. Можно людей расшевелить, думать заставить.

Но вообще-то надо уходить. Ты посмотри. У нас три анестезиолога. И как тяжёлый наркоз, так один – потом бюллетень, другой – пьёт, а баба – орёт. Нервная система летит. Нагрузка огромная. Хирургу легче, перед ним тело. А жизнь-то в твоих руках. Я, анестезиолог, слежу: пульс, давление, дыхание, как потом из наркоза выходит. Такие реакции дают. Кажется – схема, всё известно, а хрясь – бежит сестра: «Больной не дышит». Ничего же не знаешь, «отключили сознание» – а что такое сознание, что при этом происходит?

Вот домучаю диссертацию и пойду на психфак. Всё, созрела уже, надо дальше учиться. В психологии будущее. Да и без наркозов, по нашим больным вижу. Они по десять, двадцать раз делают операции. А зачем? Всё равно уродство остаётся, только на организм нагрузки. С ними бы поговорить, отвлечь от лица, от уродства – психотерапия нужна.

И вообще, мой любимый Фрейд – великий человек, ты послушай, что он пишет.

ФРЕЙД, БУДУЩИЙ ЧЕЛОВЕК И ДРОВИШКИ

Екатерина – натура увлекающаяся. Уже во время общения с Леной она начала заниматься: теннисом, каратэ, скоротчением. Бросала потом, но недели две упорно ходила на все занятия. И уже совсем недавно Лена с трудом удержала её от изучения японского языка. Тогда Катя занялась грузинским, потому что в шахматы (когда нет операций) играет с аспирантами, представителями солнечной республики.

Шахматы и Фрейд – это её длительная любовь. Вначале был Дарвин, теперь Фрейд. Но не даёт ей ограниченная Елена насладиться совместным обсуждением гениальных прозрений

великого Учителя. Злится она, думает, настолько развилась, что никаких инстинктов в ней не осталось. Одна живёт, вот и бессонница, страхи, а она считает, что от большой чувствительности. Раньше-то, при Илье, не было никакой чувствительности.

– Ну хорошо, – соглашается Катя, устав от натиска подруги, обожающей мыслить логически (надо было и ей тоже математическое образование получить), – хорошо, я утверждаю только одно: он важен тем, что первый обратил внимание на соотношение сознательного и бессознательного. Он врач, по его рекомендациям до сих пор лечат.

– Пусть лечат, мне это неинтересно. Путь в будущее предложит тот, кто скажет, в чём отличие человека от животного. Отличие, понимаешь, а не общее! Про общее мы давно уже знаем. Надо разницу понять – эволюционно, физиологически и психологически.

– Лен, а какая разница? Мы все от тела зависим. Ты вот сейчас жрать хочешь?

– Хочу.

– Поэтому и злишься.

– У тебя, Кать, аргументация как у баб в автобусе.

– Хорошо, – Екатерина решила сменить тактику, – а каким ты представляешь себе человека будущего?

– Как Илья.

– Ну, Илья, он тоже от тела зависел.

– А что тебе тело так не нравится? Ты же сама всё время к Фрейдю апеллируешь и всё телом объясняешь.

– Ну, милая, это сейчас. А вот потом?

– Без тела нельзя, понимаешь. Мы же через него воспринимаем, двигаемся.

– «Двигаемся», «воспринимаем» – задолбонила. Пока мы от тела зависим, ничего нового не будет. Его одевать надо, кормить, лечить. Сколько времени и сил на это уходит! Искусственная среда нужна.

– Что-то новенькое, вроде не по Фрейдю.

– Да, не по Фрейдю, это Циолковский пишет. Ты же кроме своей литературы ни черта не читаешь, от меня всё узнаешь,

учёная. Так вот, разум человеку дан как раз для того, чтобы создать эту искусственную среду. Представляешь, Ленк, о теле не думаем, оно обеспечено, один разум!

– Не-е-е, я не понимаю, как это: трах-бах – и тела нет? Куда же оно денется? А где мозг, разум твой будет находиться? Чем он управлять будет, материальную основу того же мозга ты себе представляешь?

– Ой, не знаю, не знаю, а тело нам не нужно, это точно, – и Екатерина сладко потянулась.

Теория каждой была абсолютно противоположна образу жизни.

Катя стала отличницей из-за того, что с детства любила всё мягкое, тёплое.

Первая учительница ходила в норковой шапке и, не доверяя раздевалкам, обычно держала её перед глазами, на столе. И на уроках Катя выше всех тянула руку, чтобы, отвечая, ещё раз потрогать эту замечательную шапку. После урока она подбегала к учительнице, и если шапка успевала перекочевать владелице на голову, гладила учительницу по голове. Конечно, такая ласковая, умная девочка, так любящая свою учительницу, не могла не получать пятерки... Потом, когда коммуналки сменились на отдельные квартиры, она узнала, как приятно понежиться в пенистой ванной, испить поутру чашечку кофе. Ещё позже обнаружилось, что удовольствие доставляет рюмка коньяка, бокал шампанского и тогда же – всё остальное. Короле, врач Екатерина Резникова баловала своё тело и охотно шла навстречу его желаниям и капризам: «А что делать? Организм требует», – говорит она теперь.

А будущий учёный Елена Воронцова в том же детстве поняла, что надо жить как чудовище в «Аленьком цветочке», ведь только тогда тебя смогут полюбить по-настоящему. Но бороться с мамой, которая была иного мнения, оказалось не под силу, и Лена настойчиво приучала себя ходить в нарядном новом как рваном старом, позже – ни в коем случае не краситься, чтобы не привлечь внимание пустой внешностью, презирать в теле то, что устроено как у других женщин, но – ещё позже, она к

счастью встретила Илью, который не изменил её, но отучил от самоистязаний.

...И сейчас только, обнаружив, что она защищает тело, а Катя мечтает от него избавиться, Лена засмеялась. Но Катя тоже:

– А я тебе что говорила: всё по Фрейду.

Но Лена на сей раз на Фрейда не прореагировала. Ей стало важно додумать, что же будет с людьми, если не случится войны, если они будут жить дальше.

– По-моему, Кать, так: мы изживаем себя в этой форме и приобретаем иную, но уже не здесь, а на других планетах. А пока нам надо свой мозг доразвить. Ведь ни черта не используем, живем как дикари. Сейчас эти люди – уроды, а потом нормой станут и колоссальная память, и телепатия, и прот-чее... жаль только, ничего не увидим. Прошное знаем, а будущее нет.

– Милая, мы ещё будем с тобой старушки, возьмем котомки и, как Горький, пойдём по свету.

– Я тебя за руку буду вести.

– Это я тебя. У тебя к сорока дальновзоркость разовьётся, а у меня минус на плюс – и к старости я как сокол буду видеть, – смеётся Катя.

– Ты такая толстая станешь, а я ссохшаяся.

– А я те говорю, зарядку надо делать... Пошли за дровишками

А что делать? Мужиков нет; есть, конечно, но такие, которых просить надо. Сами никто не предлагает, майор им один такой попался. «Лен, а кому это надо? Вот если бы ты жила с ними, а так что?» – «Да могут Ильюшины ребята. Я их позову, они знаешь сколько натащат!» – «Да брось ты, сами сделаем».

Дрова, конечно, можно заказать. В том же Бакшеево база, за три куба – двадцать рублей. Но платить двадцать рублей за дрова им жалко.

Другое дело – велосипед. Один уже был, Сергей свой привёз; нужен был второй для совместных прогулок. «На велосипедах, в белых юбочках, по тропинкам, и ещё в шляпках – замечательно! Как в кино». И Катя купила велосипед. Но сейчас к нему и не

подходит, велосипед теперь для гостей, поскольку Екатерину подвело бывшее увлечение – конный спорт. Привыкла на ходу с лошади спрыгивать, и с велосипеда как-то соскочила, не тормозя, с тех пор и боится, хотя по-настоящему напугана была одна Лена: велосипед торчит из обочины, а Кати не видно. На зов подруга не откликнулась. Лена на ватных ногах подошла к обочине, заглядывать было страшно, и она ещё раз тихо позвала: «Катя...» Обочина промолчала, но потом задумчиво ответила: «А малина-то почти созрела...».

Или гитару купить. Тоже денег не жалко. Хочется петь дуэтом, и репертуар подобрали, и слова по песеннику выучили. А на дрова, которые тут же сожжёшь, жалко тратиться...

Весь посёлок знал, когда несолидная хозяйка солидной дачи и её подружка выходили за добычей. Вначале дребезжала пустая тележка, часа через два слышался грохот. У самого забора, в канаве, тачка опрокидывалась, верёвка рвалась и добро распалось. На участок они его уже затаскивали вручную.

– Ты, Лен, не волнуйся, возьмём только по паре брёвен, – произносила психотерапевтическую фразу врач Резникова, понимая, что её эмоциональная подруга начнет ныть и канючить. Елену всегда приходилось уговаривать делать две работы: стирать и бревна таскать.

На этом участке лесник не воровал, что тоже приводило к бесхозяйственности: спиленные деревья по году не убиралась.

Обалдев первый раз, выволакивая бревна и тачку из лесу, по колодобинам, наши образованные подруги разработали систему. Тачка оставлялась у шоссе, а брёвна таскались по одному в каждой руке. Но всё равно было тяжело, руки отваливались, на полдороге брёвна вываливались, они садились отдохнуть и посмеяться. Смеялись они всегда: работа не привычная, хоть и система, а всё равно нелепо.

Один раз, правда, было не до смеха. Загрузили неверно, тачка опрокинулась и ручкой хрястнула Лену по носу. Правда, на следующий день, когда, направившись в магазин, Елена нацепила белую шляпку, чтобы затенить затёкшие глаза с зелёными обводами, они опять засмеялись.

Но Катя поняла тогда, что подруга после слов «надо обдумать» действительно обдумывает всю операцию, но забывает о себе. С тех пор она всегда напоминает ей о технике безопасности, а особо тяжёлую работу берёт на себя: «мне так спокойнее...».

– Это у вас один звонок был, а у нас в стройотряде пять. Одному кирпич на ногу упал, другому я нечаянно балкой руку сломал, третьего комары загрызли, – рассказывал Пётр Иванов после вечернего чая.

ПРО ПЕТРА ИВАНОВА

(начало)

Обычно субботы-воскресенья Пётр Иванов проводил у себя дома, в «поселке городского типа», где он рос под присмотром бабки, пока родитель-генерал не вышел на пенсию.

В том же поселке жила когда-то и семья Воронцовых, у которых рос сын Сергей. Поэтому немудрено, что в один прекрасный день Пётр Иванов пожаловал к ним в гости. «Помесь лягушонка с воронёнком, а на голове кустики волос. Возьмите играть, говорит, а это у меня стригущий лишай, но он уже прошёл», – как-то вспомнил Илья Дмитриевич, когда Пётр Иванов, выпускник физтеха, работал уже у него в лаборатории, а Елена Перовская, наоборот, ушла из неё, сделавшись Еленой Воронцовой.

Один Пётр на дачу бы не поехал: скучно. С лабораторией, в футбол сгонять или с Серёгой, побузить. Но что-то дружок его, после смерти отца и одновременно его, Петькиного шефа, зовёт только когда в квартире надо дырку просверлить или шкаф подвинуть, или телевизор починить.

А вот Ленка звонила всё чаще: «Грустно, Петь, приходи в гости».

Помог ей всё тот же футбол.

Раз в неделю научные сотрудники института, где трудится Пётр Иванов, работал Илья Воронцов и давным-давно начинала свою трудовую деятельность Елена Перовская, гоняют мяч на

собственной спортивной площадке. А площадка рядом с домом Воронцовых.

Тащиться после футбола в свой посёлок городского типа Иванов не мог просто физически. Он мог только лечь в ванную, потом выпить валерьянки, так как перед глазами продолжали маячить бестолковые игроки его команды, которые не знали куда двигаться. После валерьянки можно было поесть, потом для закрепления спокойствия хватануть какого-нибудь пустырника, чтобы «залечь, наконец, на ночлег».

Пётр являлся в часу десятом. Лена открывала дверь, и Пётр уже знал, что она из кухни, где на сковороде жарится для него мясо с картошкой. Он любил простую пищу, исключительно натуральную, а кроме неё только сыр, шоколад и сладкое вино. Во всё остальное тыкал пальцем, потом осторожно его облизывал и говорил недовольно: «А это что такое?»

Невысокий, пропорционально сложенный, всегда загорелый, кудлатый, с усами, любопытными зелёными глазами и крупным носом. «Я греческого происхождения», – объяснял он свою непонятную внешность.

– Петь, скажи «с», – просила Лена.

– The, – всегда отвечал Пётр. – А для того, чтобы как ты, мне надо пальцем эту щель прикрыть. Но не могу же я с пальцем на зубах разговаривать!

– Это родители тобой не занимались, тебя надо было к логопеду.

– Какому такому логопеду? Мой папенька командовать привык, а маменька зубы лечить и хозяйство вести.

И школу, и физтех он закончил с отличием, а теперь истекает его аспирантский срок.

...Сейчас он уже отужинал, сидит на кухне и думает. Футбол из-за атмосферных явлений не состоялся, сила вся при Иванове, и он говорит: «Так, времени, значит, у меня образовалась куча. Поработать или почитать? А ты что будешь делать?» – «Я, Петь, при тебе только читать могу». – «Понял. Я, стало быть, должен трудиться. Мне для публикаций ещё двух статей не хватает. А ты читай тихо, мне не мешай, я всё-таки думать должен».

Сам он работает шумно, бормочет про себя непонятные слова, а кое-что произносит громко: «Никогда!», «Не надо, я сам».

Лена лежит рядом, читает журналы, а больше Иванова слушает и очень любит наблюдать его.

Время подбирается к двенадцати. Лена поднимается: «Петь, спать пора». – «Это мы сей момент», – откликается Пётр. – Так, маменька, наверное уже легла, подойдёт отец, а он вопросов не задаёт». Но к телефону подошла мать.

– Ма, как дела?.. Да тут, недалеко, а ты рубашку мне купила?.. Ну, у знакомых, а размер мой?.. Ма, ну куда ж я поеду, уже метро не возит, я завтра приеду, а ту самую рубашку, в полосочку?..

– Петь, а разве она не знает, что ты у меня?

– Знает, но всё равно моя маменька считает, что надо вначале расписаться, а потом ночевать.

Лена смеётся:

– Видишь, Петька, как твоя мама обо мне заботится, а ты что!

– Ты это, кончай давай, мы спать сегодня будем?

Лена стелет ему в одной комнате, сама она спит в другой, но перед тем как лечь, заходит к Иванову, чтобы погасить настольную лампу – засыпающему Пете лень тянуться до выключателя. Потом она открывает форточку, а Иванов всегда недовольно бормочет: «Ты что, мне же холодно».

Зимой он совершенно мокрый возвращается с футбола, горных лыж. Ему даже сон один и тот же снится. Входит в тамбур электрички, чтобы поскорее переодеться в сухое, а там отец в форме: «Ты что, здесь не положено».

А вот спать любит в тепле.

В дверях она говорит ему «спокойной ночи», на что совсем сонный Иванов всё же бдительно реагирует: «А ты будильник завела, кандидатша?»

Это он давал понять, что ему, как и всем трудящимся, с утра надо бежать на работу, а она, такая перспективная и свободная, пусть живёт в своем режиме.

Лена смеётся и идет к себе. Утром она встаёт раньше Петьки, ставит варить ему кашу и идёт в ванную. А Пётр Иванович,

заслышав будильник, вскакивает как ошпаренный, бросается к проигрывателю, ставит на всю мощь какую-нибудь группу и вновь прячется под тёплым одеялом. Выслеживает «до упора», потом рвется в ванную: «Вылазь скорее, я опаздываю!» Ест ещё лохматый, заспанный, а прощается с Леной уже элегантный молодой мужчина сорок шестого года рождения. Иванов любит хорошо одеться.

– До свиданья, Петька, – кричит ему вдогонку Лена – приходи ещё.

– Спасибо, в следующий футбол, – перепрыгивая через ступеньки отвечает Иванов; голос у него удивительно мягкий.

P. S.

Через два года у Лены с Петей родится чудесный мальш, которого они назовут Илюшей.

ПРО ПЕТРА ИВАНОВА И ФРАНЦУЗСКОЕ КЛАДБИЩЕ

(продолжение)

Итак, домой он к ней приходил, а на дачу один не ездил. Но тут Ленка звонит ему на работу в пятницу, в конце рабочего дня: «Петечка, едем на дачу, есть машина. Иди ко мне и жди, а мы тебя заберём».

Представил Пётр Иванович, как они вечером катят за город по пустынному шоссе – хорошо ему стало. «Там и поработаю, а то папенька опять сарай заставит передвигать».

– Ладно, – согласился Петька, и попался.

Действительно, возле дома, где уже дежурил возбуждённый Иванов, остановились зеленёнькие «Жигули». Ленка вылезла оттуда, но вместо того, чтобы пригласить Иванова вовнутрь, стала прощаться. Оказалось, что дорогой её приятели (он, она) слегка повздорили и замечательная идея сейчас ехать на дачу, а завтра утром – по грибы, перестала им казаться замечательной.

Но они честно предлагали: «Отвезём вас и вернёмся, ведь обещали», – и Иванов с такой надеждой смотрел на Лену. У него родители каждый день выясняли отношения, а эти и вовсе – чужие. Но Лене, как она потом объясняла, не захотелось находиться в «отрицательном поле».

...Вспомнил Пётр Иванович, как бабка его окрестила. Ему уже было девять лет, когда она взялась за его воспитание и, конечно, он был некрещёный, потому что жил с родителями и не о каком крещении при отце не могло быть и речи. А бабка жить с нехристом не захотела, но на идейные уговоры внук не поддавался. Он был пионер. Тогда Василиса Ивановна подумала и пообещала подарить Петьке конструктор, потому что больше всего на свете внук любил железные предметы, за которыми регулярно ходил на свалку районного значения. Кстати сказать, велосипед, части которого были любовно подобраны на той же свалке, до сих пор крутит колесами.

Петра окрестили, а конструктор не подарили: бабка пожалела денег.

Покоится сейчас Василиса Ивановна на тихом кладбище посёлка городского типа. Внук каждый год красит могильную изгородь, серебрит крест, вспоминает, как бабка засыпала с топором под кроватью на случай пожара, прятала в сундук все бечёвки, тряпки, обрезки, потому что они были «дельные вещи», и понимает Пётр Иванович, что его железки пошли, оказывается, от бабкиных дельных вещей.

Бабка бабки была гречанка, сама бабка народила от подмосковного обывателя четырёх сыновей, из которых в живых сейчас младший Иван, Петькин отец. Он стал на войне полковником, а потом генералом, потому что испытывал самую передовую технику.

Пётр Иванович, научный работник, долго строил программы поведения ручейника (такого червя в домике, который водится в ручьях и которого насаживают на крюк рыболовы, не догадываясь, что рыба сожрёт великих умельцев). А теперь он хочет, чтобы по тем же принципам, которые он разгадал у ручейника, строящего свой домик из песка или листьев, двигалась бы меха-

ническая рука. То есть Пётр Иванович, далёкий внук гречанки, занимается современной наукой – кибернетикой.

В настоящий момент ему надо успеть сделать очередную статью, ещё и поэтому он согласился на Ленкину дачу. Сейчас у папеньки, который на пенсии, период активности: ему нужны рабочие руки. А вообще-то отец решил стать директором гостиницы, чтобы быть сам себе начальником и чтоб было где отдыхать от Петькиной матери, с которой он время от времени начинал разводиться.

– Значит, так, – сказал Пётр Иванович, – сейчас у тебя переночую, раз уж зазвала, а завтра с утрачка на электричку Утром я ем кашу, это ты уже знаешь, а вот потом что я делаю? До обеда... работаю, после обеда два часа сплю. Потом чай, и чтоб заварен был! Потом опять работаю, и после ужина тоже... А ты что делаешь?

– Я тоже, Петь, мне столько сделать надо.

– Ну тогда ладно, я пошёл спать.

И вот они уже на даче. Петька тут же засел за статью.

Через час приехала Екатерина и покатила привычная жизнь. Крыльцо было тёплым, небо ясным, подруги в купальниках обсуждали своё бытие.

– Ну какая Игорь всё-таки сволочь! Всегда меня в стрессы вгоняет. Нравится ему. Всем мужикам нравится устраивать мне стрессовые ситуации. В среду говорит: «или в пятницу с Русико апробируетесь, или защита откладывается». А говорил – «не спешите, апробация не скоро». Ну и руководитель!

Всё это Лена знала. В единственный оставшийся на подготовку день – четверг, Екатерина сидела у неё дома, в Москве, писала доклад. Потом Лена его редактировала, потом слушала, засекая время.

Потом они отдыхали: пили чай с Ленкиными пирогами и всласть ругали всё того же Игоря – Катиного руководителя. (А ему действительно очень хотелось, чтобы его эмансипированная аспирантка произнесла простые, женские слова: «Помогите!», «Без вас не справляюсь!»).

Апробация прошла успешно: «никто ничего не понял и поэтому вопросов не было». Но Лену возмутило то, что потом пришлось народ поить.

– После защиты – понятно, а после апробации зачем?

– Лен, а что было делать? Русико пристаёт, надо отблагодарить, если не хочешь – я сама. Ну, думаю, чёрт с тобой, а она опять: «Можно я это сделаю немного по-восточному?» Я-то хотела, как обычно, сыру там, колбаски, тортик... Ленк, как жрали! Будто этих цыплят-табака сроду не видели. Да, я сама помню, на банкете у одного из них икру чёрную ложками ела. А что? Раз на столе, оставлять что ли?

– Кать, другое противно. Мы ведь у себя дома, понимаешь, а нам диктуют свои нравы. Приходится тянуться, а деньги у нас на всю эту обжираловку, коньячные подношения, духи французские, у тебя, у меня есть деньги?!

И такая грусть, такая тоска их охватила, что не мило стало тёплое крыльцо, синее небо. Захотелось совершить какое-то очищающее действие.

Но таскать дрова при Иванове неудобно, вроде как намёк, с ним идти тоже нельзя, пусть работает.

– А что, Лен, не найти ли нам французское кладбище?

– Молодец, старушка, соображаешь иногда! Пойдём разведем, а потом с тачкой туда поедем.

Чтобы рассказать про это кладбище, где покоились, по преданию, солдаты наполеоновской армии, надо рассказать про то, откуда они о нём узнали. Итак, сельская библиотека.

Деревне Чистые Ручьи повезло. Когда-то она была центром колхозной жизни, поэтому здесь были отстроены большие деревянные избы: клуб и библиотека. Потом образовался совхоз, который вобрал в себя колхозные земли и Чистых Ручьёв, и Хмелева, а сам разместился в разрастающемся Бакшеево. Но клуб и библиотека продолжают мирно доживать свои дни вместе с их «завами»: активной Верой Васильевной – клубным работником и тихим Анникеем Фёдоровичем – зав. библиотекой.

Когда-то Анникей, родившийся здесь и кончивший в областном центре библиотечный техникум, был очень уважаем за вежливый и красивый разговор. В него влюбилась десятиклассница, а чтобы Анникею не было с ней скучно, она тоже окончила библиотечный техникум. Учиться понравилось, и Анникеева жена поступила в институт, а сам он начал потихоньку спиваться.

С годами народ совсем перестал посещать культурный центр – библиотеку, а часы работы у неё каждый день, с 12 до 18. И магазин рядом. Как-то он сам позвал мужиков к себе, уж очень то скливо стало одному среди зимы. Но всё-таки Анникею неловко было пить среди книг. И когда жена, сделавшись работником облизполкома, его бросила, он вешал на дверях замок и записку, обычно после обеда. Если зимой, то приходилось привирать, чего Анникей не любил: «поехал за поступлением», «испортилось отопление». Летом придумывать было не надо: «на уборке». Брали они бутылки и шли в его пустой дом, где тоже было тепло и не стыдно.

Клуб тоже бы захирел, телевизоры отняли зрителя (основную статью дохода) и на сеансах кино сидели три-четыре глухие бабки с сопливыми внуками, да музыка спасла. Мода на ВИА докатилась и до Чистых Ручьёв, и здесь обнаружили такие таланты, что на танцы в Чистые Ручьи едут из самого Бакшеево. А Вера Васильевна стала главной в деревне. Она с радостью бросила на супруга в тельняшке внуков и огород, чтобы объяснять молодёжи, в каком виде надо являться на танцы, как изъясняться в общественном месте и всё остальное. Здоровые лбы униженно толпятся у двери: «Теть Вер, пустите». – «Выпимших не пускаю, а если ещё увижу, сообщу на работу», – вдохновенно ведёт свое соло клубный работник, заглушая самодетельный ансамбль...

Анникея держали теперь в этой жизни свой дом, потому что по привычке, привитой покойными родителями, его тоже надо было держать, и новые книги, которые уже по самолично приобретённой привычке хотелось прочитать.

Катя с Леной тоже любили читать, поэтому как же им было не встретиться? Тем более что лежали они на одной прямой: дача – библиотека – магазин. Между дачей и библиотекой запа-

ло озеро с дубами, дальше шло поле, защитные заросли акации и железнодорожные пути. Между библиотекой и магазином лежала сама деревенька Чистые Ручьи. Обычная современная деревенька, где живут, в основном, старики, дети учатся до четвёртого класса, а усталые взрослые возвращаются с работы на электричке, обсуждая, когда же дадут квартиру в городе, чтобы сделаться дачниками в родительском доме.

Анникей Фёдорович очень обрадовался новым читательницам, которые сразу же указали ему на журнал «Дружба народов», где была повесть, которую он решил не читать: любовная история какого-то князя. Анникей уважал настоящую историческую литературу.

– Ну, что вы, – с готовностью объясняли подруги, – там такой язык прекрасный!

– Прочту обязательно, раз вы рекомендуете, – заулыбался Анникей, стесняясь заросшего сединой лица. Про красный нос он как-то забыл, а волосы носил, как и молодёжь, длинными. Они были тоже серые от седины, но всё ещё вились кольцами. Сам он был хрупкого сложения.

Дачницы набрали у него книг для чтения и три «оставили себе насовсем». Но он этого так и не узнал. Перед проверкой Анникей обнаружил пропажу, но подумал на школьников. Хотя, спрашивается, зачем четвероклассникам Сартр, Шкловский и Трифонов?

Но, повторяю, Анникей так радовался, ведь теперь он будет знать, что читает Москва, что заподозрить в обычном воровстве таких образованных он просто не мог. Про книжный бум Анникей слышал, но вокруг него было столько книг и так мало людей в них нуждалось, что ему было трудно представить все выгоды своей работы.

Но Лена с Катей просветили его и в этом вопросе.

...Огляди, читатель, свои книжные полки да шкафы и ответь мне честно: нет ли там подтибранных книжек? (Глагол «подтибрить» я с удовольствием обнаружила у Радищева в «Путешествии», см. главу «Побережье»).

Молчишь? То-то же...

Своровали они не намеренно. Анникей, заполнив формуляры на первую стопку книг, разговорился и машинально поставил карточки в ящик, так что вторая осталась незафиксированной. Подруги переглянулись, тепло простились с Анникеем, и, забыв про магазин, поспешили к себе на дачу, исследовать добычу. В похищенной стопке оказались прихваченные любознательной Екатериной «Разум против религии», «Малая сельскохозяйственная техника» и «Ваш огород», которые они впоследствии так же незаметно вернули.

Уже по дороге Лена, как обычно, стала ныть. Хорошо ли мы поступили? Вот если бы он к нам плохо отнёсся, тогда бы не стыдно. Так улыбался, так хвалился своими книгами: вот они, знатоки, оценят. Всё позабыл.

Честно говоря, Катю тоже мучило Анникеево доверие. Но Лену она не слушала, потому что та её мучила всегда одинаково, три раза. Сама же первая увидит: доски, кирпичи – обрадуется, укажет Кате «давай, а?» А «оно» и впрямь лежит цельное, свеженькое, вроде даже специально для них приготовленное. Возвращались на дачу за тачкой, верёвками, брезентом, чтобы покрыть грех. Как до дела доходило – грузить это самое, найденное – Ленка второй раз начинала ныть: «Хватит, неудобно, больше не надо». А почему ещё не прихватить, раз собрались, раз оно тут лежит, всеми забытое? Как разгрузят, да сядут полюбоваться добром, так Ленка в третий раз заводит: «Мало взяли».

Да, подруга ей досталась – сплошной Фрейд.

– Ладно, – решила Екатерина, – эти книги, чего уж. А другие мы у него купить будем, поняла?

Так Анникей узнал, как можно заработать на книгах. Брал он деньги, стесняясь, повторял «большое спасибо», но, приехав на дачу следующим летом и поспешив в любимую библиотеку, подруги застали сильно поредевшие полки. Анникей всё так же им улыбался, но списанные книги, в которых раньше они копались самостоятельно (Анникей, пользуясь их присутствием, бежал в магазин), теперь были аккуратно разложены по тематике, Анникей стоял над душой, чтобы объяснить, какие книги он оставил для своей личной библиотеки.

А про французское кладбище он тогда еще рассказал, в первое лето их знакомства.

Ещё до войны он мальчишкой сажал со школой сосны у реки. И там поляна была, где рядами лежали здоровые валуны. Учитель им объяснил, что это могилы французских солдат, отступавших этой дорогой.

И вот, оставив Петра Ивановича переписывать десятый вариант статьи про механическую руку, подруги наскоро собрали книги для Анникея: «Развитие капитализма в России» (читала Лена, задумалась), Франс, том 3 (читала Катя, разочаровалась) и письма Гейне (читали вместе, заинтересовались). Анникей сразу же заспешил закрываться. Теперь появление этих женщин вызывало у него страх: наверняка берут дефицит, а доказать не умеет. И деньги их не нужны, лишь бы не хозяйничали здесь.

Но подруги взяли только почитать школьную книгу «Древнегреческие трагедии» («вернут – продам», решил Анникей). Они спешили, их интересовало французское кладбище.

Анникей обрадовался, что так всё обернулось, сел, осторожно поставив кошелёк, но пустые бутылки всё-таки звякнули, взял карточку, ручку и стал вспоминать маршрут.

– Анникей Федорович, что же вы сами там ни разу не побывали? – удивилась Елена. – Пошли бы со школьниками, изучили, может, там какие-то металлические предметы сохранились. Потом бы музей сделали, здесь же, на базе библиотеки, да, Катя? Потом бы с французами списались. Вдруг чьи-то предки здесь похоронены, они же знают свои родословные. К вам бы французы стали ездить.

– Не думал, правда, не думал. А ведь верно! И камни знаю как подрывать. Давайте вместе пойдём, часа через два. Мне домой надо сходить.

– Нет, мы сейчас можем. Да мы ничего там рыть не будем. Посмотрим только, потом вам расскажем.

– А где вы были? – осторожно спросил зеленоглазый Пётр Иванович; ему хотелось есть.

– Сейчас, Петь, разогрею, Катя расскажет.

- Мы французское кладбище видели.
- Ну да?..
- Да, только там уже все могилы перекопаны и ничего не осталось.

Ему было ясно, что его разыгрывают, предлагают подураться, что он бы и сделал, да желудок отвлекал внимание.

...Что же они увидели на самом деле? А кто его знает. Действительно, у реки, теперь уже в сосновом лесу, посаженном и Анникеем, была поляна. В неё выросли ряды валунов, и то, что это кладбище, они поняли только потому, что многие валуны были подрыты. Народ искал, некоторые уставали дорываться до основания громад, но были и упорные: они даже выволокли камни из их столетних нор.

Ямы были затоплены водой, земля позаросла травой, что указывало на то, что кладбище себя не оправдало.

Они решили найти потом старичка, бывшего учителя, чтобы выведать, откуда пошла легенда и почему, если у живых французов хватило сил и техники притащить сюда валуны, не смогли они выбить на них имена своих погибших товарищей. Камни были абсолютно гладкие.

А ТАМ, В ПАРИЖЕ...

Получила твоё письмо и очень обрадовалась, так как всё собиралась тебе написать, а без твоего ответа это почему-то было трудно.

Я всё это время работала как каторжная, тем более что переводы на конференции были все казённые и очень неинтересные и почему-то всё поздним вечером, так что возвращалась часто около часу ночи. А поскольку я не могу поздно утром спать, у меня голова начинает болеть, весь день был разбит, а к пяти уже опять надо было идти. Одно развлечение, что много народу понаехало в краткосрочные командировки именно для работы на этой конференции и в мою смену было несколько очень приятных женщин, так что я хотя бы с новыми людьми как-то

пообщалась, здесь ведь с этим сложно. А мужики, в основном, спрашивают, где можно купить подарок жене, и хорошо ещё, если не сразу начинают разговор о бюстгальтерах и не приглядываются, чтобы определить, не подхожу ли я им в качестве модели – на полном серьёзе, были и такие случаи. В общем, через два дня мой четырёхмесячный контракт заканчивается, и я буду сама планировать своё время – то есть свободное от Володи. Он избаловался донельзя. Ведь я всё время что-то готовлю свежее и сама где-то рядом. Конечно, наши планы больше определяю я (в свободное время), но если мне хочется почитать не пятнадцать минут, а как-то поусидчивее, то это расценивается как уход от действительности, и меня стремятся занять. Это при том, что Володя сам очень много читает, может даже переводить и всё понимает.

Ты не представляешь, как трудно мне здесь приходится с Володиной секретаршей. Она, правда, скоро уезжает, через неделю, но такого количества издёрганных и глупых женских нервов я никогда не видела и если ещё раз увижу, враз умру. При этом безумное самомнение, общая неразвитость и ханжество, что доводит меня и Вовку до остервенения.

Ты знаешь, очень обидно, что нельзя отойти от всего, чтобы посмотреть на город, который действительно очень интересен – со стороны, и уже больше ничего не видеть при этом, потому что если смотреть на него как на памятник, то это можно только в воскресенье, во второй половине дня, пока ещё не стемнело, тогда он самый пустой, а всё остальное время он бурлит и все его памятниковые качества оказываются немного лишними, слегка современными, что их безусловно портит, но недостаточно современными, чтобы быть удобными сегодня. В общем, какое-то безумное противоречие, хотя, может стать, что я вижу в этом противоречие, поскольку сама живу в условиях противоречия и парадокса. В других городах, не в Париже, а маленьких провинциальных, это немного по-другому, там каждое здание имеет самостоятельное значение, но обычно это что-то одно – либо старинный замок, либо собор, ну еще, может быть, сохранился прилегающий квартал, но всё равно этот квартал

имеет несколько искусственный вид, и когда всё помотришь, делается скучно. И вообще, когда старина сохраняется искусственно, у неё вид декорации.

Но, по-видимому, эту мысль я тебе разовью потом, если у тебя будет время слушать (ну и желание, конечно), ведь здесь особенно не порассуждаешь: женщины заняты практическими делами, и если у меня возникает постоянная мысль, которую я почему-то начинаю высказывать какой-нибудь бабе, – но сейчас этих ошибок я уже не делаю, – на меня смотрят как на полную идиотку, тем более если эта мысль не совпадает со стандартом – только ради бога не подумай, что у меня бывает что-то оригинальное, просто слегка необычное и не в том ключе (для них). Володя уже настолько привык к моим рассуждениям, что поначалу слегка вздрагивает, когда я начинаю излагать, а потом всё же терпеливо слушает, понимая, что кому-то высказаться мне все равно надо.

Ну вот, видишь, я всё успела тебе описать, а теперь заканчиваю, постараюсь переслать это письмо с оказией, чтобы оно пришло к тебе поскорее, а то пока письмо дойдёт, оно потеряет всякую актуальность и будет годиться только для ретроспективы. Я постараюсь еще написать скоро, но ведь ручаться не могу, да и боюсь быть скучной. Пока.

Рита.

ФАНТОМАС ИСКУШАЕТ АВТОРА

Милые вы мои бабы: Лена, Рита и Катя, – славные Петька, Серёжа и Грачёв замечательный. Как не хочется мне расставаться с вами! После третьей мировой войны первая бактерия появится через семьсот лет... Кому нужны труды наши?

Зачем ты пришёл ко мне, Фантомас? Дал вначале виноград, потом я предложила тебе стул, потому что увидела твои оплывшие несгибающиеся пальцы, я увидела старческие тапочки.

Ты покашливал, ты назвался полковником на пенсии, бывшим политработником, и время ты своё коротал со мной до

другого времени: вполне реальной телевизионной передачи. И одет ты был в синий тренировочный костюм.

– Я очень болен, – похвалился-пожаловался ты, и чтобы я удостоверилась, стал жать мне руку своими негнушимися толстыми пальцами. Пожатие оказалось призрачным, а ты покраснел от натуги.

То, что ты никогда не болел, я уже знала. Но вот кто добрался до твоего организма?

Хирурги (как ты к ним попал, осталось загадкой) зашили в твоё тело обычную человеческую ткань, которая парализовала твоё устройство. Ты уже не сидел, но ходил и лежал. Тогда появился гонконгский грипп.

Вот так прозаично: человеческая ткань и грипп, – и ты обездвижен. Твоё тело покрылось язвами, но сознайся, они ведь были всегда, и не надо было тебе засучивать рукава, чтобы показать на волосатых тёмных руках узоры – бред пьяного сюрреалиста.

Но ты был Фантомасом. Отринув человеческую помощь (отныне и навсегда), ты стал внушать своему телу здоровье.

И вот мы встретились здесь, в Крыму, в Гурзуфе, в одном доме у деда, который днём заготавливает дрова, а ночью превращается в чёрного кота, который мягко впрыгивает в моё окно.

То было единственным, что меня отвлекало от написания моих «Дачниц».

Даже не столько дед в виде кота, сколько желание проверить научно свою догадку. Подкрасться к коту, который замирал на подоконнике, и трахнуть его палкой по башке. А утром изучить дедову физиономию. Ведь гоголевская панночка, прокатав на себе богослова, сильно захворала наутро.

Остановил меня, честно сознаюсь, страх. Если бы утром у деда и впрямь оказалась побитой украинская физиономия или бы занемог дед, тогда как продолжать жизнь в этом мире?

Стечение обстоятельств: дед ударился, просквозило, палец топором задел – да мало ли реального и понятного могло случиться с дедом за день, но мною не увиденного? Ночью я бы

огрела кота, а утром все обычные и понятные дедовы хвори взорвали бы моё материалистическое видение мира?

Кота я разгадала.

Но я не знала, что маленький домик, увитый виноградом, снимает (как и я, как и все) сам Фантомас. Исчезает в рассветных сумерках и возникает в вечерних. Как и положено – он был невидим.

Но зачем же я вернулась в вечерние сумерки? Во дворике стояла фигура с голым черепом, синим лицом и ослепительными зубами.

– Хотите винограду?

– Хо-чу... – чтобы разглядеть, разглядеть, убедиться: может, привиделось? Сумерки – они же сумасшедшие.

Поднялась к себе, зажгла свет, села за стол. На столе бумаги, в них Петька, Лена, дачная жизнь. Из окна видно море, бухта в огнях, кипарисы. Пугачёва и кто-то ещё орут из молодёжного лагеря. Осень. Крым.

Вошёл он, при свете ещё больший Фантомас – коричнево-синее лицо, светлые глаза с красными белками без ресниц, геометрический нос – с кошёлкой винограда.

Ну что нового он мне сказал? Сколько убито в первой войне, сколько во второй, а после неё ещё больше? И что после третьей и бактерий не останется?

Моему поколению не дожить до старости. А если и дожить, разве легче от того, что не тебе, а последующим?

Сознание Всеобщего Конца – вот что он мне внушил.

Но я же помнила: *«Когда пройдёт последний час природы, состав частей разрушится земных. Всё зримое опять покроют воды, и Божий лик отобразится в них»*. – Но раньше мне, как и Тютчеву, как и всем им, казалось – отдалённые времена, столь отдалённые, что уже естественны: было начало, будет конец...

«Божий лик отобразится»... ничего не отобразится. Фантомас телепатировал мне образ скорой земли, исходящей клоцьями.

Вспомнился спор Лены с Катей.

Как жить, если знаешь о близком конце?

Врач Екатерина Андреевна видела разные смерти и разные болезни: надо жить так, как жил, делать то, что должен. Если думать о смерти, она приходит скорее.

А Лене казалось, всё равно это пир во время чумы: одни лишь привыкшие брать – брали, другие – давали, но все они жили по-старому, запретив себе думать о будущем.

Всё-таки им было легче, рождённым до XX века, не дожившим до расщепления атома. Мучились, но другим. Вечное «быть или не быть» относилось к одному человеку.

А сейчас весь мир балансирует: быть – не быть, быть – не быть. Каждый в миллиарде кричит: «Быть!» – ведь он человек. Почему же все вместе рождают «Не быть?»

Но автор всегда фанатик, и я говорю: «Простите за малодушие, Петя, Лена и Катя, я не вправе оборвать ваши жизни, чтобы ни было с нами потом. И пусть сейчас появится Витя, дитя современного мира».

ВИТЯ, А ТЫ БАХА ЗНАЕШЬ?

Вечером подружки стали жарить рыбу во дворе на камине, который сами сложили по картинке из болгарского журнала. Но огонь не разгорался, накрапывал дождик.

Петька утомился над статьёй. В носках, чтобы тише, выбрался из дома, подкрался и ухнул филином. Они заорали, он засмеялся. Потом схватил рыбу за хвост, сунул Ленке, выбросил еле тлеющие полешки, набросал свои, подул, покряхтел – и огонь запылал, бросая гигантские тени на тёмный дуб.

Рыба на решетке изжарилась быстро, они также быстро съели её и заспорили о политике.

На следующий день Катя читала с выражением «Древнегреческие трагедии», в частности Софокла: «Дай голову твою обнять, Исмена, сестра моя».

Пётр Иванов писал десятый вариант статьи.

Они поняли, что Шекспир заимствовал свои сюжеты у греков, которые решали всё тот же вопрос: кому быть, а кому не быть. Нашли вполне естественным, что убийство стало сюжетом детективного жанра, поскольку жизнь человеческая теперь охраняется не богами, а государством. И, наверное, поэтому, лишившись крови, современная литература перестала быть драматичной. Сколько же лет еще должно пройти, чтобы мы отучились жить на инстинктах, а научились чувствовать сильно что-то другое, – после чего их мысли потекли индивидуально.

Катя, спохватившись, сказала «чего-то другого» – нет, потому что человек – он то же животное, он так устроен, а те чувства, о которых долдонит подруга, это те же инстинкты.

– Не ври, у меня эксперимент получился, подтвердил мою идею и я радуюсь, что это? – Вот когда ты влюблена, ты чувствуешь, мать – чувствует, болит – чувствуешь. А твоя радость от работы – это ты сама себе придумала, разве это чувства? – не сдавалась Екатерина.

Лена доказывает, что чувства при творчестве, от восприятия его – как раз и есть новая черта, чисто человеческая. Тогда Катя стала выяснять, что же ещё кроме творчества?

– Ну, мы с тобой, – думает вслух Лена, – какие у нас инстинкты? Семьи нет, любви реальной нет, и не голодные мы – так что же, мы ничего сейчас не чувствуем? Да я больше них чувствую, кто на инстинктах своих из огородов не вылезает!

– Леночка, девочка моя, а зачем людей обижать? Ей радость от грядки, а тебе от ЭВМ.

– Ну, значит согласна? От ЭВМ тоже можно! Вот и не спорь больше. А то мешаешь всё в одну кашу. Чувствовать можно не только насилие, смерть или мужика. Мне поэтому и интересны творцы, что они люди будущего, понимаешь? Их вам надо изучать, а не собак да кошек.

– ...В ухе стреляет, – недовольно сказал Иванов. Он, оказывается, давно сидел рядом, слушал их и сердился, что бабы его не замечают.

Потом все трое лежали на полу и смотрели телевизор. Пётр уже был с компрессом, а поверх – в ушанке, чтобы не съезжала повязка.

– Петь, – глядя в потолок спросила Катя, – ты, когда молодой был, жениться хотел?

Иванов сдвигает ушанку, чтобы лучше слышать, подозрительно глядит на Катю, потом вопросительно на Лену, та спешит объяснить, никакого, мол, подвоха, это у Катьки воспитанник появился, восемнадцати лет. «А-а, – повеселел Петр, – я жениться хотел в восьмом классе. А потом больше не хотел... У меня папенька есть, ты знаешь, Кать? Он мне звонит на работу и говорит: Петя, срочно пиши. Сегодня ты едешь на станцию такая-то. Потом на автобусе. Найдёшь дом, квартиру... ты пишешь? Спросишь Валу, а у Вали спросишь... ну где, допустим, её деверь. – После пятнадцати минут разговора выясню, наконец, что это отец меняться задумал. Соседи ему в срочном порядке надоели. А вчера ещё разводиться хотел, вот так. Я, конечно, могу устранить, но чем тогда это кончится, я тоже знаю: маменька будет лежать в инфаркте, а отец разносить всё вокруг».

Потом Пётр дописал десятый вариант статьи, понял, что нужен одиннадцатый, и уехал после обеда. Он спешил на вечерний футбол в родной поселок городского типа. И папенькина активность беспокоила.

Подруги возвращались в Москву вечером, прощались в метро.

Катя едет в свой дом, к маме. Она представляет себе, как залезет сейчас в ванную, потом ляжет и будет читать Ибсена, который ей нравится своими размышлениями. А может, придёт Витя.

«Кать, кончай с Витькой. Нехорошо, что ты с ним, я ему скажу». – «Мам, если ты хоть слово ему скажешь, убью!», – кричит в ухо матери Екатерина.

И Валентина Николаевна пока держалась. Без дочери, увидев его на пороге, кричала только «нету её», и захлопывала дверь. А так и подмывало сказать этому губошлепу, чтобы не таскался сюда и не объедал их.

...Первый раз Витя появился у них дома на Новый год. Собственно сам праздник она встречала в метро. Не рассчитала, увлеклась, потому что хотела добиться от Ленкиных гостей точной формулировки духовной жизни, а все они говорили разное, да ещё норовили напомнить, что она – баба, и лезет не в своё дело. Совсем оставаться тоже не хотелось, и не потому, что гостям было неинтересно разобраться в своей духовной жизни – жалко было оставлять мать одну. Вот и ехала в пустом вагоне.

Мать лежала на кровати в шубе (то был морозный Новый год), а лежала, чтобы доказать своей паршивке, что та забросила больную, одинокую мать.

– Мам, я думала, у нас стол накрыт.

– А что накрывать? Ты купила? – привычно заобижалась Валентина Николаевна, хотя ещё за неделю забила холодильник продуктами, а сегодня напекла пироги.

– Вставай, мам, давай отпразднуем.

Накрыли в комнате матери, где стоял телевизор, по стенам висели ковры, а сервант искрился хрусталём, который мать регулярно колотила.

Пока смотрели телевизор, Валентина Николаевна подобрела: она выяснила, где была Катя. «Лена хорошая, я её в школе помню, отличница, ты с ней дружи. И мать у неё профессор, и диссертацию уже написала. Она и тебе поможет защититься. А вот из института к тебе Зинка бегает, так она мне не нравится». (Зину же мать вызывает передвинуть мебель и смерить давление, если надо доказать дочери, что и без неё обойдутся).

Всё это Екатерина терпеливо выслушала. Теперь, благодаря Фрейду, она знала, что спорить с матерью бесполезно и пусть говорит, что хочет. Но всё-таки стало тоскливо, и Катя предложила «разойтись по койкам».

Чтобы поднять настроение, она взяла Уайльда, старое издание, удобно устроилась у себя в комнате, но тут в дверь позвонили.

На пороге стоял молодой и кудрявый сосед.

– Меня Витей зовут. Можно, я у вас посижу? – шла новогодняя ночь. – У меня, понимаете, Джон с компанией. А они мне надоели. А у отца смена. (Виктор жил вдвоём с отцом).

– А Джон это кто?

– Как кто? Наш руководитель. Я в ансамбле играю. На гитаре. Хотите послушать? Я сейчас.

– Вить, а ребята не обидятся?

– Да ну!

Он вернулся с гитарой и играл до четырёх утра. Вот так неожиданно хорошо закончилась её новогодняя ночь.

Витя был румяный, плотный и голубоглазый.

– Вот что я сейчас играю? Как не знаете? Это же «Битлз». Вы должны помнить. Это же классика. Вы слышите? Слышите?.. Вы совсем не знаете музыки. Это плохо. Как вы живёте? У нас Джон всё знает. А он моложе вас. Мы послезавтра в клубе играем, приходите. Вам надо слушать, учиться. Это же современная музыка. Ею живут.

– Вить, а Баха знаешь?

– Ну, Баха, смешная вы... Что там слушать? Вы это послушайте. Сейчас я так играю, а сейчас? Это же импровизация!

После второй встречи Катя узнала, что Джон – это Джон; все девчонки делятся на две категории: с которыми можно, но скучно, и с которыми интересно, но нельзя и поэтому тоже скучно; он работает на заводе, а больше всего любит гитару.

...К тому моменту нашего повествования, когда Катя попросила вспомнить Петра Иванова свои молодые годы, Витя уже успел:

- понять, что Джон плохой;
- бросить свой халтурный ансамбль;
- купить абонементы на классическую музыку, купить проигрыватель и завалить квартиру пластинками с той же классикой;
- записаться в библиотеку и прочесть всё, что там было о композиторах;
- найти учителя и заниматься с ним сольфеджио;
- а главное, Виктор настроился поступать в музыкальное училище.

И всё это за полгода общения с Катей.

В последний свой визит Виктор вдруг заговорил о женитьбе на последней своей пассии. Как всегда сходу, с порога:

– Понимаете, не могу я на ней жениться. Сейчас мне 18, да? До 23-х учусь. С 23-х до 27-ми становлюсь человеком. А женой когда заниматься?

– Витя, а почему жениться, вы же мало знакомы?

– Нет, не могу, она очень страстная. Я не пойду к ней сегодня. Как вы думаете?

– Раз обещал, надо идти или позвонить. Женщину нельзя обижать.

...Потом подоспел набор в армию. Забрали всех его друзей, а он работал на закрытом заводе, где полагалась отсрочка. Но Виктор пришёл к ней прощаться: он уволился с завода, чтобы тоже пойти в армию.

– Понимаете, у меня всё легко получается. Захотел педагога – нашёл. Захотел в училище – и поступлю. Так нельзя. Лучше я отслужу, – но в осенний набор он не попал.

Через три недели он пришёл сообщить Екатерине, что устроился разнорабочим на ликёрно-водочный завод.

– Я всё уже подсчитал. Там я работаю два месяца. Зарабатываю на гитару и джинсы. Потом увольняюсь и опять возвращаюсь на свой завод.

Через две недели:

– Я оттуда ушёл. Понимаете, там такой уровень низкий. А женщина, Надька, ко мне пристаёт, с собой зовёт.

– Вить, ну что у тебя всё Маньки, Вальки, Надьки?

– А кто же они? А потом, столько ящиков надо поднять, вечером как алкаш, руки дрожат, играть не могу.

Потом начался период, когда Катя стала его бояться. Виктор, вернувшись к первоначальной идее поступления в училище, стабилизировавший свои отношения с темпераментной подругой (стал ходить с ней в консерваторию), почувствовал себя взрослым и решил сам заняться воспитанием.

– А что у вас голова немытая?..

– Вам этот халатик не идёт...

– А почему у вас руки без маникюра?..

– И всё вы врете. Я же вижу. Вы – несчастная, – что уже Екатерина снести не могла.

– А кто, Вить, счастлив?

– Те, у которых муж и дети. – Но разве это серьёзный аргумент для женщины, которая вдвое старше? Она тут же ему объяснила, на примере его семьи (отец с матерью развелись, мать взяла с собой дочь, отец – сына), на других примерах, которых предостаточно у каждого, что счастья нет и в семье.

– Зато я свободна, Вить, понимаешь. А за свободу надо плачливаться...

– Хорошо, что пацан не додумался спросить, что такое твоя свобода, – смеялась потом Лена, – но он сообразит и спросит. Ты готовься.

Сейчас Катя хочет одного: чтобы он не сорвался, поступил в училище, а там будет среда, он сможет развиваться. А иногда ей кажется, что ничего не выйдет, и детей надо развивать с детства, а если этого не было, то человек возвращается рано или поздно в свое первоначальное состояние. И не сможет её Витька тянуть за ребятами, которые с детства занимались музыкой, много читали и привыкли к другой жизни.

P.S.

Но спустя несколько месяцев Екатерина решила пойти на очередной эксперимент: сделать из Вити настоящего мужчину. Что Лена почему-то не смогла вытерпеть, и они расстались...

А у Кати началась, наконец, её собственная семейная жизнь. С мужем, который был моложе почти на 20 лет, сынишкой, который довольно быстро родился, рынком, в который Катя с Витей бросились с головой, организовав несколько торговых точек. Но когда на них «наехали», Катя, слегка подуставшая от взрослого своего ребёнка-мужа, быстренько объяснила Вите, что сейчас самое время переехать ему в другую страну и желательно подальше. А где лучше всего живется белому человеку?

Конечно, в ЮАР (по тем временам), там ещё и всегда тепло. Он устроится, а потом и они с сыном туда пере-

берутся... В итоге Витя давно уже живёт в Кейптауне, он владелец довольно модного бутика, регулярно звонит своему взрослому сыну в Москву, уговаривает его приехать, хотя бы в гости. Но у сына своя жизнь, ему и здесь хорошо, под боком у матери. Он слегка подрабатывает, а в основном пишет электронную музыку. Катя какое-то время работала в аптеке, потом ей надоело, и сейчас она занимается самообразованием у компьютера. Посещает все зарубежные музеи, изучает французский и гипноз. И с Леной они возобновили отношения. Иногда ходят вместе на выставки и на концерты. Слушают Баха.

А ТАМ, В ПАРИЖЕ...

Ты написала ужасную вещь, у тебя появилась мысль о замужестве во время одиночества, болезни. Учти, что болеть замужем ещё хуже. Когда мы в прошлом году решили своим слабеньким «фиатиком» испробовать на прочность «мерседес» (а он железный), и в результате меня уволокли в районную больницу, мой муж – который опора и поддержка одновременно – не просёк, что нам оплатят любую больницу, самую дорогую и хорошую. И в результате дырку на моей физиономии зашивали без всяких удобств и внимания. И как только я могла встать, я встала и пошла, а опора и поддержка, не знаю только чем он в тот момент являлся, даже не сообразил на чём-нибудь меня подвезти, потому что идти там было около двух км. А в последующие дни, когда он видел меня на кровати, что было естественно, так как очень болела голова, у Володи появлялось такое выражение лица, что я вставала и делала вид, что мне очень хорошо, чтоб только его не расстраивать. Хотя можешь себе представить, какими фольклорными выражениями я разражалась в душе.

Так что это ты брось, жена должна быть всегда здорова, иначе она какая-то порченная. Вообще же мысль правильная, только её надо держать глубоко в себе. И мне кажется, что надо подождать, пока у тебя не будет ощущения, что именно ради «этого

человека» ты можешь сделать очень многое и, во всяком случае, пойти на определённые ограничения своей творческой натуры (не обращай внимания на иронию, это я по поводу вечных женских душевных запросов), сохраняя при этом хорошее настроение – мне это кажется очень важным. Причём надо иметь в виду, что «обогащение», которое может дать нам мужчина, проявляется только за длительный срок, и в каждый конкретный момент незаметно, а вот ограничения и жертвы, наоборот, за длительный срок стираются, но весьма болезненны в каждый данный момент. Кроме того, от самой женщины зависит, насколько она правильно может определить сильные и интересные стороны мужика. Так что я считаю, что прежде всего сама женщина должна быть в хорошей моральной форме и не расценивать мужа с точки зрения «опорности» и не ждать от него эфемерной поддержки – согласись, что очень скучно быть всё время надеждой. Если тебя интересует мой подход к этому делу – напиши, я тебе изложу более подробно. Хотя в здешнем безлюдье мне уже трудно судить о степени банальности собственных суждений, всё начинает казаться исключительно справедливым, так что смотри сама.

Правда, я тут познакомилась с одной неплохой женщиной, секретаршей секции, в которой я работаю. Очень интересный и цельный характер, совершенно несовременная, но очень привлекательная именно своей консервативностью. Она не замужем, и я очень удивляюсь тупости мужчин – такая искренняя, увлекающаяся и разумная женщина. Ужасно забавная деталь: мы с ней уже около года довольно много разговариваем, но до сих пор на «вы» и не собираемся это менять. При здешних нравах общения – на «ты» с первого разговора, изложение семейных проблем со второго (иначе обида), ревнивое внимание к другим знакомым, молчаливые упрёки за общение с другими бабами, а затем повышенное внимание к покупкам женщины, «которую я отлично знаю» и мелкие сплетни за спиной. Есть и другие женщины, конечно, но ведь сразу не узнаешь, а искать ни к чему. Так и живём.

Я приспособилась – как всегда делаю, будучи исключительно легкомысленной натурой, какой меня все считают. Перевозжу всякие экскурсии в музеях и на выставках (не слишком много, но

уже третий год) и у меня всегда есть в запасе какая-нибудь новая выставка или что-то интересное, о чём можно рассказать совершенно незнакомому человеку, одновременно расширив его кругозор, не задев ничьих интересов и достаточно прозрачно показав, что мелкие события, типа ближайшего завоза обуви в посольский магазин, меня не волнуют. Результаты самые для меня приятные.

Насчёт ведения хозяйства – знаешь, тут есть много, чему можно поучиться. Я попыталась это сделать, и если опять же ты хочешь, по приезде по мере возможности всё тебе изложу, хотя тоже очень много всяких банальностей, но у нас на них не обращают внимания.

Кстати, насчет седины – ты не представляешь, какая я седая! Тем более что у меня волосы тёмные. Но красится не собираюсь, и исключительно по принципиальным причинам, так что не расстраивайся и плюй на всё. И, кстати, мне нравятся мои 35 лет. Мне почему-то удобно жить. Извини, если моё писание тебе не понравится.

Целую. Рита.

СНИМИТЕ ВАШИ КОЛЬЦА

*(из воспоминаний Лены о Маше –
четвёртой школьной подруге)*

Теперь мы женщины бальзаковского возраста. Правда, на героиню французского романа тянет одна Машка. Статная, синеглазая, насквозь творческая личность (архитектор), и любит только двоих людей: дочку (на первом месте), а потом себя. Но я к этому привыкла, у каждого ведь свои слабости, прощаю. Так же как Машка прощает мне мои аналитические мозги, которые мешают эмоциям.

Но дело не в этом. Целую неделю она держала нас с Ильей в возбуждении. Звонила каждый день: «Когда встретимся? Со мной случилось Чрезвычайное! Только вы, нормальные люди, можете мне помочь!». Наконец, встретились.

Дача была уже полна народу, но как Машка появилась, так все смолкли: бальзаковский возраст требует внимания.

Что же случилось? Машкина подруга (тоже творческая личность) вдруг поняла, что может вызывать духов. «Ну, я-то материалист, мне конечно, смешно. Я ей говорю, “Может тебе, Ларис, замуж надо?” – “Что ты, Машка, приходи, сама увидишь”. Ну, я пришла, там ещё одна наша общая приятельница сидела. И вот, слушайте внимательно, специально всё запоминала, чтобы вы, как учёные (смотрит, не отрываясь, на Илью), могли всё объяснить. Зажгли свечу, сели за стол. А на столе лежала азбука, а на ней стоял стакан». – «Гранёный? – съехидничал Илья, – это очень важно». – «Да, обычный, тонкий. Все положили на него указательный палец. Сосредоточились: “Дух, явись!” – Стакан постоял, потом пополз, представляете? Вначале на “д”, потом на “а”. Потом через Лариску стали задавать ему вопросы».

Дух отвечал, стакан двигался по буквам, буквы слагались в слова, а читать-то все умеют. «Кто у меня муж?» – велела узнать Машка. «Подлец», – без колебания ответил Дух, что окончательно убедило подругу в его существовании.

«Я – материалист, – ещё раз заявила Машка, – и не ненормальная. Я могу понять, двигает она стакан или нет. И вопросы я задавала мысленно, а он все равно отвечал».

«Загипнотизировали», – решила я. Подготовила от гипноза систему вопросов и стала ждать приглашения. Сеанс для меня Машка дома устраивала, но дочери видеть этого было нельзя, поэтому ждали, когда Машкина бабка досмотрит все серии по телевизору, чтобы подбросить ей ребёнка (не любит, когда отвлекают).

Наконец мы собрались. Лариса, модно одетая, но весьма малохольная, вяло приказала: «Снимите кольца, часы и броши». «...и уходите», – подумала я. Но своё единственное украшение, обручальное кольцо, всё-таки сняла. Сели к столу, положили пальцы на стакан. «Дух, ты здесь?» – поинтересовалась Лариса. Стакан не двигается. «Ленка, сосредоточься!» – занервничала подруга. Я сосредоточилась. Стакан сдвинулся и написал «да». «Видишь, видишь!» – возликовала Машка.

– Вслух надо задавать вопросы или про себя? – спросила Лариса. Стакан велел вслух. – Только с духом надо быть вежливым, говорить «спасибо», «пожалуйста», – предупредила она меня.

– Дух, скажи, пожалуйста, сколько в этой комнате стульев?

– 4. – Мы посмотрели, было шесть.

– Дух, скажи пожалуйста, какого цвета на мне рубашка? –

Дух выполз на букву «б» и замер. Машка возмутилась:

– Откуда он это может знать? Кстати, какая?

– Розовая.

– Ты задавай ему другие вопросы – про будущее, про любовь.

– Дух, скажи пожалуйста, как зовут мою маму?

Дух поелозил, поелозил по буквам и ничего не ответил. Тогда Лариса отняла палец: решила перекурить. Общаться с духом взялась Машка. И дух тут же вывел «Люда».

– Видишь, Лен, он тут, ты поскорее дальше спрашивай, – волновалась Машка, она боялась упустить духа.

– Дух, скажи пожалуйста, а как зовут моего мужа? – «И», – заспешил Дух. Тогда я велела Машке убрать свой палец и положить Ларисе.

«И-и-игорь», – соврал дух.

Я встала, сказала спасибо и пошла домой.

...На следующий день с утра звонок: Машка:

– Ты не заметила пропажу?

Кольцо! Черт, никогда его не снимала и не приобрела привычки надевать, Илюшин подарок, и у кого, у Машки, которая все перья распускает в его присутствии!

Встретились в метро. Машка сняла кольцо с пальца («так надёжнее») и стала оправдываться: «Лариска ещё раньше подозревала, что она сама стакан двигает, но понимаешь, бессознательно. И я двигала бессознательно. Понимаешь, я вопрос задаю, интуиция подсказывает ответ, и я непроизвольно двигаю стакан. Но вообще-то я Лариску отругала. А если бы ещё твой муж пришёл, чтобы он обо мне подумал? Кстати, что он сказал?».

– Что ты «того», – слово «деградировала» я не произнесла, но с радостью поняла сейчас: вот и повод с тобой не встречаться. Илья деградации не прощает.

– Ладно, давай теперь без духов встречаться, – облегчённо засмеялась Машка.

– Давай, – засмеялась и я.

Человек – не дух, ему соврать простительно.

О ВРОЖДЁННОМ И ПРИОБРЕТЁННОМ

История с гаданием не то что бы забылась: осталось лёгкое удивление (после ошеломляющего), – но Лене вдруг захотелось опять увидеть Машку, чтобы отыскать в ней родную школьную душу, когда общаешься ты или нет, а знаешь одно: могу позволить, сказать «здорово», «что у тебя?», а через год ты звонишь или два – никто не считает.

Маша приехала, когда Катя с Леной спорили о том, как сочетаются врождённые качества и воспитание.

Вначале они отстаивали противоположные точки зрения.

По Кате выходило, что всё определяется генами и, хоть ты тресни, ничего путного из человека не получится, если от рождения он не наделен умом. («Ум» они определили ещё в прошлом году: если человек стремится познать мир и себя – умный. Если же его интересуют только семья и дети – значит, остановился в развитии, то есть неумный. Понятно, что определяли они женский ум).

Но потом появился Витя, и ему, оказывается, она была нужна, ведь её мир был много интереснее того, который предлагал ему Джон, – и вера врача Екатерины Андреевны в наследственность видоизменилась.

«Да, наследственность и среда», – теперь утверждала она, чем очень радовала Елену, которая считала, что «среда и воспитание – прежде всего». Она и плачевное положение генетики в тридцатые годы защищала: «Понимаешь, людям надо было

поверить в свои силы. А если всё дело в генах, то что хорошего могли ждать дети потомственно неграмотных?...».

Откровенная Маша сразу же им заявила, то проблема номер один для неё теперь – новое замужество.

– Это раньше мне были нужны интересные люди. Музыканты, художники, архитекторы – как они мне надоели! Ну не будет мой муж знать Кандинского или Хиндемита, ну и что? Я от других о них послушаю. Мне теперь нужна надёжность. А эти все с приветом.

Она всё уже рассчитала: «Этого я дожимаю, он разводится, и у меня будет дом, я созрела для щей. На работе у меня будет платонический роман с начальником: Чуй-ства нужны на работе, без них скучно. Ну и бывший мой, куда он денется, у нас дочь. Он для души теперь будет».

– Слушай, старуха, а не очень ли ты запланировалась? – огорчённо спросила Лена. – Ведь замуж по плану и будешь мучиться, как Ритка.

Маша удивилась. Разве у неё нет чувств? Она уже два с половиной года питает чувства к своему избраннику (на место мужа). Если бы он ей не нравился, давно бы бросила. Она же не легла с ним сразу в постель: ждала, когда появятся чувства.

– Ленк, посмотри на неё! – включилась Катя, – ты говоришь, развитие, будущий человек! Вот она перед тобой – баба. И ничего ей больше от жизни не надо.

– А вам что надо? Ты что, великим врачом хочешь стать? А ты, Лен, не знаю, может, ты и будешь великим учёным, но про себя я уже знаю: выше мужика мне не прыгнуть. Самое большее, на что я способна – быть на подхвате у гения, это моего начальника...

– А мы тут, Маш, спорили. Я Катьке говорила: важны среда, воспитание. А теперь даже не знаю. Среда-то у нас была одинаковая, а видишь, Ритка в Париже мается, ты... мы с тобой таких дел хотели наворотить, так мечтали в школе, и вот что имеем...

– Да что вы, девки, взъелись? Без мужиков совсем обалдели. Я же не говорю: только семья. Я люблю свою работу, счастлива, когда проект удаётся, ну чего вам от меня надо? И семью хочу.

Я же не виновата, что я не гений и что раз в неделю мне мужик нужен!

– Сублимироваться не можешь, – вставила любимое слово Катя.

– Интересно! А зачем сублимироваться, если можно получить удовольствие? Вот был мой мужик три месяца в командировке, тогда я и сублимировалась, йогой занималась, а сейчас-то зачем?

– А затем, что вся твоя энергия на мужиков уходит.

– Неправда, последний мой проект признали лучшим.

– Кать, отстань от неё. Пусть живёт как хочет.

Но Маша хотела, чтоб её иногда ругали. «Я люблю себя, я так устроена, я могу быть необъективной, значит, кто-то должен меня критиковать». А кому же довериться? Только школьным подругам, которые дружили с ней, тогда огромной нескладной плаксой и вопиюще неграмотной. Она хранит до сих пор Ленкины письма, в которых та объясняла, как нехорошо думать только о себе. Было что-то в её подруге от боярыни Морозовой с бледным фанатичным лицом и указующим перстом, – именно это влекло и любилось.

А сейчас её Лена обидела. Среда одинаковая... не помнит уже ничего. Если бы у её родителей было столько же книг, сколько у Ленкиных, если бы её мать не сидела лифтершей, а, как Ленку бы, таскала по театрам и концертам, если бы её учили музыке и языку, – разве так бы она мучилась в своём архитектурном, среди образованных мальчиков и девочек? Что она могла им противопоставить? Свою статью, синеглазость да способности. Да, к пятому курсу она уже вырвалась, она стала если не первой, то второй или третьей; младшекурсникам на неё показывали: звезда первой величины.

Ей было двадцать два, а сейчас тридцать шесть, это сколько же лет всё равно пришлось угробить, чтобы избавиться от плетейской тяги к гениям и корифеям, чтобы собственный муж, гениальный дирижер, превратился в ненужного, неудобного для семейной жизни человека, чтобы могла, не обманывая себя, сказать: пусть гений, но не у меня дома.

А Ленка, единственная среди них хватавшая культуру с рождения, поэтому не замуж её после школы тянуло, не в институты к интересным людям, а на завод, на стройку, жизнь узнавать, так этой культуры наелась, – теперь вот рассуждает о высших материях, о творчестве, о развитии...

– Как же ты можешь так говорить? Ты уже в школе читала Цветаеву, Пастернака, Ахматову. А у меня не было такой возможности! Ни у кого из нас не было! У Ритки родители – мещане, на Катьку мать плевала, ездила по своим командировкам...

– Да брось ты, Маш!.. Питались мы одинаково, одевались одинаково, и Цветаева бы тебе ничего не дала. Ну, я в школе прочитала, ты позже, какая разница? – ответила Лена.

Маша заплакала.

Она была уверена, что если бы тогда, ещё в детстве, её бы приобщили ко всей этой культуре, что давалась ей потом постепенно и как нечто недоступное – её семейная жизнь сложилась бы удачнее.

– Да не реви ты, радоваться должна, – не жалея её, но не желая видеть чёрные от туши слёзы, тут же переключилась Лена, – один ребёнок на Катьку, на меня, Ритку. Сколько высоты в твоей акселератке?

– Сто семьдесят четыре.

– Ну вот, а лет?

– Четырнадцать.

– Видишь, как хорошо, подружки уже.

– Да, нас за сестёр принимают, – все еще всхлипывая, но уже улыбаясь, сказала архитектор.

Тема воспитания – это уже конёк Екатерины Андреевны, она врач, она всё знает.

В итоге проблема отцов и детей свелась к тому, что дочь хочет ходить только в фирменных джинсах, но поскольку они истрепались, дочь сидит дома, и ни в театр, ни в гости, ни на концерты не хочет.

– Очень хорошо, позднее родит, – констатировала врач.

– Не думай, Резникова, что ты одна умная. Мы с ней договорились: лёгкой атлетикой она занимается до десятого класса.

А там такая сублимация пять раз в неделю! Подвешат штангу в сорок килограммов – и поднимай ногами! А вообще, я уже хочу поскорее стать бабушкой.

P.S.

Машина дочь станет экономистом, защитит докторскую диссертацию, родит Машке двух внуков. А сама Маша, благодаря рыночной экономике и частной собственности, наконец-то смогла проявить свои творческие возможности. Она проектирует один из видов этой собственности, пожалуй, самый дорогой: частные дома... Да и замуж вышла за кого хотела. Но при этом мудрая Маша поддерживает тёплые отношения с бывшим мужем, отцом её дочери и по совместительству талантливым дирижёром. Тем более что сейчас его талант оценили все, и он главный дирижёр в очень известном музыкальном камерном театре. Поэтому теперь уже Маша развивает своих школьных подруг с их устаревшими вкусами. Она таскает Лену и Катю на все премьеры, где звучит музыка модных современных композиторов.

А ТАМ, В ПАРИЖЕ...

Милая Леночка, извини, что не пишу. Всё какие-то смутные обстоятельства и всё больше внутренние движения души, которые никому не нужны. Надоело и хочется быть вместе со всеми. Это сейчас очень чётко определяется словом «дом».

В принципе, тут творится много интересного, но плохо всё воспринимаю и ещё хуже могу описать, т.к. нет к этому интереса. Видимо, потом буду жалеть.

Кроме того, выяснилось, что я очень изменилась внутренне. Тебе может быть забавно. А может, я ошибаюсь и всё такая же.

А ещё очень хорошая хитрость, только сложная: делать вид, что ты счастлива. От этого всем хорошо и даже тебе немного лучше.

Засим целую. Рита.

P.S.

А вот в Рите, наверное, победили не литературные гены, а прабабкины, которая была цыганкой. В итоге, вернувшись из Парижа в родную столицу, Рита с мужем усыновили ребёнка, потом довольно быстро развелись, но отношения сохранили самые что ни на есть хорошие. Бывший муж решал все вопросы по учёбе и воспитанию сына, потом устроил его к себе на работу. Он же помог купить Рите садовый участок с летним домиком, который Рита, благодаря местному умельцу, превратила в зимний. И сейчас она с этим умельцем живёт в своём домике и очень счастлива. Наконец-то у неё появился тот человек, которого она ждала всю жизнь. По этой причине она помолодела и похорошела. И умелец даже недогадывается, что моложе своей подружки на 20 лет. Он искренне считает, что Ритка старше его максимум – лет на пять...

В Москву Рита приезжает только для того, чтобы получить деньги за квартиру, которую сдаёт, да повидаться с сыном. Ни на какие музыкальные премьеры её не затащишь.

Поэтому с нами она общается только по телефону: поздравляет с днями рождения. А мы и этому рады...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

А закончить свою повесть мне хочется фразой из дневника шестнадцатилетней Лены Воронцовой (тогда ещё Перовской)

Интересный меня занимает вопрос : почему я не могу любить и до каких пор?

Машка сказала, что я, она, Катька и Ритка не сможем быть счастливы, т. к. слишком умны. Глупость, конечно, но я её разуберять не стала, пусть меня считает умной!

Василий ЛОВЧИКОВ

Василий Дмитриевич Ловчиков – поэт. Родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военноморское инженерное радиотехническое училище в Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военноморской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член МГО Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён шестью медалями, в том числе: Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Владимира Маяковского. Живёт в Москве.

В ОБЪЯТИЯ РОМАНСОВ

ПЛАМЕННОЕ ТАНГО

Вновь звёздный вечер нас влечёт
В объятия пламенного танго,
И лунный хмель с небес течёт,
Сливаясь с музыкою танца.
Желанной галии рукой
Я в бездне музыки коснулся,
И, как внезапную волной,
Твоей улыбкой захлебнулся.

Ты, как речной водоворот,
Лишив меня сопротивленья,
Влечёшь, смеясь, в пучину вод,
Под звуки нотного теченья.
Плыву под музыку и жду
Твоих божественных велений,
Я словно нищий, что в нужду
Ждёт в церкви щедрых подношений.

Жду подношений и готов
Слугою стать любого ранга!..
Ах, этот лунный хмель богов!
Ах, это пламенное танго!

БАЛЛАДА О СОНЕТЕ

Царит высота над равниной,
Наморщив траншеями лоб,
А выше – замшелю глиной
Глядит одинокий окоп.

На бруствер с плакучей берёзы
Осенняя капает медь,
И ветер упавшие слёзы
Не в силах, вздохнув, утереть.

Он знает: в окопе снарядом
Зарыт неизвестный поэт,
А в гильзе, ржавеющей рядом, —
Его лебединый сонет.
И гильза под глиной страдает,
Надеждой солдата живёт,
Что кто-то её откопает,
Заветные строчки прочтёт!

Но плод вдохновенья поэта
Земля молчаливо хранит,
Лишь текст лебединый сонета
Всезнающий ветер твердит.
И к людям спускаясь по крышам,
Он верит — кого-то найдёт,
Кто плод вдохновенья услышит,
И в гильзе сонет не умрёт!

ПОДРУГА ГИТАРА

Расскажи мне, подруга-гитара,
О загадочной жизни своей!
Верно век послужила недаром —
Повидала немало людей!
Среди них может были гусары,
Что в фурор аксельбантов и шпор
Добавляли и струн твоих чары,
Покоряя пленительный взор!

Может, в табор на встречу с тобою
Мчались в тройках под звон бубенцов
В соболях, ослепив красотой,
Жар любви и червонцы купцов?
И хотелось, чтоб вновь, как когда-то,
Веря в чары серебряных струн,
Гнали тройки лихие ребята
На твою роковую игру!

В ТИСКАХ НОСТАЛЬГИИ

Вдали от родимого тына,
Невольница воли чужой,
Грустит одиноко рябина
Средь пальм, подпирающих зной.
Не в радость земли плодородье
И вечного лета тепло,
Ей помнятся: звон половодья,
В сугробах родное село,

Короткого лета объятья
И осени яркий наряд,
Когда её сёстры и братья
Багрянцем заката горят.
И чуждый уклад не приемля,
Она с ним затеяла спор –
Одна с октября до апреля
Как дома, роняет убор!

И преданно более века
Всё грезит Россией своей
И холодом белого снега,
И стайкой родных снегорей...

Я сам был в тисках ностальгии,
Был узником боли и грёз,
И в трюме из милой России
Невольнице снега привёз!

БАЛЛАДА О ПУШКЕ

Легендой с седого гранита
Гвардейская пушка глядит –
Станина лафета пробита,
Изранен осколками щит,
Лишь ствол да казённый исправны,
Готовы заряды принять,
И вновь, как в той битве неравной,
По танкам стрелять и стрелять!

Склонились над пушкой клёны,
Доносятся крики грачей...
А ей – всё мерещатся стоны
Рубеж удержавших друзей.
И танк, что стремился покончить
С её беспощадным огнём.
Ей грезится юный наводчик,
Что с ней оставался вдвоём.

Изранен, из сил выбиваясь,
Он жил лишь желаньем успеть,
И в смерть, что жерлóm примерялась,
Вогнать бронебойную смерть!
Два залпа ударили кряду,
Танк вспыхнул за выстрелом вслед,
Осколки чужого снаряда
Пробили и щит, и лафет...

И пушка всё смотрит с гранита,
Наводчика храброго ждёт,
Ей верится жив, не убит он
И к ней непременно придёт!

Юлия КАРА

Юлия Александровна Кара (Каракасиян) – прозаик, поэт, сценарист, певица, режиссёр. Солистка Москонцерта. Член Московской городской организации Союза писателей России, член проекта МГО СПР «Москва Поэтическая». Выпускница Московского университета культуры и Нижегородской государственной консерватории по классу вокала. Автор двух книг – «Кофейня Арт-Хаус» и «Партитура любви». Награждена медалью МГО СПР «Иван Бунин» за вклад в литературу. Многие годы ведёт педагогическую и режиссёрскую деятельность. Работала педагогом Московской Консерватории и педагогом-режиссёром молодёжного театра «Чайка», для детей с ОВЗ.

Живёт в Москве.

ДВА РАССКАЗА

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДОМ

Егор

Егор злился. Будильник утром его здорово подвёл. Пришлось собираться на концерт впопыхах. Парень провёл ладонью по колючей щеке – досадливо крикнул. Ещё раз взглянул на часы – присвистнул. Из квартиры выходил взвинченный.

Нет! Сегодня явно не его день! И пуговица на рубашке отлетела в последний момент, и дверь шкафа-купе заклинила, так что ему с трудом удалось добраться до вешалки с концертным костюмом. Да и на рояле, признаться, в его вечном бардаке в последнюю минуту отыскивались нужные ноты.

Вызвал лифт, в который раз ощупал содержимое карманов: ключи, телефон, проездной на метро на месте.

В лифте по привычке помычал. Голос отказывался подчиняться хозяину.

– Спишь, дружище?

Впрочем, удивляться тут нечему. Егор хорошо изучил себя. По опыту знал, что ровно через час, когда он доберётся до концертной площадки, голос проснётся и будет чётко выполнять команды хозяина. А сейчас, нырнув в метро, Егор откроет ноты и будет повторять слова романсов, пока не доедет до нужного адреса.

«Адрес!» – парень хлопнул себя по лбу. Адрес, разумеется, благополучно остался в прихожей в ежедневнике. Возвращаться поздно, Егор попытался сосредоточиться и вспомнить нужную станцию метро.

«Щукинская» или «Щёлковская»?

Утренний поток пассажиров уже вносил его в вестибюль подземки. Он выругался и встал на эскалатор, на спуск.

В подобной глупой ситуации выходов было два. Или позвонить на график его концертной организации и выяснить

адрес площадки, или пытаться связаться с сотоварищами по концерту.

Егор медлил. Всё-таки самолюбие не позволяло ему показать коллегам свою несобранность. Парень с досады потряс головой. В голове что-то щёлкнуло и выдало нужные координаты. «Девятая Парковая», ну это точно в районе «Щёлковской». Егор облегчённо вздохнул, вошёл в распахнутые двери вагона.

Нет, памятью и голосом Бог его не обидел. Весь в мать пошёл – Заслуженную артистку, меццо-сопрано. Да и за статность и миловидное лицо родительнице низкий поклон. Егор, с его ростом и косою саженью в плечах, со сцены смотрелся весьма впечатляюще. Поэтому так легко, играючи, дошёл до последнего тура на прослушивании в Большой театр. Срезался на трудной арии Фарлафа. Обидно было так, что жить не хотелось. Мать в который раз взяла инициативу в свои руки и пристроила его в Филармонию. Так что пока свой бас приходится оттачивать на концертных площадках Филармонии. А следующей весной вновь попытается взять штурмом неприступный Большой.

Филармония. Поначалу Егора многое поражало в этой организации.

С одной стороны, славные имена лучших музыкантов России, с другой – оборотная нищая сторона жизни рядовых артистов.

И хотя, благодаря матери, он давно вхож в артистические круги, теперь воочию убедился в том, что хорошо устроена в мире музыки только обласканная чинами элита.

Потолкавшись в людских пробках, он, наконец, вышел на нужной станции и сразу прибавил ходу – не хотелось, чтобы за опоздание его отчитывали, как школьника.

Он шёл размашистым шагом, перемахивая попадающиеся то и дело на пути ледяные лужицы. Прятал шею от снежного вихря за высоким воротником пальто. Болеть сейчас некогда. Скоро новогодние корпоративы начнутся, а ему так нужны деньги. Очень нужны. Но сейчас он не хотел об этом думать и только вертел головой в поисках нужного дома.

Ага, вот и концертная точка. Егор слегка замедлил шаг. Всё-таки он не опоздал. До начала концерта оставалось ещё добрых двадцать минут.

Искомый дом высился за длинным бетонным забором, Егор долго искал ворота, наконец глаза наткнулись на белеющую издали табличку: «Психоневрологический диспансер».

Парень брезгливо скривился и вошёл на КПП.

Предъявляя паспорт, вспомнил, что его предупреждала о специфической публике диспансера пышнотелая завтруппой Сусанна.

– Егор, ты у нас новенький, ничему там не удивляйся. Всякое может случиться во время концерта, – сюсюкала вечно молодящаяся Сусанна.

– Например? – косился на неё тогда Егор.

– За примером ходить далеко не надо, – жеманничала начальница, – спроси у наших – много любопытного услышишь.

Егор тогда выспрашивать ничего не стал, но решил быть начеку.

Легко вбежал на стеклянное крыльцо, прошёл внутрь здания.

– Артист? – сверкнула на него очками женщина в белом халате. – Вас сейчас проводят в конференц-зал.

Она тут же перепоручила Егора маленькому щупленькому, косящему на один глаз пареньку в сером казённом халате и тапочках на босу ногу.

Косящий дружелюбно хихикнул и повёл артиста за собой бесконечными коридорами и вестибюлями. Егора едва не вывернуло наизнанку, когда он проходил мимо столовой. Тошнотворный запах кислой варёной капусты и чего-то ещё малосъедобного неприятно ударил в нос. Чем дальше они шли по этому длинному казённому дому, тем всё больше и больше этот запах обволакивал, пропитывал своей капустной кислятиной одежду, волосы, само тело артиста.

– Егор! Ну, в чём, собственно, дело? – набросилась на него ведущая концерта Юдифь Сергеевна, семена каблучками по гримёрке. И пока он мямлил себе под нос оправдания, пока

переодевал костюм и менял обувь, его раздражение на тухлый запах, на никчёмную площадку и предстоящее выступление перед нездоровыми людьми росло и начинало нервным комком подкатывать к горлу.

– Сделаем так, – командовала Юдифь, не выпуская из рук блокнот с карандашом, – в начале пустим фортепиано, потом ты, Егор, потом...

– Юдифь Сергеевна, – перебил её седой, незнакомый ранее Егору мужчина, – вы забыли, мне же бежать на следующий концерт надо.

– Хорошо, Гарик, будет так, – ведущая погрызла карандаш, – сначала фортепиано, потом Гарик со скрипкой, потом ты, Егор...

– А я? В моё положение никто не хочет войти? – капризно надула губки Люся, белокурое, симпатичное создание неопределённого возраста, колоратурное сопрано. В Люсю по очереди на протяжении её карьеры влюблялись все мужчины Филармонии. Она умела нравиться, кокетничала со всеми подряд, а её тщательно скрываемый возраст, как и истинный цвет волос, только добавляли интриги. На Егора Люся тоже пыталась произвести впечатление, но узнав, чей он сын, отступила.

– У меня сегодня радиоэфир, я два романсика чирикну и побегу, – настаивала колоратура.

– Ой, с вами сладу нет! Вы мне всю программу перекроили, – ведущая пошла пятнами. – Значит так: окончательный вариант. Фортепиано в начале, потом сопрано, потом скрипка, затем ты, Егорушка...

– Позвольте, – в разговор вклинился ранее хранивший молчание дрессировщик собачек, – так не пойдет, товарищи дорогие, у меня собаки голодные. Я не допущу, чтобы меня отодвинули в конец. Животные ни в чём не виноваты.

Егор сообразительно ретировался из гримёрки. За спиной у него закипал нешуточный скандал. Доносились обрывки фраз, лаяли собаки, пилила скрипка, хихикала высоким регистром сопрано.

– Собаки – тоже люди! – возмущался дрессировщик.

– Это какой-то сумасшедший дом, я с вами с ума сойду!!! – визжала ведущая.

– Ха-ха-ха! Прямо в точку! – колокольчиком звенела коло-
ратура.

– Готовы? – сверкнули на Егора очки в белом халате. Парень кивнул и вернулся в гримёрку объявить, что публика уже в зрительном зале.

Юдифь с лицом, на котором была сосредоточена вся скорбь земли, направилась к сцене. Егор понял, что спрашивать её сейчас о чём-либо – себе дороже.

В принципе, он никуда сегодня не спешил, так что внутренне смирился с тем, что им будут завершать концерт. От нечего делать принялся бродить по вестибюлю и рассматривать стенды с фотоотчётами скорбного дома.

Вот пациенты на прогулке в Ботаническом саду. Егор с интересом рассматривал лица, пытаясь понять степень тяжести заболеваний.

Лица были разными. Некоторые и в самом деле с явными признаками нарушения психики, а некоторое – вполне ничего, достаточно адекватные. Он перешёл к следующему, пестрящему портретами фотоотчёту экскурсии пациентов по святым местам. Егор сам любил паломнические поездки, мать с детства приучила его к посещению монастырей, обителей. С ней ему всегда было интересно. Она не хуже любого экскурсовода ему много чего любопытного рассказывала.

Потом обязательно давала сыну карманные деньги на сувениры и сладости. Подарила ему камеру, и Егор чувствовал себя в этих поездках очень комфортно. Он перевёл глаза на яркий портрет девушки в платочке и замер, как вкопанный.

На него со стенда смотрели знакомые глаза.

– Таня? – парень подался вперёд и едва не ткнулся носом в толстое стендовое стекло.

Да, это была она, только повзрослевшая и немного осунувшаяся. Нет, эти глаза ни с кем не спутаешь, и эта чёлка, непокорно падающая на ресницы...

Егор поискал глазами медперсонал, подозвал одну из проходивших мимо сестёр.

– Скажите, – начал он, смущаясь, – очень знакомое лицо увидел на стенде, в школе когда-то в параллельных классах учились. Хотел узнать, эта девушка у вас проходила лечение?

– Не могу вам ничего сказать, мы права не имеем давать какую-либо информацию о пациентах, простите, – прошмыгнула мимо встревоженная его вопросом медсестра.

Егора уже звали. Он ещё раз внимательно посмотрел на портрет и поспешил в гримёрную. Навстречу, цокая каблучками, спешила раскрасневшаяся, довольная собой колоратура Люся.

– Не грусти, скоро и ты отмучаешься, – прозвенел мимо парня высокий колокольчик. Люся всё-таки смогла втиснуть себя в программу первым номером и, отработав положенные «два романсика», уже спешила вон из печального учреждения. Что ж, у Люси был опыт борьбы за существование за пройденные в искусстве годы.

Егор размахисто прошагал за кулисы. Наткнулся на сосредоточенный взгляд ведущей. Видно было, что она уже успокоилась и привычно вся отдалась любимому делу.

– Что, Егорушка, волнуешься? – Юдифь с первого дня службы Егора в филармонии по-матерински взялась опекать его. Своих детей у неё не было. И она всю свою нерастраченную заботу отдавала молодому басу.

– Да нет, вам показалось, – Егору не хотелось, чтобы она приписала его взволнованность от фото Тани сценическому мандражу.

– Не тушуйся, я сама всё это проходила не раз, да и сейчас на ответственных площадках волнуясь, как девчонка, – Юдифь вновь вернулась к программе. – Итак, сейчас собачки, минут на десять номер, потом я прочитаю стихи, и в конце твой выход. Готовься.

Егор кивнул и тут же принялся искать в старом полинялом сценическом занавесе отверстие, что ему и удалось почти сразу. Парень прильнул к прорехе глазом. Картина, представшая его

вниманию, не могла не поразить воображения молодого впечатлительного артиста.

В обрамлении белых халатов санитаров и медсестёр зрительный зал заполняли однообразно казённо одетые мужчины и женщины. Егор с интересом всматривался в эти лица, узнавая некоторых из публики по видимым только что стендовым фотографиям. Сердце его сжалось, глядя на эти незащитные, по-детски наивно реагирующие на происходящее на сцене лица. Здесь были и пожилые, и совсем юные зрители. Некоторые казались Егору безнадежно неизлечимыми. Он поискал по рядам Таню. Девушки среди больных не было. Раздался взрыв хохота. Больные с видимым удовольствием реагировали на собачек. Отпускали восторженные реплики, с удовольствием аплодировали, по-детски, счастливо улыбаясь.

Номер пошёл на код. Дрессировщик попросил санитаров разрешения вызвать на сцену одного желающего из публики. Медики переглянулись и дали добро. Дрессировщик повторил свою просьбу.

– Смелее, друзья мои! Ну, кто здесь самый отважный?

Зрители замялись, переглядывались, растерянно улыбаясь. Возникла невольная заминка. И вдруг на сцену легко вспорхнула тоненькая фигурка в сером казённом халате.

– Таня? – Егор покачнулся и чуть не выпал на сцену вместе со старой кулисой.

– Прелестно, – заулыбался ровными фарфоровыми зубами собачник и протянул девушке большой обруч, оклеенный золотой бумагой.

– Внимание, месье и мадам. Сейчас эти прелестные ручки, которые держат обруч, совершат чудо дрессуры, – дрессировщик подал девушке небольшой хлыстик и что-то шепнул ей на ухо.

Собачник вставил диск в дисковод, – фонограмма выдала барабанную дробь.

В ожидании обещанного чуда из серых халатов зрители на задних рядах вытягивали тощие шеи, передние замерли, осклабившись. Барабанная дробь достигла кульминации.

– Але ап! – зазвенел девичий голос. Девушка взмахнула хлыстиком. Пудель с разбегу прыгнул и, прорвав бумагу, благополучно прошёл через обруч. Публика захлебнулась от восторга. Одновременно грянули туш с фонограммы и зрительские аплодисменты.

«Точно дети», – пронеслось в голове Егора, но его уже дёргала за рукав возбуждённая Юдифь.

– Стихов не будет, публика устанет, завершай, – скороговоркой прошипела ведущая и легонько в спину подтолкнула парня на сцену.

Егор на секунду смешался, ища глазами в зале Таню, но быстро взял себя в руки.

«Потом, всё потом», – мысленно приказал он себе.

Выйдя на небольшой сценический пятачок, раскланялся, кивнул аккомпаниатору. Полились нежные арпеджио вступления. Егор выпрямился, удобно отставил ногу и начал мягко, едва тронув дыхание диафрагмой.

– Ах, ты ноче-енька, – гладил Егор нежными переливами головы и плечи своих таких непростых зрителей. Отталкивался от их глаз, с изумлённым восхищением следящих за ним. Егор пел, погружаясь с головой в песню. И в то же время не мог оторваться от этих детских глаз. Волна сочувствия захлестнула его. На мгновение голос дрогнул, но тут же вновь начал набирать силу и власть над публикой. Егор как-то сразу научился умело владеть вниманием зрителей и всегда чувствовал настроение и дыхание зала. Он и сам не знал, откуда у него это. Но ему хотелось отдать голосом своё тепло, своё накопившееся за этот короткий отрезок пребывания в скорбном доме сострадание. Он помнит, как когда-то сам был под большим впечатлением от просмотра киноисторий «Фореста Гампа» и «Человека дождя».

А теперь подобные пациенты стали его слушателями.

Песня закончилась. В наступившей неестественной тишине раздался тихий возглас: «Браво, Егор!»

Хрупкая фигурка встала со своего места, прятавшегося за колонной. Это была без сомнения она. Егор смешался, густо

покраснел. Зачарованная публика очнулась, и певец потонул в восторженных криках и аплодисментах.

– Умничка! Как пел! – за кулисами Егор, не успев увернуться от объятий Юдифи. – Молодчинка! Думаю, достаточно на сегодня.

– Всего одна песня? – Егор не скрывал разочарования.

– Не обижайся, голубчик, они слишком перевозбуждены. Медсёстры подходили, благодарили и просили завершить концерт.

Певец уже не слушал её, а вернулся к прорехе в кулисе и опять старательно принялся искать Таню.

А через четверть часа он частично владел информацией. Таня находилась здесь второй месяц. Диагноз девушки являлся врачебной тайной, но парню было не до этого. На просьбу певца о возможной немедленной встрече с Таней главная медсестра ответила принципиальным отказом.

– Но в качестве исключения, ну на минуточку разрешите молодым людям пообщаться, – вступилась за него Юдифь.

– Да вы что?! Это у нас строго запрещено. А если родственники узнают? – белый халат затрясся от возмущения.

– Но я почти родственник, – не отступал певец.

– В смысле? – продолжала обороняться сестра.

– Я, так сказать, её бывший однокашник, и ... – Егор замаялся, – как бы это помягче сказать, близкий друг.

– Так это из-за вас бедная девушка пыталась покончить с собой? – сестра досадливо прикусила губу. Ей сделалось неловко от того, как она неосторожно выболтала запретную информацию.

– Нет, – Егор не верил своим ушам, – не я тому причина. Но, кажется, я понимаю, о чём вы говорите.

Юдифь, до этого момента хранившая молчание, внимательно посмотрела на Егора и, недолго раздумывая, бросилась в бой. Она включила всё своё обаяние, заливалась соловьём, расхваливая больницу и медперсонал. Она ворковала, закатывала глазки, рисуя перспективы карьеры молодого баса, будущей звезды Большого театра. Она так умело запутала вконец сбитую её напором медичку, что та в финале вдохновенного вы-

ступления Юдифи Сергеевны не только сдалась, но и приняла, как свою навязанную ей мысль, что пятиминутная встреча с бывшим однокашником даст пациентке Татьяне Верниковой положительный терапевтический эффект.

– Только умоляю, пусть это останется между нами, – очки взволновано сверкнули и проводили Егора в небольшой холл с уютными креслами и небольшим столиком.

– Ждите здесь, – сестра указала на кресла и удалилась, качая головой.

Таня

Таня не заставила себя ждать, впорхнула в холл и, приблизившись к Егору, порывисто обняла его.

– Я не ожидала тебя здесь встретить, – она, не отрываясь, смотрела ему в лицо и не выпускала его рук, когда они усаживались рядышком в кресла.

– Я, признаться, тоже, – Егор в эту минуту ничего не замечал: ни казённой мебели, ни серого фланелевого халатика, ни сбитых тапочек на её ногах. Он не заметил следов от уколов на руках девушки. А видел лишь эти покрасневшие, измученные, усталые, но такие родные прекрасные глаза.

– Что, удивлён? – Таня горько усмехнулась и, наконец, отпустила его ладони.

Егор и сам был очень смущён, но почувствовал, что Тане сейчас необходимы слова поддержки, и он на удивление быстро нашёл их.

– Таня, – начал он через паузу, – у нас немного времени на разговор. Я хочу сказать тебе главное. Ты в беде, а значит, это и моя боль. Ты меня понимаешь?

– Добрый. Ты всегда был добрым. А я...

– Он оставил тебя?

– Вот. Ты ещё и догадливый, – Таня отвела глаза и нежно погладила его по руке.

– Ты всегда был таким...

– Каким? – Егор искал её взгляд.

– Ты был и остаёшься лучшим, Егор. Меня жизнь уже наказала за то, как я поступила тогда с тобой.

– Но ты здесь из-за...

– Не будем об этом, – Таня резко поднялась и подошла к окну.

– Расскажи лучше о себе, – она повернулась к нему и посмотрела на него так, как раньше никогда не смотрела. Это был взгляд другой, неведомой ещё Егору Тани, взгляд повзрослевшей, пережившей свою драму женщины. – Хотя не нужно ничего говорить. Я всё и так поняла про тебя, когда ты пел. Как же ты хорошо поёшь, Егор. Ты стал настоящим артистом. А ведь я тебе тогда говорила, что так и будет. Помнишь, как ты мне первый раз пел? Песенка ещё такая была милая, сказочная.

– Про хрустальный дом? Конечно, такое разве забудешь.

Они оба замолчали. И в том молчании возникло согласие, похожее на то согласие, которое было прежде между ними.

– Тогда было всё так по-детски, – Таня рассмеялась, – и ты совсем не умел целоваться.

– Знаешь, давно хотел у тебя спросить, почему ты тогда плакалась? После наших поцелуев там, на ночном Арбате?

– Ты не понял, глупенький? Неужели не знаешь, артист ты наш великий, что плачут не только от горя? От счастья плачут, понимаешь? А я это счастье своими руками... – Таня в минуту изменилась.

Егору показалось, что ей трудно дышать. Она застонала. Лицо её исказила гримаса страдания. Последующая сцена была столь чудовищна, что Егор не успел сразу сориентироваться.

Таня резко ударила руками по оконному стеклу. Крепкое казённое стекло охнуло, но выдержало удар её худеньких рук. Она повторила попытку. Затем громко закричала, и в этом крике было столько накопившейся боли. Егора словно парализовало. Таня ухватилась за прутья оконной решётки, затрясла ею и принялась биться головой о толстые стальные прутья. Егор не успел слова вымолвить, как дверь распахнулась, и два крепких санитара подхватили девушку с двух сторон. Таня вращала глазами, кусалась и отчаянно сопротивлялась этим недюжинным молодцам.

– Немедленно её в процедурный, – визжала откуда ни возьмись влетевшая в холл сестра. Она ещё отдавала команды, и гневно сверкала очками в сторону Егора.

– Я вас предупреждала! – бросала она в лицо бледному Егору, когда санитары увели Таню из холла и они остались с медичкой один на один.

– Вы понимаете, что наделали?!

– Я не знал, я не хотел..., – испуганно мычал парень.

– Все наши усилия насмарку. Девушка на удивление быстро шла на поправку. Никаких рецидивов. Кушать стала хорошо. Повеселела. Даже в поездки её главврач разрешил брать. Родные успокаиваться начали. И вот..., – медичка развела руками. Затем, окинув взглядом растерянного артиста, спросила.

– Куришь?

Егор отрицательно помотал головой.

– Правильно делаешь, артист. Я вот тоже бросаю, да разве тут бросишь, – она повела Егора в свой кабинет, где с удовольствием затянулась сигаретой.

– Послушайте, – горячо начал парень, – я виноват, понимаю. Неправильно построил разговор с ней и всё такое. Но вы поймите, она мне очень дорога. Понимаете? Я всё для неё сделаю, что надо, всё!

Он умоляюще смотрел на сестру, которая только стряхивала пепел и хранила презрительное молчание.

– Молодой человек, идите домой, – наконец, выдала она из себя. – Вы ничего поделать уже здесь не можете.

– Но как же? – в голове парня блеснула догадка: – насчёт денег можете не волноваться...

– Волноваться? Мне ещё и не волноваться? Угробил всю мою полуторамесячную работу и просит не волноваться, – старшая сестра уже устала от его присутствия. – Иди домой, артист.

– А навестить её можно? – Егор от беспомощности едва не стонал.

– Вот, – медичка протянула ему визитку, – позвони мне через неделю, я тебе отвечу на твой вопрос.

Егор возвращался к метро, и колючий ветер, забирающийся за воротник и ерошащий волосы, казался ему сейчас лучшим утешением. В его разгорячённой голове возникал один за другим план спасения Тани. Он кривился и мотал головой, пытаясь отогнать навязчивую свежую картину припадка любимой женщины.

Открывая ключом квартиру, он почти успокоил себя обещанием во что бы то ни стало найти выход.

Весь день проходил, как во сне. Егор автоматически выполнял запланированные заранее дела. Мысль о Тани превратилась в навязчивый, всепоглощающий кошмар, давила болью на сердце, не давала ни минуты покоя. Находиться одному в квартире было невыносимо. К ночи ноги сами привели его в знакомый двор.

Наргиля

– Приветтики! – Наргиля и бровью не повела, когда в дверях встречала ночного гостя.

Егор обожал в ней это качество. Наргиля умела не задавать лишних вопросов.

Умом и оборотистостью эта дочь таджикского аула, не так давно переселившиеся в столицу, давала вперёд сто очков любому мужчине.

Наргиля была в прошлом артисткой Душанбинского кукольного театра, ныне помрежом на Мосфильме, супругой артиста, которого за короткий срок смогла устроить в эпизоды нескольких мыльных опер и многосериек. Наргиля хотела и умела зарабатывать деньги. Она продавала всё, что подвернётся под руку. И продавала умело. Продавала дефицитные лекарства, свои наработанные знакомства в мире киноиндустрии и театра. Она была эдаким серым кардиналом при своём муже, в прошлом неудачнике, дела которого после женитьбы на девчонке из многодетной таджикской семьи резко пошли в гору. Наргиля не только перевезла мужа в первопрестольную, но и на скопленные деньги смогла приобрести комнату в московской коммуналке. А уже через несколько лет выкупила оставшуюся в коммуналке

комнату и стала полноправной владелицей московской двушки. Но, надо признать, девушка обладала прекрасной памятью. Она помнила, как тяжело принимала её Москва. И эта память, помноженная на доброе сердце, и родила этот приют комедианта. У Наргили с её супругом Костей ночевали, столовались по нескольку месяцев по очереди все знакомые бездомные артисты, охотники за удачей в мире искусства. Приходили приклонить голову и утолить голод клоуны, балетные, художники, актёры. Бывал в этом гостеприимном доме и Егор.

– Проходи, – сверкнули на Егора узкие глаза.

Парень молча прошёл в кухню, где тут же перед ним возникла тарелка с остатками ужина и банка пива.

Егор с жадностью приник к банке. И как это Наргиля всё знает наперёд, что кому нужно в данный момент? Егор в этом доме был на привилегированном положении. Хотя иногда вспоминал с улыбкой, как не сразу попал в избранный круг Наргилиных друзей. При первой же встрече она умело всучила ему кучу ненужных лекарств. И, получив с него деньги, ещё долго внушала сбитому с толку певцу, как они полезны молодому неокрепшему голосу. Но потом, когда Егор прошёл настоящую проверку товарищества и выручил Наргилю в трудный момент, она более к своему лекарственному бизнесу с ним не возвращалась.

– Ну? – девушка затянулась сигаретой и всем своим видом дала понять, что готова вникнуть в его проблему. От Егора не укрылось, что сегодня в приюте комедианта все вакансии заняты. Даже в уголке кухни мирно посапывала парочка на брошенном прямо на кухонный кафель одеяле.

– Таня в беде, – начал Егор, и, пока он прерывающимся от свежих впечатлений голосом пытался, как мог, обстоятельно передать суть дела, девушка ни разу не перебила его.

Егор говорил и говорил, давно ещё он так много не говорил. И пропорционально его рассказу росла в пепельнице гора окурков.

– Костя. Только Костя знает всё про московские психушки, – констатировала Наргиля, смачно сплюнула в пепельницу и отправилась будить мужа.

Маленький кривоногий неказистый Костя, зевая, входил в кухню. Но, увидев Егора, искренне ему обрадовался.

Сон быстро соскочил с него, и он уже дружелюбно оправдывался.

– С утра съёмка, извини. Надо быть в форме.

– Это ты меня извини, – улыбнулся Егор, – кого на этот раз играешь, опять «фрица»?

– Нет, на этот раз всё серьёзно. Это уже не эпизод, а роль второго плана.

– Неужели? Ну, наконец-то. Я всегда говорил, что талант не спрячешь. Искренне рад за тебя, дружище.

– Наргилька постаралась! – объяснял польщённый Костя, – Кстати, на первом канале тоже в новом сериале засветился. Про психушку.

– Вот-вот, Костик, об этом и речь. Ты же помнишь, тогда тебе, как актёру, давал консультации профессор. – Наргиля направляла мысли мужа в нужное русло.

– Да что мне ваш профессор, – актёр презрительно повёл плечами, – я сам теперь профессор психологии. Ты же знаешь, Егор, как я работаю. Я никогда не халтурую. У меня всё чётко по системе Станиславского. Помнишь эпизод из фильма про зеков? Чтобы войти в образ, я от корки до корки УК проштудировал. По фене ботать выучился, дома специально заставлял Наргильку мне баланду варить. Нет, Константин Проходько не халтурщик. Да я такую работу проделал, чтобы в образ психа вжиться, да я...

– Ой, смотрите на него. Заякал, я да я. Ты лучше в проблему Егора вникни, якальщик, да посоветуй, как быть, – Наргиля строго зыркнула на мужа.

От этого взгляда Костя сразу сник, ссутулился и виновато посмотрел на друга.

– Помнишь Таню? – начал Егор.

Костя так же, как и его жена, выслушал рассказ Егора, ни разу его не перебив. Только время от времени поджигал затухающую сигарету.

– Да-а, дела, – протянул он. Потом выдержал театральную паузу и, не обращая внимания на устремлённые на него две

пары глаз, вытащил свой мобильник и начал пролистывать список абонентов.

До утра в приюте комедианта не гас свет. Рассвет встретил Егор с надеждой и позволил себе тут же на кухне на брошенном хозяйкой выдавшем виде плеле несколько часов отдыха.

Мама

– Егорушка, милый, так неожиданно. Как я рада, сыночек, – воркующее меццо, кутаясь в халатик, впускало его в квартиру.

– Ты прости, сынок, я не одна, – мать, мягко обняв Егора, проводила его в гостиную.

– Опять этот? – сквозь зубы процедил парень.

– Егор, – мать с достоинством откинула волосы со лба, – мы с тобой договорились. Ты забыл? Я и так во всём тебе пошла навстречу. Отдельное жильё – пожалуйста. Невмешательство в твою личную жизнь – пожалуйста. Хотя сам знаешь, чем моё невмешательство обернулось, как с тобой поступила эта подлая девчонка.

– Мама, прошу тебя.

– Ну, хорошо, хорошо. К чему нам ссориться. Я безумно рада тебя видеть, даже в такую рань. Кстати, а который сейчас час?

– Мам, ты прости, я не просто так, я по делу.

– Что-то случилось? – она изучала его лицо.

Егор вздохнул. Поняв, что разговор будет тяжёлый, она попыталась, как могла, разрядить его мрачное настроение.

– Кофе будешь?

– Давай, – парень на несколько минут остался в гостиной один. Оглядел привычную с детства обстановку: старинный рояль, заваленный нотами, на стенах фотографии матери в театральных костюмах в образах оперных героинь. Тут же его детские фото. Вот он в костюме мушкетёра. Вот во фраке и бабочке солирует в школьном хоре, вот запечатлён его дебют в студенческом театре. Он обернулся на звук шлёпающих по паркету босых ног.

Молча кивнул на приветствие прошмыгнувшего в спальню очередного материнского любовника. Скольких их он перевидал на своём веку, этих красавчиков, шлёпающих босыми ногами по их квартире... Самое удивительное было в том, что все материнские любовники были приблизительно одного возраста: от двадцати семи до тридцати лет. Мать старела, а её возлюбленные сменяли друг друга в одной своей цветущей поре. Хотя ничего странного здесь не было. Мать всегда была в отличной форме. Не скупилась на свою красоту. В их доме постоянно тёрлись проходящие массажистки, педикюрши, косметички. Однажды нервы парня не выдержали, и он отвоевал право жить отдельно в завещанной ему бабушкой квартире.

– Ну вот и я, – зарумянившаяся от плиты женщина несла на подносе дымящиеся чашки с кофе и ароматные поджаренные гренки.

– Так быстро. Спасибо, мам, – Егор соскучился по матери, хоть и старался скрыть это.

– Твои любимые, с сыром.

– Мам, как хорошо, что ты есть, – Егор с удовольствием ел материну стряпню и не переставал восхищаться этой удивительной женщиной. Перешагнувшая пятидесятилетний рубеж, она по-прежнему была необыкновенно красива. Гладкое ухоженное лицо, обворожительные глаза, чувственные губы. Она потрепала холёными пальцами сына по волосам и первой начала разговор.

– Пока у тебя рот занят, спешу подвести итоги. Итоги весьма утешительные, Егорушка. Мне звонила вчера Юдифь. Хвалила тебя очень. Говорила, что растёшь, превращаешься в настоящего мастера. Значит, всё идёт по нашему намеченному плану, сынок? Ничего, подкопим чуть деньжат, поедешь в Испанию, в Бильбао на конкурс. Я уже созванивалась с нужными людьми. Поверь, гран-при у нас почти в кармане. Ну, а со званием лауреата пусть только попробуют в Большом тебя на этот раз бортануть...

Егор допивал кофе и с грустью думал о том, как в мгновение ока рухнет эта утренняя идиллия, какой сейчас разразится

скандал. Он прекрасно знал реакцию матери на слова, которые он произнесёт, в пух и прах развея её честолюбивые планы...

– Мам, – скажет он ей через минуту, – мам, мне деньги нужны.

– Деньги? Зачем? Что, в конце концов, происходит, Егор? Объясни, – воркующие интонации без всякого перехода сменит жёсткий металл в её голосе.

– Таня в беде, мам. Она в психушке. Такое тут не лечат, а калечат. Её срочно надо отправлять в клинику в Германию. Я уже почти договорился. Нужно только согласие её родственников и деньги. Много денег, мам, – скажет он ей. Холёные пальцы вцепятся в ручки кресла. На безмятежном несколько мгновений назад лбе вздуются две синие жилки. Лицо исказит гримаса ненависти при упоминании имени Тани.

– Егор, – не скажет, а выдохнет мать, – что ты несёшь? Мальчик мой, ты здоров?

– Мама, я абсолютно здоров, – бросится он убеждать её. – Таня больна, понимаешь. Ей необходима наша помощь.

– Сын! Подожди секундочку! Я не возьму в толк, о чём ты? – разразится криком его в минуты постаревшая мать. Егор поймёт, что их конфликт дойдёт до точки невозврата. И опять начнётся тот кошмар, с битьём посуды, обмороком, призыванием в свидетели молодого любовника, опять начнётся ужас, от которого он несколько лет назад сбежал...

– Ну что, вкусно?

– Мам, ты не просто лучшая певица и красавица, ты лучший кулинар в мире.

– Я рада, что ты подкрепился. Так в чём же проблема, сыночек? Что же всё-таки случилось? – она едва пригубила кофе и приготовилась слушать, уютно подоткнув ноги пледом.

– Да ничего не случилось, мам. Просто я соскучился очень.

– Правда? – красивые брови пошли в разлёт. – Удивительно. Неужели ты и в самом деле взрослеешь?

Егор ни на мгновение не пожалел о своём решении не впутывать в свои проблемы мать. Сейчас она просто лучилась от счастья, полная ответной нежности к сыну и умиротворённая своим покоем.

«Люди гибнут за металл», – крутилось у него в голове, когда он выходил из подъезда своего детства.

Фаберже

– Это тоже годится, – кивала Наргиля, – и это давай. Коллекция марок? Прекрасно. Старинный сервиз? Красотища какая! Ничего, что блюдце сколото. У нас на Мосфильме за него нормальные деньги дадут.

Наргиля уже несколько часов хозяйничала в его квартире. С видом заправского оценщика она складывала в большую хозяйственную сумку всё, на чём останавливался её цепкий взгляд. Егор взмок, без конца доставая с антресолей и из кладовки, которая оказалась до потолка забитой старым хламом, оставшееся от бабушки наследство.

– Слушай, а ведь я собирался это старьё на мусорку отнести. Всё руки не доходили, – не переставал удивляться Егор Наргилиной смекалке.

– Нормалёк, – не вынимая сигареты, продолжала копаться в узлах и ящиках его верная подруга. Она была в своей стихии. Как заправский охотник за ценностями, выхватывала из мешков предмет за предметом и тщательно рассортировывала по кучкам.

– Не обижайся, Егор, но вы все москвичи какие-то рохли. Вы живете в столице. Здесь такие возможности, здесь так можно развернуться. Москва –это Клондайк для тех, кто умеет шевелить мозгой.

– Мозгами, – поправил её парень, – нет, ну кому ты собираешься пристроить это барахло?

– Это не барахло, – Наргиля стряхнула пепел в один из пустых ящичков, – это твой капитал, твоё будущее, если хочешь. А пристроить не трудно. Здесь главное не продешевить.

– Ну ни за что не купил бы этих слоников для подпорки книг или вот это, – он взял в руку и поднёс к свету запылённое хрустальное яйцо.

– Купят, купят, всё у нас купят, – не оборачиваясь, продолжала разбирать очередной ящик девушка, – на Ленинградке анти-

квары возьмут, на Таганке – нумизматы, у нас на Мосфильме ещё как возьмут...

– Ай-ай, осторожнее, – наконец, заметила она в его руках яйцо. – Дай-ка сюда...

Наргиля в два прыжка оказалась с ним рядом и осторожно взяла хрустальную поделку в руки.

– Держите меня! – узкие глаза расширились до размера блюдца.

– Ты чего? – не понял Егор.

Но она уже, не обращая на товарища никакого внимания, засветила экран айфона.

– Я так и думала, смотри, – через пару минут она с победным видом показывала ему картинку, найденную в интернете, и вслух читала:

– Коллекция Фаберже... Пасхальное яйцо. Собственность императорского дома. Утеряно после октябрьского бунта в Петрограде.

– Прикольно, – усмехнулся Егор, – когда я учился в школе, это называлось Великой Октябрьской революцией.

– Не отвлекайся, – строго одёрнула его девушка. – А теперь, Егор Сергеевич, ты мне всё расскажешь о своей бабушке, о том, как могло такое богатство свалиться ей в руки, а потом мы с тобой поедem к одним умным людям, которые нам помогут его хорошо пристроить.

– Ну! – узкие глаза смотрели на него в упор.

– Бабушка... да какое это имеет значение, – Егор никак не мог в толк взять, чего она от него добивается.

– Ладно, по дороге расскажешь, поехали, – решительно потащила его к двери девушка.

– А как же всё это? – Егор обвёл рукой заваленную коробками комнату.

– А это, – затушила сигарету девушка, – это и вправду барахло. Я тебе в помощь Костика пришлю. Он поможет тебе всю эту ерунду на мусорку отнести.

– А вот это, – Наргиля пафосно подняла яйцо, – это авиабилеты до Берлина, лечение в клинике, с которой Костя через

профессора договорился, полугодовая реабилитация где-нибудь в Баден-Бадене и масса всего другого необходимого. Понял?

Егора уговаривать было не надо. В машине, которую заправски вела Наргиля, он старательно вспоминал и пересказывал девушке бабкину биографию.

– Честно, знаю немного. Бабка многие годы сохраняла память о своей матери, моей прабабке, которая до революции была балериной в театре. Да не гони ты так, бедовая!

– Не бойсь, – чёрные глаза сверкали. – На скорости быстрее соображаю. Ну и что? Бабуля в Питере танцевала?

– Нет, мы все московские.

– Ну это не важно. Ведь мог же в твою прабабушку влюбиться кто-то из императорского дома. И подарить ей эту вещицу.

– Фантазёрка! – Егор усмехнулся, хотя и сам теперь был захвачен идеей, что унаследовал работу самого Фаберже.

– Слушай, а это не противозаконно – скрывать от государства историческую ценность? – парень опасно покосился на девушку, которая лихо обгоняла очередное авто.

– Водить сначала научись, – зло прокричала она обозлённому водителю и показала неприличный жест.

– А тебе вот что скажу, Егор Сергеевич, – она на скорости затягивалась очередной сигаретой, – кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

Они въехали в лабиринт дворов отдалённого спального района, где Наргиля прекрасно ориентировалась.

– Жди в машине, – распорядилась она, не забыв захватить с собой ценный свёрток.

Батюшка

– Есть болезни душевные, а есть духовные, – объяснял отец Андрей, помешивая ложечкой чай.

– Как это?

– Ну, это несложно. Одни болезни лечат таблетками, уколами, процедурами всякими, а другие – исправлением жизни, покаянием. Но здесь ведь ошибиться нельзя, понимаешь?

– А как же определить-то это? – Егор сидел напротив своего старинного приятеля, некогда студента вокального факультета консерватории, ныне диакона подмосковного храма. В комнате было прохладно, диакон любил свежий воздух. Егору было некомфортно от этого, но он терпел. Привычка беречь голос от простуды заставляла его сидеть в комнате отца Андрея с намотанным на шею шарфом. К тому же после новогодней компании, где Егор прилично помотался по корпоративам и утренникам, он был не в форме. Голос осип, по ночам его душил кашель.

– Ты пей горяченькое, пей. Давай ещё медку подложу. А ещё лучше, я тебе наливочки домашней плесну. У меня матушка отличную наливку готовит, – отец Андрей засуетился, достал из буфета гранёные стаканы и причудливой формы штоф. – Жаль, пост сейчас рождественский, угостить тебя могу только мёдом да рыбкой. Извини.

– Значит, покаяние и пост? А как же суицидники? Те, вернее, кто покушался на свою жизнь? Им есть шанс выкарабкаться? – Егор цеплялся за друга, как за последнюю надежду.

– Суицид – это ведь что? – отец Андрей сдвинул брови. – В очах Божьих – смертный грех, бунт человека перед Богом, нежелание принять жизненные обстоятельства такими, какими они есть на данный момент. Но ведь во многом эти самые тяжёлые для нас обстоятельства, в которых мы оказываемся, – дела наших собственных рук, результат нашего выбора между «хочу» и «надо». Вступив на топкую дорожку потакания своему «хочу», человек незаметно всё больше увязает в грехе, и, когда, наконец, оказывается в болоте, начинает тонуть, погибать, в конце концов, впадает в отчаяние. А что такое отчаяние?

– Ты мне уже когда-то говорил, – Егор с восхищением следил за рассуждениями друга, недавнего выпускника семинарии. – Отчаяние – это отсутствие чаяния.

– Именно – отсутствие надежды. А без надежды тяжело, брат, приходится. Ведь, казалось бы, всё всем давно известно и про Иуду, впавшего в отчаяние и удавившегося, и про Благочестивого разбойника, покаявшегося на кресте и первым достигшим

Царствия Небесного, так ведь нет, не следуют Святому писанию люди.

Диакон многозначительно помолчал, приятели чокнулись, не без удовольствия угостившись наливкой.

– Молодец твоя Ольга, – оценил напиток Егор. – Вообще, ты счастливчик, Андруха.

– Это да, это слава Богу! – перекрестился раскрасневшийся от выпитого диакон. – Мы ведь с ней вместе приняли решение из консерватории тогда уйти. Не жалею ни минуты об этом. А какой хор моя матушка тут организовала, – ну ты ещё услышишь. А может, на Рождество приедешь на ночную службу, а? Так сказать, по-приятельски наш хор своим басом украсишь.

– Посмотрим, Андрей, ты мне пока ещё раз про ту обитель расскажи. Ну, про ту монастырскую терапию, как ты мне говорил. Чтобы пожила там моя девушка, как трудница.

– Вот-вот. Это для отчаявшихся самое лучшее лечение: труд и молитва. Там сами ангелы ей, твоей болящей, будут помогать. И сёстры там радушные, внимательные. И сама игуменья примет в ней личное участие. Тебе нужно только согласиём родных заручиться. С матушкой игуменьей, думаю, договоримся. Она уж больно мою Ольгу уважает, ценит. Ангельский, говорит, у твоей супруги, отец Андрей, голос. Ещё бы. Лучшее сопрано на курсе было. Предлагали на стажировку в Италию её отправить. А она вместо Италии сюда в храм за мной поехала. Такие дела.

Приятели помолчали, ещё раз угостились содержимым штофа.

– Ольга любит всё раритетное собирать. Обстановку пытается дома создать старинную, благочестивую, как в домах батюшек дореволюционной России, – объяснял диакон, видя, с каким интересом приятель вертит в руках причудливый штоф.

– Знаю я ещё одну ценительницу старины, – усмехнулся Егор, вспомнив недавнюю историю с яйцом Фаберже.

– И что? – закусывая, интересовался диакон.

– Да ничего, пустое, Андрей. Хотели собрать денег на частную клинику в Берлине. Не срослось.

– Всё, что ни делается, всё к лучшему, – успокаивал диакон друга.

– Так-то оно так, да вот как представлю её, бедную, в этих застенках, да ещё скрученную санитарями, места себе не нахожу.

– Любишь её?

Егор поймал на себе пронизательный взгляд друга.

– Выходит, так. Ведь, когда она после помолвки нашей мне заявила, что уходит к этому..., – Егор выругался, – я думал, не прошу.

– А как увидел теперь её глаза, о помощи молящие..., – Егор не закончил и опрокинул в себя наполненный другом стакан.

– Как звать рабу болящую? – глаза отца Андрея светились неподдельным сочувствием.

– Татьяна.

– Запишу её в свой помянник.

– Спасибо, Андрей!

– И ты сам-то не унывай. Верь, что выздоровеет твоя ненаглядная. По вере вашей да будет вам. Ведь душа заблудшая, словно стекло мутное. Она и видит, и мыслит всё в искажённом виде. А как в бане покаяния омоется, очистится искренним раскаянием, так и засверкает, словно хрусталь горный. Зазвенит, запоёт. В ней солнце во всех гранях отразится. Истинное Солнце правды.

Егор слушал проповедь своего товарища, впитывая каждое слово. И эти простые сравнения и примеры наполняли его нутро надеждой в скорые добрые перемены.

– Только тут опасность одна есть..., – отец Андрей на мгновение смутился. – Не замучил я тебя своими нравоучениями?

– Говори, отец Андрей, говори!

– Так вот. За хрусталём этим, за хрустальным домом души уход нужен тщательный. А именно: внимание к себе, следование христианским заповедям, прибегание к церковным таинствам, молитва, доброделание. Иначе не только замутнеет снова твой хрусталь, а разобьётся на мелкие осколки при очередном искушении.

Егор усмехнулся.

– Что-то не так сказал? – отец Андрей пытливо глядел на расплывшегося в улыбке друга.

– Наоборот, здорово проповедуешь, батюшка. Про хрусталь очень впечатляющее сравнение.

– Ну, вообще-то, эту тему я ещё на втором курсе проработывал по святоотеческим творениям. Книга такая есть, «Луг духовный» называется. Я тебе её очень рекомендую. А хрусталь это ведь что. Это стекло обыкновенное, в которое свинец добавляют, металл. А металл, если хочешь, ещё одно сравнение, это твоё твёрдое решение идти по пути Христовых заповедей. Изъявление воли твоей, так сказать.

Прятели ещё не скоро расстались, разгорячённые наливкой и душевным разговором. На последнюю электричку Егор едва успел. И возвращался в Москву с иным, боевым настроением.

Письмо

«И почему Новый год в России превращается в один большой массовый нелепый загул?» – кричал Егор, пытаясь в подъездной темени, образовавшейся вследствие праздничной вакханалии, попасть ключом в замок. Изрядно помучившись, в полоске света открывшейся, наконец, двери, с удивлением обнаружил на придверном коврике конверт.

Войдя в квартиру, не раздеваясь, прошёл в кухню и тут же дрожащими от нетерпения руками начал надирать белый уголок.

Сомнений не было. Почерк этот он узнал бы из тысячи.

«Егор!» – кровью бросились ему в голову неровные буквы. – *«Нет таких слов, которыми мне бы хотелось назвать тебя в эту минуту. Хотела сначала написать: милый Егор. Потом – дорогой мой Егор. Потом хотела написать лучший мой, преданный друг Егор. Но это всё не то. И вряд ли мне удастся передать ту гамму чувств, какую я испытываю, произнося твоё имя.»*

Поверь, я много передумала и много выплакала слёз после нашей встречи там, в больнице. И это были слёзы самого искреннего раскаяния. Мой прекрасный, лучший, я всё знаю. Ребята расска-

зали мне, как трогательно и самоотверженно ты пытался мне помочь. Нет слов, которые могли бы выразить то, как рвалось моё сердце от сознания того, как я недостойна всех этих жертв.

Милый мой, чуткий, я сейчас перейду к самому главному. И я хочу, очень хочу, чтобы ты понял меня. И верю, что ты поймёшь, потому что мы с тобой очень похожи в этом умении любить, любить вопреки здравому смыслу и логике.

Это письмо я пишу впопыхах, через несколько часов регистрация на мой рейс.

Я дома, родные забрали меня из больницы. И вот сейчас я вынуждена причинить тебе боль. Но лучше ты узнаешь это от меня, чем от кого-либо в искажённом виде. В моей жизни снова появился Он. И это даёт мне крохотную надежду, хоть иногда видеть Его. А большего мне и не нужно. Он появился затем, чтобы уговорить меня вылечиться от кошмаров, которые мучают меня столько времени. Знаешь, Он был честен со мной и с моими родными. И эта его честность очень помогает мне бороться с приступами отчаяния. Он не сможет оставить свою семью, детей ради меня. Хотя ты ведь понимаешь, что я бы этого не приняла. Мне нужно только одно: иногда его видеть. Только при этих условиях я принимаю его участие в моей судьбе. Не презирай меня, пожалуйста, за это. Да, я не сразу, но приняла его помощь. Улетаю в очень хорошую клинику. Я напишу тебе, Егор. Обязательно напишу. Я буду стараться выздороветь. Я хочу выздороветь и для Него, и для тебя. И ещё: все самые нежные слова, которые придуманы человечеством, я произношу тебе сегодня и буду говорить их тебе каждый день. Твоя непутёвая Таня. Прощай».

Егор не сразу почувствовал боль. Ощутил вначале, что пальцы стали липкими, и только потом с тупым равнодушием наблюдал некоторое время за расплзающимся на белой скатерти нежно-алым пятном. Он поймал себя на мысли, что пятно приобретает удивительно правильную форму овала. И только потом расслабил автоматически вжатые в осколки фужера пальцы.

Также автоматически ответил на затрезвонивший мобильный.

– Дружище! – заскрежетал искажённым расстоянием голос диакона, – добрался нормально?

– Да, – не узнал Егор свой осипший тембр.

– Слава Богу! – продолжилось оживлённое скрежетание, – так не забудь. Завтра сочельник. Я как Ольге сказал, что ты согласился приехать на ночную службу, хор поддержать, она так обрадовалась. Так не подведёшь, приедешь? Алле? Не слышно ничего! Сейчас перезвоню.

Егор с тупым равнодушием продолжал наблюдать за алой струйкой, рисующей на кухонном полу причудливый узор. Трезвонящий без перерыва мобильный уже не тревожил его сознания. Им владела только навалившаяся на всё его существо невероятная усталость. Она сминала его, не давала вдохнуть полной грудью, захлёстывала собой.

Егор медленно поднялся, под ботинком заскрипели хрустальные осколки. Он также медленно вышел из квартиры, меча на своём пути алой струйкой подъездные пролёты. Жадно вдыхал ночной морозный воздух. Окровавленная ладонь сама потянулась к сугробу.

Ветер налетел на него с буйной радостью, словно на старого приятеля, взъерошил волосы, весело трепал полы пальто. Егор с зажатым краснеющим снегом в руке автоматически продолжил свой путь. Он специально не выбирал направление, а следовал за порывами своего старого проверенного товарища ветра. Он просто шёл. Ему надо было просто идти. Идти, следуя порывам ветра. И в глубине души он знал только одно. Что ему необходимо пройти, он обязан пройти. Он обязательно пройдёт. Так надо.

МАСТИХИН

1.

– Молодой человек! Вы мне поможете? – на консультанта художественного магазина был направлен цепкий немигающий взгляд.

Консультант, поправив бейджик с именем «Юрий» на форменной куртке и обречённо вздохнув, направился к дамочке, уже порядком надоевшей его коллегам в соседнем отделе.

«Дилетантка-самоучка», – диагностировал консультант, опытным взглядом оценив эту неуклюжую особу с её грохочущей тележкой. Тележкой, которой дамочка то и дело подрезала снующих между стеллажами покупателей.

– Слушаю, – Юрий натянул резиновую вежливость на скулы и склонился над внушительным списком, протянутым пухлой ручкой.

– Вот, – Анна облизнула пересохшие губы, – вы мне, молодой человек, всё растолкуйте, что почём, и сколько нужно брать.

– Пройдёмте, – Юрий уже смирился и на автомате продолжил свою рутинную работу.

– Вы так считаете? – то и дело переспрашивала раскрасневшаяся от напряжения дамочка. – Ой, ещё кисточки надо, и ещё холсты, и этот, как его...

Анна выпучила и без того огромные глаза, устала в какую-то ей одной ведомую точку. Консультант тактично ждал.

– Ой, ну этот, – покупательница жестами пыталась навести парня на верное слово, – ну, такой железенький, который как мастеров для строителей.

– Мастихин?

– Ну да, – закивала довольная покупательница. – Ой, какой вы всё-таки умничка! – женщина просияла от удовольствия. И в этот момент стала ослепительно хорошенькой милой пышечкой. Куда девалась былая визгливость, нарочитая манера давить на собеседника!

– Вы просто прелесть, Юрий, – скосила она глаз на бейджик консультанта, – просто лапочка. Не то что эти худосочные швабры в соседнем отделе.

– Ну вот, – Юрий ещё раз сверил список с содержимым тележки, – на первое время вам хватит материалов. Кисточки нужных размеров есть, холсты льняные есть, краска акриловая куплена. Она хорошая, быстро сохнет. Так что не будет у вас проблем с вашими пейзажами.

– Вы само очарование, – уже в открытую кокетничала покупательница. – А вы случайно уроки живописи не даёте?

– Уроки? – Юрий замялся. – Нет, но поискать толкового мастера могу.

– Чудненько! – Анна протянула ему визитку. – Буду ждать.

– Оревуар! – она послала на ходу воздушный поцелуй и, вседозволенная, направила набитую добром тележку к кассе.

Юрий не мог сдержать рвущийся наружу смешок, едва дама скрылась за поворотом его отдела.

– Ты чего так веселишься? – удивлённо взметнула брови проходящая мимо Ирка из соседнего отдела.

– Так, ничего, – парень не мог больше сдерживаться и закатился смехом. – Мастихин, одним словом.

– Чего? – Ирка затормозила и тоже заразилась его весельем.

– Ирка, пошли по-быстрому курнём, – тянул он её за собой.

– Ну? – затягиваясь сигаретой под вывеской магазина, повторила свой вопрос девушка.

– Да тут дамочка забавная попалась. Мечтает о персональной выставке, а сама карандаш ещё в руке не держала.

– А, ты об этой толстухе. Так она нас всех достала, – Ирка в красках описала сценку в салоне.

– Понятно, – шурился от дыма парень. – Она ещё спрашивала, не дам ли я ей уроки живописи.

– Ну и чего ты растерялся? Ты ж профи.

– Был бы, если б денег хватило на последний курс.

– Ну всё равно. Я твои работы видела. Такие чёткие! Ваще! – Ирка закатила глаза.

– Думаешь, правда её проконсультировать? – парень тушил сигарету.

– Да что тут думать! Судя по её кредитке и брюликам в ушах, она не бедствует. А тебе что? Деньги лишние?

Юрий перевёл разговор на тему ближайшего викенда. Во-первых, не в его правилах было делиться своими финансовыми проблемами с женщинами, во-вторых, Ирка была такая

сногшибательная в этом облегающем мини. Слово за слово, и молодые люди сговорились о поездке на дачу на выходные.

2.

– Юрка! А о тебе спрашивали, – встретил его в понедельник утром охранник Степа.

– Кто спрашивал? – консультант удивлённо покосился на часы. Рабочий день только начинался.

– Дамочка такая колоритная, – Стёпка понимающе подмигнул, – в выходные приходила и была очень недовольна, что тебя не застала. Всё тиранила твоего напарника, где, мол, ваш самый толковый сотрудник, мол, без него в магазине ничего найти невозможно.

– А... Мاستихин, – машинально проговорил Юрий.

– Что? – не понял Стёпа.

– Да окрестили мы её так с Ирккой, – отмахнулся от него парень.

– Кстати, как у тебя с ней? – Степану явно не хватало информации. Он стремился был в курсе всего происходящего в коллективе. Иначе ему было скучно на своей, такой надоевшей ему работе. Но деваться было некуда. Степану надо было кормить семью. А в их городке Владимирской области приличного заработка не найти. Вот и ездит он вахтовым методом, как и многие его земляки, на заработки в Москву.

Юра как-то был у него в гостях, приезжал на этюды – церкви старинные писать с натуры. Степан его тогда хлебосольно принял. Но в память Юрию запал поезд в Москву, который они ждали на перроне, возвращаясь из Степиного городка. Степан стоял, экипированный в куртку, кепку, раздутую домашней выпечкой и чистым бельём сумку через плечо. И весь перрон был усыпан Степиными клонами, с точно такими же сумками, кепками, немаркими куртками.

– Так как вы там? Всё нормалёк? – не унимался охранник.

– Не напоминай, – передёрнулся Юрка, вспомнив количество выпитого и выкуренного.

- Ну всё-таки, как она тебе?
- Отстань, Стёпка, не мешай работать.

Юрий нахмурился и поспешил скрыться от Степана в подсобку.

В тёмном коридоре едва не столкнулся с выходящей ему навстречу сотрудницей.

Оба сделали вид, что в темноте друг друга не признали.

Степан своими вопросами окончательно испортил Юре настроение.

Ну какая ему разница, этому беспардонному провинциалу, до его амуров с Иркочкой? Не в его обычае обсуждать женщин. Тем более и обсуждать тут нечего. Все они одинаковые. После той вымотавшей душу школьной истории, едва не закончившейся для него плохо, женщины ему стали понятны как пять пальцев на руке. После той зарубки на его сердце он словно надел на себя некий бронезилет от прекрасного пола. И с тех пор женщины удивительно легко ему доставались. Он и сам не мог объяснить почему. Женщины западали на него, сами искали встречи или легко, без боя сдавались его ненавязчивому вниманию. Потом всячески пытались удержать. Но он моментально обучился красиво с ними расставаться. Если б кто-нибудь попытался обвинить его в мести слабому полу, он бы посмеялся над этим беспочвенным обвинением. Хотя и судить его было некому. Не было поверенного в его сердечных делах.

Да, на какой-то миг чиркнула о его каменное сердце, вспыхнула, словно спичка, и моментально сторела любовная интрижка прошедшего викенда. Но сейчас ничего, кроме изжоги, в прямом и переносном смысле его не мучило. Ирка безусловная красотка, с потрясающей фигурой. Но...

Юрка приник к бутылке с минералкой, обтёр пузырящейся влагой лоб, щёки, шею, с тоской посмотрел на часы. Рабочий день только начинался. Волна раздражения снова захлестнула его. Опять одно и то же, опять эти стеллажи, безумные покупательницы. И ещё предстоящее объяснение с Иркочкой. Нет, только не сегодня. Он натянул на лицо холодную вежливость и вышел в торговый зал.

3.

– Нет, это не годится, я ведь напоминал: тут белил надо добавить, да и здесь много грязи. Я же уже объяснял, – Юрий недовольно поморщился.

– Ой, я забыла, ну простите, пожалуйста, – полные щёки виновато затряслись.

– Ну ладно, – смягчился парень, – начнём заново.

Парня временами забавляла эта детская покладистость его великовозрастной ученицы. Мастихин, а это была именно она, та назойливая покупательница, добилась-таки своего. Юрий уже месяц как давал ей уроки живописи.

– Жаль, холст опять испортили, – сокрушался парень. – Может, всё-таки вернёмся к эскизам на бумаге?

– Нет-нет, – испуганно запищала женщина, – только холст. Он меня вдохновляет. Я чувствую его. И расскажите ещё о Матиссе, его технике, пожалуйста.

Юрию нравилась её дотошность и умение слушать. Казалось, женщина вся обращалась в слух. Хлопали удивлённые ресницы, изумлённо взлетали вверх к взмокшим от напряжения кудряшкам брови, раскрывался от удивления пухлый рот. Да и вся оплывшая фигура толстухи с пухлыми сложенными на груди запястьями, косолапо поставленными ступнями выражала доверчиво-восхищённое внимание. Женщина впитывала, пропускала через себя всё, чем назидал её юный учитель.

А тот в свою очередь, вдохновлённый таким благоговейным вниманием, рассыпался соловьём цитатами и поучительными фактами.

«И откуда я всё это помню?», – удивлялся он самому себе.

– Ой, ну как же вы много всего знаете, – вторила ему толстуха.

Когда она улыбалась, обнажая ряд белоснежных зубов, то своими белокурыми кудряшками и ямочками на щеках напоминала прехорошенького откормленного пупса.

Юрий и сам не заметил, как втянулся в эти занятия. Он постепенно вошёл в азарт: обучить эту малоодарённую даму

основам живописной техники во что бы то ни стало. Теперь это было делом его собственного внутреннего престижа.

– Не обижайтесь, Анна, но сейчас я вас и похвалить могу, – сказал он ей после часа корпения над натюрмортом.

– Кто же на похвалу обижается, – засияла ямочками женщина.

– Нет, это я заранее за резкое слово извиняюсь, – улыбнулся в ответ Юрка, – про таких, как вы, говорят, что у них железный зад, простите ещё раз.

– Не поняла, – покраснела до макушки толстуха.

– Терпеливые студенты, иначе говоря, усидчивые добиваются порой более блестящих результатов, чем одарённые их сокурсники.

– То есть вы хотите сказать, что я бездарность?

– Напротив, я в вас очень верю, – Юрка сделал акцент на слове «очень». Они находились в квартире Мاستихина. С самого первого дня Юрка пожалел, что назначил слишком высокую цену за урок. Судя по скромной обстановке квартиры, Мастихин не шиковала. Но опустить цену было уже неудобно, да и платила толстуха аккуратно и регулярно.

– Пойдёмте, Юрочка, я вас угощу дивной наливкой. Мне кажется, за наш успех пора выпить. Вы не против?

Он не был против. Мастихин в общении с ним была сама деликатность. Куда подевалась её бывлая назойливость, напор, визгливые интонации? С ним она ворковала нежнейшим голобочком.

– Ну вот, попробуйте! – протянула она своему учителю бокал. – Нет, погодите! У меня есть тост, – голос дамы приобрёл пафосные нотки. – Я хочу выпить за талант.

Мастихин выдержала паузу.

– За талант педагога! За вас, Юрочка! Спасибо вам за терпение и любовь к своему делу!

Она опрокинула бокал, подцепила наманикюренными пальцами с тарелки кусочек сыра, жестом пригласила его за стол.

– А вы живете здесь одна? – не сомневаясь в ответе, спросил парень, налегая на бутерброды с ветчиной.

– Нет, отчего же, – раскраснелась от выпитого Анна, – меня периодически навещает жених.

– Правда? – чуть не поперхнулся ветчиной Юрка.

– Молодой человек, – с укором продолжила женщина, – по-вашему у меня не может быть жениха? По-вашему, если дама не обладает параметрами 90–60–90, которой под сорок... не может быть любима?

Губы у Мاستихина обиженно задрожали, пухлые ручки вцепились в салфетку.

– Я не то, чтобы... я только за... – бормотал парень.

– Ничего, я привыкла, извините, я на минуту вас оставлю, – Мастихин с чувством собственного достоинства удалилась из комнаты.

«Пора линять», – с тоской подумал Юрка. Он не любил женских слёз и всяких объяснений с дамами.

– А вот и я, – Мастихин снова сияла ямочками на щеках, – давайте чай пить с тортом, хорошо? – и, не дожидаясь ответа, начала хлопотать за столом.

– Мне вообще-то уже пора, – твёрдо решил слинять парень.

– Юра, послушайте меня, – Мастихин смотрела ему прямо в глаза, – я не обиделась. Я привыкла, я ко многому привыкла и со многим смирилась в своей жизни. Ничего не нужно говорить. Вы художник и лучше многих понимаете в канонах красоты...

Мастихин явно завелась не на шутку. Парню стало безумно жаль её, такую неуклюжую, косолапую, такую беззащитную. Он встал и, вдохновлённый новым неведомым ему до сих пор чувством сострадания, начал:

– Напрасно, Анна, вы меня не выслушали. Мы художники, как вы правильно сказали, много чего понимаем в красоте. Вы слышите, в истинной природной красоте.

Он вновь заливался соловьём, цитировал классиков, говорил о прекрасных рубенсовских и кустодиевских женщинах, о правильных гармоничных женских формах. Приводил примеры полотен Гогена и его любимых фламандцев. И снова он обрёл благодарного слушателя: изумлённые брови взлетали

вверх, ресницы удивлённо хлопали, пухлый пунцовый ротик раскрылся от удивления. Юрка сам себе не мог объяснить свой последующий поступок. Но этот ротик влёл его сейчас к себе с неодолимой силой. Его отрезвила только хлёсткая оплеуха.

– Молодой человек, подите вон! – толстуха гневным жестом указывала ему на дверь. – У меня есть жених, я повторяю. И я сохраню ему верность!

Художник ошалело смотрел на неё. Такого ещё в его жизни не приключалось, он окончательно смешался и вместо того, чтобы уйти, стоял, как вкопанный. Спустя мгновение опомнился и поспешил к выходу.

4.

– Вот, вот и вот! – с расстановкой раскладывала веером на столе тесты о беременности Ирка.

Минуту назад она затащила его в подсобку и щёлкнула замком изнутри.

– Что молчишь? Вот твоя дача, вот твои шашлыки, вот все твои художества! – Ирка стояла перед ним пунцовая от напряжения.

– Да, дела...

– И что ты на это скажешь? – Ирка дёрнула сигарету из пачки.

– Здесь нельзя курить, – напомнил он ей.

– А мне наплевать! Мне всё равно теперь! – Ирка завелась не на шутку.

– Чего ты хочешь от меня? – ему вдруг стало все равно, – хочешь, женюсь на тебе?

– Ты это серьёзно? – девушка опешила от его покладистости.

– Ну да, – Юрка чувствовал, как равнодушное спокойствие прохладными волнами продолжает разливаться по его жилам, – у тебя всё?

– Что значит «всё»? Так запросто женишься на мне? – она всё ещё ждала от него подвоха.

– А ты что, глухая, не слышала? Ира, иди работай, – отнял он у неё сигарету и, смяв, выбросил в мусорное ведро.

– Нет, если ты издеваешься, то...

– Завтра же, нет, сегодня, – он проверил содержимое своей борсетки, – подадим заявление. А теперь иди, Ира, работай!

Повторил он последнюю фразу особенно твёрдо.

Новость в коллективе распространилась со скоростью метеора. Начались поздравления, удивлённые расспросы, одобрительные улыбки сотрудниц и сдержанные рукопожатия коллег мужского пола.

– Что, правда женишься? – никак не мог поверить услышанному Степан.

– Что, будешь отговаривать? – продолжая удивляться своему внутреннему спокойствию, переспросил Юрий.

– Нет, Ирка красивая, конечно. К тому же москвичка, с квартирой, с машиной, с образованием. Отличный вариант! Молоток! – Стёпка похлопал его по плечу, – Только по-дружески предупреждаю, семья – это тебе не так просто. Да...

Степан тяжело вздохнул и отошёл от него весьма задумчивый. Видимо, ещё раз философски осмысливал свой семейный статус.

День выдался хлопотливый: принимали товар, сверяли накладные с продукцией. Время пролетело незаметно. К вечеру в магазине нарисовался курьер и вручил конверт Юрию.

«Гонорар за последний урок от Мастихина», – догадался консультант.

В конверте лежала лишняя тысяча. Юрий удивился. То ли премия, то ли прощальный жест обиженной дамочки. Нет, лишнего ему не надо. У него тоже есть чувство достоинства, в конце концов.

– Ну что, не передумал? – раздалось за спиной.

От неожиданности парень едва не выронил деньги.

Обернулся. Перед ним во всём великолепии сияла подкрашенная, надушенная Ирка, небрежно вертела на пальчике брелок с ключами от авто.

«Тьфу ты, я ж женюсь», – с тоской вспомнил он своё утреннее обещание.

– Слушай, Ириш, – начал он примиряюще, – я, конечно, не забыл. Только у меня дело одно срочное на вечер возникло. Давай завтра после работы, а?

– Ты что, издеваешься, да? – Ирка едва не задохнулась от возмущения, захлопала накрашенными ресницами.

«Вылитая Барби!», – промелькнуло у него в голове.

– Ириш, успокойся, я ж сказал – завтра.

– Да пошёл ты! – Ирка гневно зыркнула на него, повернувшись на каблуках, стремительно выскочила из магазина.

По отделу укором расплылось облачко парфюма.

«Коко Шанель», – автоматически определил парень, вспомнил, что точно такой же аромат дарил матери на юбилей.

Минуту спустя Юрка был на пути к дому толстухи. В голове зрел план мести. Это ж надо, оплеуху закатила, деньгами швыряется. Парень вспомнил непрезентабельную обстановку её невеликой квартирки. То же мне, богачка нашлась.

Анна жила в двух кварталах от художественного магазина. Юрка за последний месяц прекрасно ориентировался в перетекающих друг в друга и разливающихся рукавами, словно река, переулках, которые вели к дому Мاستихина.

Заходя в подъезд, код от которого хорошо запомнил, почувствовал, что волнуется, как школьник.

«Спокойно, просто поучу дамочку почтению», – отгонял он от себя навязчивую мысль, что очень хочет видеть Анну.

– Ты? – дверь открыла хозяйка в перепачканном красками фартуке, пухлые ручки тряпкой пытались оттереть цветные подтёки с запястий.

– Работаешь? – Парень заметил, что они запросто перешли на «ты».

– Этюд заканчиваю со светотенями. Блики опять не выходят, – она посторонилась, пропуская его в квартиру.

– А белила подмешиваешь? – он, не церемонясь, прошёл в комнату.

Комната с мольбертом посередине, разбросанными вокруг бумажными эскизами, небрежно брошенной на стол палитрой красноречиво показывала борьбу хозяйки с непокорными све-

тотенями. Юрий по-деловому взялся за кисть и тут же, будто между ними не было никакой ссоры, начал подправлять этуод.

– Я же говорю, белил не жалей. Здесь, вот здесь. Ну а это уже лучше, – он указал ей кистью на удачное место. – Это уже кое-что. Тебе удалось передать пространство.

Он посмотрел на неё. Анна стояла рядом. Взгляд был слишком красноречив, чтобы продолжать что-то объяснять или выяснять, что происходило между ними.

Он сделал то, чего хотели его руки и губы помимо его воли и здравого смысла в эту минуту. Анна не сопротивлялась. Тёплая волна захлестнула обоих.

5.

– Я жениться должен, – сказал он ей за завтраком.

– На той красивой девочке? – спросила она без тени волнения, подливая ему сливки в кофе.

– Не знаю, кому как. Ты не против?

– Нет, конечно, – Анна протянула ему густо намазанный паштетом бутерброд.

– Спасибо, я жутко есть хочу, – улыбнулся он ей.

– Может, тебе ещё яичницу быстренько пожарить?

– Нет, уже опаздываю. Значит, сегодня вечером продолжим этюды? – он притянул её к себе, жадно потянул носом её тёплый, ещё пахнувший сном аромат.

– Сегодня не получится, – она ерошила ему волосы и тихонько целовала в затылок.

– Почему? – он поднял на неё разочарованные глаза.

– Сегодня вечер занят. Премьерный кинопоказ. Я обязана быть, – улыбкой оправдывалась она на его немой укор.

– Ладно, завтра, – согласился он.

– Завтра, – Анна с трудом оторвалась от него.

– Всё, пора, – он залпом допил кофе. Проходя мимо мольберта, остановился, несколько секунд постоял, сощурился глазами.

– Ну и чего всё-таки не хватает в моем этюде? – подошла к нему вплотную Анна.

– Я скажу тебе завтра, хорошо? – он обнял её и снова жадно потянул носом её тепло.

– Я и так знаю, – она повернула к нему счастливое лицо.

Переулки были пустынными, в пастельных розовых пятнах от скользящих лучей восхода. Гулкое эхо, отражающееся от старинных особняков, весело повторяло его бодрый шаг. По дороге остановился у маленького, приютившегося на углу цветочного киоска, купил в тон утра пастельный розовый букет.

– Ты делаешь мне предложение? – округлила глаза Ирка. Она не торопилась принимать протянутые ей розы.

– Предложение, если мне не изменяет память, сделала ты мне вчера. А вообще-то, без разницы. Я за вчерашнее хотел извиниться.

– Правда? – Ирка подозрительно смотрела на него. – Я как-то не въезжаю, Юр, в перепады твоего настроения. Станный ты какой-то. Вчера глаза были бешеные, огрызался, сегодня весь светишься, как... – она искала сравнение и не нашла.

– Ну да ладно, принято, – она взяла букет с чувством удовлетворения, залюбовалась пышными бутонами. – Ты завтракал? У меня бутерброды есть. Хочешь?

Он отрицательно помотал головой и поспешил в подсобку. Больше всего ему в эту минуту хотелось одиночества. Хотелось не расплескать то состояние, которое поселилось в нём со вчерашней ночи. Такого он ещё не испытывал. Куда-то подевалась его вечная нервная неудовлетворённость всеми и вся, и, в первую очередь, самим собой. Ушла суета. Натягивая форменную одежду, он ухватил, наконец, за хвост ускользающую догадку. Да, именно, так. Он, будто взяв темп и настроившись на длинную дистанцию, вдруг неожиданно сошёл с неё, потому что цель оказалась гораздо ближе, чем он предполагал. Цель обрела конкретику. И он неожиданно быстро для себя получил то вожаемое, чего всегда интуитивно хотел, чему ещё не знает названия, и то, чего до сегодняшней ночи так вожаделел. И у этого желанного обречения есть имя, плоть, душа, запах, тепло, о существовании которого он ещё недавно не подозревал.

В подсобку стучались. Парень, на ходу цепляя бейджик, мельком глянул в зеркало на стене. Ирка была права. Он и в правду светился, как медный пятак.

– Открываю! – крикнул он двери и взялся за щеколду.

6.

– Ещё будешь? – Степан пытался контролировать ситуацию.

Они с Юрием сидели в Степиной съёмной комнате в коммуналке и приканчивали энную бутылку. Рулил всем процессом хозяин.

– Нет, так не делается! – возмущался Степан. – Что это за мальчишник такой? Сидим вдвоём и дуем водку. Нет, братан, надо было по-нормальному сделать, как люди делают: сауну заказать с девочками, с пивом. Вот это я понимаю. Женидьба – это дело такое...

Степан пытался держать внимание приятеля.

– Вот ты даже не представляешь, что это такое женидьба, – Степан икнул, – это такое... Это ж ты думаешь, что женишься на ней, на девочке-цветочке. А на самом то деле: на всей её родне ты, братан, женишься. На тёще, на тесте, на сестре, на её собаке, на её тётках, бабках...

– Вот ты скажи, – перебил его Юрка. Ему нужно было выговориться. – Ты почему женился?

– Почему? – Степану стало все труднее сосредотачиваться, язык не слушался, – потому...

Он уже не мог вспомнить – ни почему, ни когда.

Юрка плеснул в стопки ещё горячительного, залпом выпил.

– Вот ты послушай! Эй! Не спать! – потрянул он его за плечо.

– Ты женился, потому что девчонка тебе подходящая, красивая, интересная попалась. И это правильно. И хорошо. И так у всех. Я тоже женюсь, понимаешь, на подходящей, красивой, интересной, классной девчонке. У нас ребёнок будет.

– Да? Уже? – очнулся Степа. – Ой, это ж..., за это ж выпить надо!

У Степана открылось второе дыхание.

Он засуетился и достал из-под дивана очередную бутылку.

– Да, ребёнок...

Юрка задумался.

– Но ты мне прямо скажи, ты жену свою любишь? Или живёшь потому, что так все живут?

– Ну не знаю...

Степан почесал затылок, потянулся к стопке.

– Ну, представь, Юр, я её мамаше так спокойно говорю, у меня футбол, говорю, сегодня, полуфинал, я всю неделю ждал, вечер освободил. А она, Юр, представь, как завизжит. За картошкой в деревню езжай, говорит. Ну ты представляешь, Юр? А ты спрашиваешь ещё...

– Вот и я говорю, – подхватил Юрка. – Женитьба – одно, а любовь другое. И вот... повезло мне, выходит, приятель. Счастливый я билетик вытащил.

– Да! Ирка – без вопросов! Всё при ней! – Степан искренне радовался за друга.

– При чём здесь, Ирка! – удивился Юрий. – Так ты меня не слушаешь, что ли?!

– Не понял, – виновато развёл руки Степан.

– Женщина у меня есть любимая, объясняю тебе. Понимаешь, ну всё, ну совпало у меня с ней всё, понимаешь? А у неё со мной. Я дожил почти до тридцати лет, а не знал, что так бывает.

– Ну да! Ну ты даёшь! – восхищённо смотрел на него Степан. – И как же ты теперь, с двумя будешь, что ли?

– Разберёмся, – Юрка потянулся за сигаретой.

– Слушай, а фотка есть твоей подружки? Посмотреть охота на бабу твою, что Ирку обошла.

– Нет, фото у меня нет, – удивился вопросу Юрка. – погоди!

Он взял окурочек и прямо на разложенной на столе салфетке несколькими ловкими штрихами обозначил женское лицо.

– Ну как тебе? – глаза парня сияли.

– Ну, тебе видней! – Степан ушёл от ответа. – Короче, давай за твоих женщин выпьем!

Они выпили ещё по одной, и ещё по одной, и ещё...

– И всё-таки, – погружаясь в дремоту, бормотал Степан, – ты того... не спеши... две тёщи, два тестя, две собаки...

7.

– А ты уверен, что так правильно? – Анна сочно хрустнула яблоком. – На выставке на всех полотнах буду я. И в беседке, и в саду, и на пленэре с яблоками, и на тахте ню тоже я.

– Ань, не ешь, пожалуйста, натуру. И не меняй позу. Потерпи. Тебе не холодно? – Юрий подошёл к ней, лежащей на тахте, с наброшенной на бедра простыней. Заботливо подоткнул под спину подушку.

– Нет, ты ответь на мой вопрос, – Анна хитро прищурилась. – Так разве можно?

– Художникам всё можно. Ты ведь моя муза. Моё вдохновение. Я с тобой остановиться не могу. Меня просто разбирает на работу, понимаешь. Не верти головой, Ань.

– Ой, – ещё через полчаса заныла женщина, – плечи затекли, шея отваливается. И кушать страсть как охота.

– Ладно, не хватало, чтоб ты похудела. Где я ещё такие формы найду, – смеялся парень, – да и нос у тебя уже фиолетовый. Одевайся.

Анна, с удовольствием потянувшись, облачилась в байковый халатик, с любопытством подошла к рабочему холсту.

– Неужели это я?! – ахнула женщина. – Такая красивая!

– И здесь я, и тут опять, и везде-везде я, – указывала она по очереди на прислонённые к стенам законченные и незаконченные работы, заливаясь счастливым смехом.

– Ну я же говорю, ты моя муза, – Юрий вытирал кисти. Её веселье передалось и ему.

– И как же мы назовём эту коллекцию, посвящённую мне? – она стояла перед ним, счастливая, прехорошенькая, раскрасневшаяся от смеха.

– Подумать надо, – он залюбовался ею.

– И всё же, – продолжила она на кухне, куда они перебрались на ужин, – меня мучает совесть, Юр. Ведь это неправильно по отношению к твоей будущей жене.

– Ань, не порть нам вечер, – он приложил палец к её губам. – я сам во всём разберусь. К тому же я обещал ей жениться, а любить её не обещал.

Они молча начали ужин. Каждый думал о своём.

– Слушай, я, кажется, придумала. – прервала молчание Анна, – я ведь профессиональный журналист. Я буду прессой на твоей, нет, на нашей выставке.

– Короче, – на Анну снизошло вдохновение, – рекламу в Инете и в газетах беру на себя. Ещё позвоню старинной приятельнице. Она на канале «Культура» работает. Соберу своих самых преданных журналюг-однокашников. Да, самое главное...

Глаза Анны распахнулись и отразили свет абажура.

– Что же самое главное? – Юрий с улыбкой ждал продолжения.

– Прости, но главное на выставке не картины.

– Неужели?

– Поверь мне. Я журналист с опытом. Бывала и на выставках, и на премьерках, и на показах мод. Главное на всех этих мероприятиях для публики – это вот, – Анна торжественно подняла над головой вилку.

– Не понял.

– Ну, Юр, ну что тут непонятного? Главное – этих самых зрителей потом хорошо накормить! Фуршет нужно будет организовать. Вот. Это я беру на себя. Я их так умаслю – они у нас потом напишут такие отзывы! – Анна замычала от предвкушаемого удовольствия.

– Что бы я без тебя делал? Пропал бы, – привлёк он её к себе.

– Кстати, Юр, – не теряла она своей деловитости, – ты подумал, в чём будешь на своей свадьбе? Мы же ничего ещё тебе не купили. Тем более, если б хороший костюм ты надел ещё и на выставку... Ну что ты хмуришься? Ну прекрати.

Юрка потянулся за сигаретой. Открыл оконную фрамугу.

– Юрасик! – она ластилась к нему. – Ну чего ты?

– Ладно, – приобнял он её, – когда в магазин?

– Слабо сейчас? Да-да, прямо теперь и пойдём. Я знаю тут рядом чудный магазинчик. ещё не поздно, ну давай, Юр, сам потом спасибо скажешь.

Ему нравилось отдаваться её заботе. Его успокаивали, заволаживали её воркующие грудные нотки, её мягкие движения.

Он подчинялся её необъяснимой чарующей власти над ним, природу которой не мог и не хотел объяснить.

– Я готова, – появилась она перед ним через пару минут уже прибранная, причёсанная, готовая к выходу, в лёгком летнем плаще-балахоне, нетерпеливо постукивала каблукком.

До обещанного магазина добрались быстро. Анна всю дорогу весело щебетала, предвкушая удачный шоппинг.

– Вы сына жените? – простодушно спросила продавщица, едва они переступили порог магазина. Анна опешила, на какое-то мгновение смешалась. Куда девалась её беззаботная весёлость? В глазах отразилось страдание. Но она справилась с собой и деловито принялась объяснять злополучной продавщице свои требования к костюму.

– Ещё нам нужны туфли, рубашки, бельё. Да, сынок? – она соорудила такую забавную гримасу, что Юрка прыснул от смеха. И на глазах у ошарашенной консультантки сгрёб Анну в охапку и поцеловал её в усмехающиеся губы.

8.

– Молодой человек! – за бесстрастным голосом последовало сухое рукопожатие. – Рады знакомству. Спасибо, что оно состоялось хотя бы накануне, а не после свадьбы. Ирочка опаздывает, вся в примерках, ну мы всё же постарались к открытию выставки. Поздравляем.

Чета родителей невесты, чинно прохаживаясь по залу, подошли к Юрию. Даты двух важных событий в жизни художника по стечению обстоятельств следовали одна за другой. И в этой

суматохе знакомство с родителями проходило в экстренном порядке.

Они были приглашены на выставку, открывшуюся стараниями Анны в одной из центральных галерей города. Уж она и постаралась! Арендовала весьма просторный зал, в другом были накрыты фуршетные столики. Она ещё хотела пригласить ансамбль музыкантов для фона, но парень посчитал это нескромным и отказался.

– А почему такая тематика ваших работ? – вторя сдержанным интонациям супруга, спросила мать невесты, сухопарая дама с неподвижными скулами.

– Да-да, любопытно, – подхватил будущий тесть. – Само название хорошее: «Весенняя рапсодия». И на ваших полотнах цветение сирени, много зелени, но...

– Я не люблю объяснять словами то, что уже сказал красками, – прятал за улыбкой раздражение Юрий.

– Но всё-таки героиня ваших полотен, мягко говоря, не вписывается в канву весны, – продолжала гнуть свою линию будущая теща.

– Позвольте с вами не согласиться, – неожиданно на выручку Юрке пришёл его бывший однокашник Борис, – тема красоты весьма спорная, субъективна тема, – он широким жестом указал на центральное полотно. – Обратите внимание, здесь у художника и композиционно, и цветово примиряются два начала: плоть человеческая, так сказать, плотская красота и дух земли, его весеннее дыхание...

– Извините, я знаю толк в живописи, – прервала его теща. – Мы с мужем бывали и в Дрездене, и в Милане, и во Флоренции в знаменитых галереях. Но, молодые люди, умейте выслушать и критику. В этой даме, кочующей с полотна на полотно, есть нечто спорное, если не сказать вульгарное. Простите, нечто близкое к натурализму.

– Разумеется, критика нам полезна, – незаметно дёрнул за пиджак побледневшего художника Борис.

– Но тем не менее поздравляем, – одними глазами улыбнулась теща и удалилась под руку с супругом в противоположный угол зала.

– Нет, правда здорово! Не ожидал. Такой мощный творческий рост! Познакомишь с натурщицей? – подмигнул Юрке Борис и тут же добавил серьезно:

– Слушай, приятель, ты, наконец, обрёл чувство меры, к чему тебя призывали на старших курсах. Искренне рад, правда.

– Не уходи сразу, обмоем, – ответил парень на похвалу. – А натурщица скоро придёт, познакомлю. Только у меня с ней контракт на эксклюзивное использование натуры.

– Даже так, – расхохотался Борис, – понимаю!

Время шло, зал заполнялся приглашёнными. Юрка был приятно удивлён таким наплывом посетителей. А народ всё прибывал и прибывал. Подсланные Анной интервьюеры по очереди задавали ему похожие вопросы.

Щёлкали объективы камер, образовывались кучки спорящих то у одного, то у другого полотна. Но той, которой он был обязан такой блестящей организацией, всё не было.

– Слушай, братан, извини что опоздал, – спешил к нему запыхавшийся Стёпа. – Ну ты даёшь! Супер, как классно нарисовал!

Стёпка ещё поискал в своём заглазнике одобрительных эпитетов, но, не найдя ничего подходящего, выставил вверх большой палец.

– Правда понравилось?

Юрка искренне обрадовался Степану.

– Угу! – закивал охранник, – особенно вот эта.

Стёпка кивнул в сторону центральной работы, вокруг которой закипали нешуточные страсти.

Парни переглянулись и поспешили к спорящим.

– А я повторяю, что рубенсовский типаж в современном исполнении – это наш ответ загнивающему Западу, – тряс седой бородкой долговязый мужчина в очках.

Он явно был возбуждён спором с маленьким гладковыбритым фотографом, который оппонировал ему неприятным резким голосом.

– Но где здесь современность? Я не чувствую здесь пульса нашего времени, – выбритые щёки фотографа наливались

кровью. – И что вам Запад? Россия и так отстаёт от Запада на триста лет.

– А мне, русскому человеку, приятнее смотреть на живую русскую бабу в соку, с мясистым задом и большими сиськами, у которой всё, как надо, на нужных местах, чем на ваших западных гомосеков.

– Что? Да вы!.. – задыхался от возмущения гладковыбритый. – Да вы резонёр! Вы – враг прогресса!

– Да, такого прогресса Россия не допустит никогда! Свихнувшийся Запад с вашими дольчами и габанами никогда не возьмёт верх! – брызгал слюной бородастый.

Спорщики заводили разбившуюся на два лагеря толпу. Галерея загудела роем голосов. Казалось, ещё мгновение, и разразится нешуточный скандал.

«Русофилы и Западники», – промелькнули в голове у Юрки обрывки институтского курса.

– А давайте, друзья, всё же поздравим самого автора с таким шумным успехом! – вклинился между спорщиками вездесущий Борис и вытолкнул на середину художника. И сделал он это очень вовремя.

В наступившей тишине под прицелом многих пар глаз, устремлённых на парня, Юрий почувствовал себя неудобно.

– Bravo! – пискнул женский голос!

– Bravo! – повторили из толпы, дружно зааплодировавшей виновнику торжества.

Юрка ощутил, как загорелись его щёки и стал душить узел галстука. В груди заклокотало. От смущения не знал, куда девать глаза. Взгляд упал на картину, объект сегодняшней нешуточной дискуссии. С полотна ободряюще смотрели, согревали своим теплом родные глаза.

Юрий отвёл Степана в сторону.

– Не уходи, дождись фуршета.

– А скоро? – переминался с ноги на ногу Стёпка. – А то мне на смену сегодня.

– Сейчас, дождёмся главной героини, и сразу будет команда «фас» к столикам.

– Ирка придёт? – оживился Степан.

– Боюсь, что да, – Юрка уже не слушал его и в который раз набирал заветный номер. Абонент с самого утра был не доступен. Парень терял терпение.

– А женщина, заказавшая фуршет, ещё не приходила? – догадался спросить он у официанта, хлопчущего у столиков.

– Нет, не приходила, но мы по телефону связь держим, сегодня много раз созванивались, – с готовностью ответил официант.

– А когда последний раз разговаривали?

– Да пару минут назад – она дала команду вынуть шампанское из холодильника.

Юрий всё понял, отошёл от столиков, обдумывая свои дальнейшие действия, и опять вернулся к парню, занятому сервировкой ужина.

– А вы можете сейчас со своего телефона ей позвонить? – продолжал он свои разведывательные действия.

– Да, минуточку, – не отказал официант.

– А вот и я, – нежные ручки закрыли художнику глаза.

– Аня? – обрадовался парень.

– Аня? – с удивлением переспросила Ирка.

Это была она. Во всём блеске, допустимом канонами выставочного этикета: сияющая, нарядная, ухоженная, в коктейльном платье со стразами и на высоченных шпильках, взволнованная калейдоскопом приятных событий.

– Не поняла. Мне не рады? – Ирка источала столько довольства собой, вся была в предвкушении свадебного торжества, что огорчать её сейчас было бы преступлением.

– Иди, Ир, к родителям, я сейчас, – отослал он её и взял протянутую официантом трубку.

В трубке молчали. Он знал, как она умеет молчать. Но и это молчание волновало его, разливалось гипнотическими волнами по жилам.

– Ты где? – нетерпеливо начал он и, услышав в ответ то, что догадывался услышать, тут же прервал её фразу своим напором.

– Если ты сейчас не приедешь, то приеду я. Аня, что ты творишь? Ты ведь обещала.

Парень набрал в лёгкие воздуха, готовый разразиться длинной обличающей тирадой, как его дёрнули сзади за пиджак.

– Братан, – извиняющимися интонациями начал Степан, – ну это... когда кормить-то будут?

Одновременно в трубке раздалась короткая гудки.

– Слушай! – ухватился за приятеля Юрий. В эту минуту Стёпа был как нельзя кстати.

– Выручай, мне уехать надо срочно! Объяснись там, извинись за меня!

– Начинайте! – скомандовал он официанту и устремился к служебному выходу.

– Чего объяснять-то? – оторопел Степан.

– Сам придумай! – крикнул художник на ходу и исчез в проёме двери.

9.

В комнате стояла затхлая смесь спёртого воздуха и накопившейся пыли. Цветы в горшках отчаянно погибали. Юрий испытал укор совести. Ведь обещал матери навещать в их квартиру и следить за цветами. По заведённому годами обычаю, это было его обязанностью, пока мать была на даче. За последний месяц, который он прожил у Анны, Юрий был у себя дома лишь раз, когда завозил в квартиру несколько картин, не вошедших в выставочную коллекцию.

Он распахнул оконные рамы. Вечерняя свежесть ворвалась в комнату, прогулялась по запылённому подоконнику, взвила облачко пыли со стола и сдула лёгкую паутинку с картины, прислонённой к дивану.

На холсте нежной пастелью цвела сирень, спускалась к дрябым лазурным кистям к обнажённым плечам женщины, уютно расположившейся в шезлонге.

Алые лучи заката скользили по её томному лицу, нежной шее, по струящимся складкам платья. Он жадно всмотрелся в эти ямочки на полных руках, на небрежно повисшую ладонь, уронившую шаль. Он вспомнил, как долго добивался этой гар-

моничной позы натурщицы. Это была их первая совместная работа. В этом портрете он только ещё изучал эти прекрасные изгибы, эти ямочки, эту удивительную гибкость и пластичность Анны. Он вспомнил, как целовал эти сочные губы, шею, и тут же возвращался к мольберту, пытаясь передать влажную томность её губ, податливую бархатистость её кожи.

Удивительно, но ему лучше всего удалось ухватить распахнутость, открытость её взгляда. Его пронзила боль.

Именно так открыто Анна смотрела на него этим вечером во время их объяснения. Женщина говорила ровно, не путаясь, не сбиваясь. Будто выверила заранее, подготовила свой текст. Фразы звучали хлётко, попадали в цель. Анна целенаправленно добивалась своего: обезоружить парня его же мужским словом.

– Пойми, лучше это сделать сейчас. Ведь ты сам прекрасно понимал, что это когда-нибудь закончится. Мы расстаёмся, и вспоминать наш роман нам когда-нибудь будет легко и приятно. Я слишком уважаю тебя. И знаю, что говорю. Не перебивай, пожалуйста. Ты ведь не лукавишь в своих работах. И в этом твоя сила, твоя мощь. Люди всегда тянутся к правде, они полюбят твои картины. Тебя, верю, ждёт успех. Юра, и в жизни ты поступишь по правде. Должен поступить по правде. Именно за это я тебя и полюбила...

Юрий глубоко вздохнул, ему не хватало воздуха, он ослабил удавку галстука. В голове плыли знакомые интонации.

Она говорила, говорила... Слова стали более хлёткими. Она достигла цели, задела его за живое. Ведь знала, чем его можно обезоружить. Анна была хорошим психологом. И этот её холодный расчёт в разговоре с ним он ей никогда не простит.

Юрий машинально вертел в руках мастихин, забытый на столе. А ведь он его разыскивал. Это был импортный качественный инструмент.

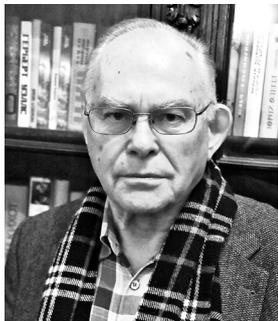
Парень подошёл к картине, поднял её перед собой на уровень глаз. Сирень бесстыдно цвела всей роскошью прошедшего мая.

Ему стала невыносима безмятежность этой откинутой назад головки, этих глаз, которые ещё совсем недавно поверяли ему

свои сердечные тайны. Он с силой ударил по холсту сжатым в ладони мастихином. Холст задрожал. В груди проснулся звериный азарт. Он ударил ещё сильнее. Натянутый на подрамник холст, жалобно пискнув, затрепал.

Парень с злорадным торжеством продолжил своё варварское действие. Он бил по розовой шее, по смеющимся губам, по струящемуся шёлку некогда любимого им платья, кромсал в крошки розовую полосу заката. Через время опомнился и, так и не выпуская мастихин из сжатого кулака, бессильно опустился на пол перед изуродованным холстом. Из порубленного месива продолжали сиять пастельной нежностью распахнутые глаза, в которых не было и тени упрёка, а читалась одна лишь живая правда.

Марк КАЗАРНОВСКИЙ

Марк Яковлевич Казарновский – прозаик. Родился и вырос в Москве, работал на Дальнем Востоке. Занимался биологией моря. Кандидат биологических наук. Член Московской городской организации Союза писателей России. Автор более 20 книг.

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА

СТАРАЯ СОБАКА

По трассе № 12, мимо городка Верной-сюр-Авр (чудесного, с сохранёнными старыми домами XVIII–XIX веков) можно проехать к многочисленным «хуторам». Так я бы их назвал. Но здесь это – фермы.

Начало Нормандии, одним словом. И редко у фермы не встретишь лошадей. Пасутся. Фыркают. Иногда старается лягаться.

Вот на такой хутор я еду. Хутор, как и все хутора, тихий, уединённый. Мой же ещё и почти заброшен. Может, поэтому я его и выбрал. Но скорее всего – стечение обстоятельств. Просто я разбил на кухне стакан. Стакан стоял в холодильнике, и я неловко, воруя кусок колбасы, задел его. Стакан – вдребезги.

Супруга же моя, нечего грешить, ангельской души, но когда на кухне беспорядок, то ей это очень не нравится. Даже уже за несанкционированное проникновение в холодильник я должен был бы получить серьёзный выговор, а тут – стакан разбитый. Да стекло на полу. Я его, конечно, убрал, но, безусловно, не так. И всё – не то. И помощи – никакой. А разгильдяйство – всё вокруг меня. На уме одни тётки (мягко выражаясь). И ещё раз – никакой помощи.

Всё это услышать от ангела души моей было грустно. И даже – нестерпимо.

Поэтому я решил на время поселиться на почти заброшенной ферме близ Вернона. Думал же я о том, что россиянину вообще свойственно стремление к уединению. Сколько старцев проживало на Руси по скитам, землянкам, заимкам, пещеры тоже были. И все старцы почитались. Что старец Зосима. Что Никодим. Что Сергей. Что Кузьмич. А на Валааме! На Соловках!

В России что ни отшельник – то личность. Возьмите, например, Кузьмича. Томского отшельника, что жил в заимке у купца томского же. Почти выяснилось – это Александр I, благословенной памяти.

* * *

Я ехал в своё отшельничество и о нём, Александре, думал. Мне казалось, что судьбы наши несколько схожи (кроме происхождения и убийства отца). Александр I уважал Наполеона. И я – тоже. Александр говорил по-французски легко и грассировал отменно. И мне это – пристало.

Александр увлекался дамами и даже гулял в Мальмезоне с Жозефиной. И я – увлекался. Но до уровня Жозефины не поднимался. В том смысле, что не было в моё время Жозефин. Ау, где вы, Ваше Императорское. И так далее.

Александр смотался, может, от своей супруги. И я – в какой-то мере.

Поэтому я себя утешал. Ну ладно, не будет у меня русского телевидения. (Я уже привык во Франции смотреть сериалы. Особенно про реку – 184 серия. Правда, я напрочь забыл 183 серии).

Не будет и ангела моего, что готовит мне борщи и котлетки. И ладно, нужно в отшельничестве пострадать. И вина, вероятно, тоже не будет. Думается, что и наши отшельники в России не очень-то романец распивали. В общем, надо держаться и жить. И ещё я решил – никому никаких адресов. Иначе российские эмигрантские люди, прознав про меня, старца, потянутся. Знаю, знаю.

Мол, как документы выправить. Да как квартиру получить. Думаю, что некоторые вообще мне предложат:

«Негоже, старец, тебе одному. И постирать, и приготовить, и спину потереть некому. Вот я и останусь, в услужении твоём буду находиться и мне утех парижских – без надобности».

А я – слабовольный. Только дай слабины – вот коготок и увяз.

Поэтому утвердился в решении – адреса не давать, а отшельничество переживать в спокойствии, в ладах с природой и любви к окружающим. Благо, все окружающие были не близко.

* * *

Но окружение было. Через несколько бессонных ночей я понял, что не даёт мне спать. Под крышей жили зверьки. Их было много, и они устраивали ночью такую возню, что спать было невозможно. Вначале просто неудобно. Однажды утром я зверьков увидел. Двое выскочили из-под крыши, пробежали по забору и исчезли. Чуть больше белки. Круглые уши. Большие глаза. Пушистый хвост. После этого я бояться их перестал.

Были и четыре курицы. Я о них уже писал и даже получил замечание от одной дамы – явно интеллектуала. Она, чуть щуря глаз, сказала мне: «По Фрейду, сударь, ваше пристрастие к описанию кур имеет очень чёткое объяснение – озабоченность сексуальная». И она победно улыбнулась.

День мой проходил размеренно и спокойно. Я даже успевал набрасывать кое-какие мысли. Хорошо, что всё уничтожил. Вот читатели бы смеялись!

Наладив быт, я подумал, что отшельничество при электричестве, газовом баллоне, холодильнике – не такая уж плохая штука.

* * *

Утро я организовал отменное. Кормил кур. Затем выносил кресло, ставил раскладной стул и начинался полный кайф. То есть, я пил первую чашку божественного напитка – кофе, которое я и молот и в турке кипятил. В большой фаянсовой кружке, сидя в кресле (если не было дождя – Нормандия!) я получал первый заряд бодрости.

Конечно, созерцание природы, мошек, букашек и птичек рождало и различные чувства.

То я вспоминал родителей. То – ребят нашего двора. Девушек. Даже жён. Иногда меня охватывало беспокойство, происхождение которого я долго понять не мог.

Пока неожиданно меня не осенило. Мне здесь чего-то не хватает.

* * *

Мне очень хотелось собаку. Уже прошло 5 лет, как из жизни ушёл мой любимый Джим. Я понял, что больше собаку заводить не имею права.

Мы, конечно, за них отвечаем. А у меня уже, по расчётам, так получается, что собака может остаться одна. И это страшно.

Но мне собаки не хватало. Я тосковал по ней. И знал, что уже никогда не будет сопеть рядом с креслом мой пёс с агатовыми глазами.

Вот что часто мелькало в моих кофейных фантазиях рано утром. Кё фер!

* * *

Однажды утром пил я вот так свой утренний кофий. Туман. В Нормандии осенью по утрам всегда туман.

Думал, что на самом деле нужно бы знать молитвы. Раз отшельник. И произносить их потихоньку, прося мира и любви ближним и покоя душам усопших.

Туман тихонько рассеивался, и я неожиданно увидел силуэт собаки. Большой чёрный пес, слегка посеребрённый туманной влагой, появился из ниоткуда. Стоял в воротах моего участка (всегда открытых) и пристально на меня смотрел.

Наваждение – первое, что я подумал. Но «наваждение» тихонько двинулось ко мне. Медленно, но – я видел, – без особой опаски.

Это был большой чёрный лохматый пес, очень похожий на моего Джима. Не может быть! Этого просто не может быть!

Но оказывается – может. Ибо пёс потихоньку подходил ко мне. Вот и подошёл. Стоял передо мной, смотрел уже в ноги и даже хвостом не шевелил.

Я ужаснулся. Пёс был невероятной худобы. Просто скелет какой-то. Без ошейника. Всё это было не странно, а просто дико. Во Франции бездомных собак нет. (Невольно вспомнил стаи наших, российских бездомных, которые боролись за жизнь в парке Измайлово).

Пёс был так худ, что я боялся до него дотронуться. Но всё решается ведь просто – была бы еда. Еда была. Я отдал свои запасы котлет, сосисок, свиные ребрышки и две отбивных (неплох был рацион отшельника). Делал всё это я не сразу, а постепенно. Уже рёбрышки он доедал на кухне. Затем выпил огромную миску воды и вновь стал на меня смотреть. Правда, немного покачивался и глаза почти закрывались. Я всё понимал. Помнил, как мой Джим, нагулявшись, приходил на дачу. Ободранный. Грязный. Голодный.

Но мой пришелец на гулёну похож не был.

Как бы то ни было, я встал и подошел к креслу. «Давай иди спать», – сказал я псу по-русски. Уж не знаю, что он там понял, но тяжело взобрался в кресло и тут же уснул.

Вот вам и «рождественская сказка» – «мальчик» получил подарок, о котором мечтать-то мечтал, а вот реализовать мечты уж точно не имел права. Но – реализовалось.

* * *

Прошло затяжная осень. И зима с дождями, мокрым снегом – прошла. Жизнь моя, конечно же, изменилась. Как изменился и пёс. С ним хлопот особых не было. Он быстро поправился. Ел аккуратно.

Утро мое теперь начиналось с того, что кто-то дышал мне в щёку, нос или вообще – в лицо. Я просыпался и видел на подушке кожаный пяточок с двумя дырочками – нос собаки. Так деликатно она требовала прогулки. Нужно было его и назвать как-то. Я остановился на самом обиходном – «Рекс». Чётко,

резко и коротко. К моему удивлению, пёс сразу всё понял. Мол, Рекс так Рекс. И вообще, довольно быстро освоил команды на русском языке. Эх, если бы я так же легко освоил французский. Да, вероятно, для этого нужно сделаться собакой.

Для очистки совести я объехал близлежащие фермочки (хутора). Часть из них явно не жилые. В остальных хозяева приветливо отвечали, мол, никакую собаку не теряли, никто не убежал и не прибежал. Мол, спите спокойно, дорогой сосед.

Я и стал спать спокойно. Тем более что пёс голос подавал. Когда в ночи подбегала к дому лиса или хорек, либо какой другой ночной тать.

Голос у Рекса оказался хороший. Глухой немного, но хорошего тембра рык.

Куры успокоились. И даже стали довольны: ведь теперь, когда появлялась лиса, чтобы скрасть или кого-нибудь из них либо яйцо, раздавался защитный рык и лиса убегала от греха подальше.

Правда, в магазинчике, что был в поселке типа деревни, отметили – я стал брать больше продуктов, и особенно – мясных. Отбивные. Кости. Любопытная мадам Стелла, владелица мясной лавки, так ненавязчиво интересовалась: «Что же это, у вас видно прибавление на ферме? Пусть бы дама приехала, я ей вырезку уж точно со скидкой бы отпустила. Хорошо всем известно, ни один мужчина, особенно одинокий, никогда мяса не выберет. Подружка всегда его критиковать будет». (Права лавочница Стелла. Получал, получал я критику за неудачные продуктовые закупки. Да когда это было! До затворничества. А затворничество, я понял, это и есть самое ценное – воля).

Вот так мы и жили. Теперь – с Рексом. И так это было счастливо, что я постепенно потерял счёт дням, затем – и неделям. И месяцы я уже отмечал, как homo sapiens первобытный. Подул ветер – холодно. Значит, ещё январь или февраль. А вот запахло тёплым ветром Атлантики. Значит, уже март или апрель.

Я по своей привычке мелкого интригана лавочнице Стелле не сказал истиной причины увеличения закупки продуктов,

а туманно намекнул, мол, «да, жизнь моя течёт и катится, кто не любит и не пьёт, тот спохватится. Это как природа, мадам Стелла».

«Да, мсье, – отвечает любезная дама, – но природа, заметьте, пустоты не терпит». – И при этом загадочно на меня посматривала.

Кстати, вот что я никогда не покупал, это яйца. Куры мне их исправно приносили, устраивая гнёзда для кладки прямо под окнами. Я с утра в окно глядел – эх, молодцы, ещё три яичка. И делал свежайший омлет для себя, а теперь и для Рекса.

* * *

Звонки из дома стали не очень частыми. Знакомые (а себя они именовали друзьями) звонить перестали. Жена сказала мне всё, что думает обо всём этом. Я стал даже забывать, какой год. Телевизор не работал вовсе. Радио – не было.

И поверьте, если бы наступил, как все предрекают, конец света, я с Рексом и курами узнал бы об этом последний.

Но весна и начало лета наступили неотвратимо. На мой затхлый пруд прилетели утки. Крякали, несли яйца.

Куры шептались: ещё, мол, мигрантов Бог послал. Да есть ли у них документы? Рекс же не убежал. Когда я в кресле – он рядом. Когда я на диване – он в кресле. Когда я на улице – Рекс рядом.

* * *

А летом вот что произошло. Вроде бы и ничего, просто приехала машина к нежилой фермочке, что в километре приблизительно от меня. Я обратил на это внимание, потому что Рекс вдруг завизжал и, оглядываясь на меня, побежал по тропинке к этим домикам.

Я пошёл следом. А так как Рекс, уже быстро бегать не мог, так же как и я – ходить, то я подошёл к дому почти с Рексом одновременно.

Уже по поведению Рекса я всё понял. Он не лаял, а скулил и подвывал. То переходил на бег, а когда уставал, шагал быстро. Немного задыхался (как и я).

Я понимал: приехали люди, которых он хорошо знал. От ворот я встал чуть в сторонке. Приехавшие носили вещи.

Хорошенькая дама, явно хозяйка этого поместья, громко закричала «Дети, Поль, идите скорее! Смотрите, наш Брет явился!».

Рекс сидел на тропинке недалеко от машины и скулил не переставая. Видно, хотелось ему рассказать, как он холодал и голодал здесь. Как никуда не уходил, и только уж когда решил умереть – ушёл от дома. И как ему повезло – он остался жить. И как все снились ему: и хозяин Поль, и хозяйка, и две девочки.

«Вот, – звонко кричала хозяйка, – а ты говорил, мол, давно, наверное, помер! А он вон какой, живой и здоровый. Ну, Брет, ты молодец! Дети, быстро в дом! Мыть руки и “а табль”! Поль, брось эту сумку, потом занесём. В дом, ребята, есть чертовски хочется!».

И вся семья исчезла за дверью. Рекс было двинулся к двери, но войти не успел. Дверь закрылась.

Я тихонько отошёл подальше, чтоб меня не было видно и посвистел Рексу. Но Рекс сидел у крыльца, неотрывно глядя на дверь. Я решил немного подождать.

И был вознаграждён. Через час я увидел Рекса. Совершенно другая собака уходила со двора фермочки. И хвост, и уши, и голова – всё было опущено. Он брёл просто спотыкаясь, очень медленно. Но ни разу не обернулся.

Дома я его обнял и увидел – он плакал. По шерсти морды просто шли две влажные дорожки. Почему-то заплакал и я.

Заварил чай. В миску Рекса положил кусочек мяса. Рекс есть не стал. Только пил.

Как всегда на ночь Рекс забрался в кресло около моей кровати. Было тихо и грустно. Я его погладил и сказал, что нужно всё забыть.

Ведь ему не очень-то уж плохо со мной. Рекс тяжело вздохнул. Дом мой затих.

* * *

Утром я увидел Рекса в кресле. Он не вставал. Он умер. Я похоронил его недалеко от дома. Положил много камешков на могилу.

И неожиданно собрался. Уехал. Я боялся, что встречу эту весёлую семью с хозяином Полем, хозяйкой и девочками, что приехали на лето в свой дом.

РЕВОЛЬВЕРЧИК

В 1945 году мне было двенадцать лет. Возраст, сами понимаете, весьма ищущий. Тем более когда «молодой человек» представлен самому себе, да и война только что кончилась, и жизнь каждый день обещала интересные открытия, происшествия, встречи. Всё это в нашей мальчишеской сразу послевоенной жизни и происходило.

Я дружил в то время уже несколько лет с Борькой Ефимовым, соседом по нашей квартире. Когда мы вернулись в 1943 г. из эвакуации, одна из комнат оказалась заселённой семьёй Ефимовых: Борькой и Лилькой и их родителями, имён которых я не помню. Помню, что сам Ефимов трудился где-то рабочим. Это был тихий, сутулый человек и, как говорили, очень старый член партии. Супруга его была шумливая, толстая. Я сразу подружился с Борькой (были мы одного возраста), и Борька ввёл меня в жизнь двора, что было очень немаловажно в те суровые и, увы, уже далёкие времена.

Дворы, очевидно, в целях высшей безопасности, все были поделены заборами, и к домам можно было подходить только с одного «парадного» входа. Это создавало определенные трудности взрослым при передвижении на остановки автобусов и трамваев (а троллейбусы еще были не столь распространены). Это было неудобно и всем нам – жителям дворов.

Всё это я говорю к тому, что заборы, разделяющие дворы, были поставлены для того, чтобы их преодолевать. То есть в

каждом заборе было бесконечное количество дырок, щелей и проходов, которыми публика российская, вернее, советская, весьма активно пользовалась.

Так вот, Борька ввел меня в общество нашего дома по ул. Карла Маркса, ныне Старой Басманной. Двор для мальчика был материей первостепенной. Здесь мы находили себе друзей и врагов. У людей старшего поколения здесь также возникали порой взаимные симпатии. Очень опасно было быть отторженным от дворового общества. Куда тогда деваться? Ведь в другой-то двор не пойдёшь. Там другие ребята, другие порядки, другая республика.

Наш двор, благодаря старшим ребятам, бывшим нередко уже ворами или хулиганами (некоторые из них отсидели несколько лет в тюрьмах), так вот, наш двор по ул. Карла Маркса был на хорошем счету, то есть с ним считались. Это было очень важно. Например, пойдёшь ты, скажем, в сад имени Баумана, и, конечно, привяжется к тебе шпана Ты и говоришь:

– Чё вы, ребята? Я с дома 20, не знаете, что ли? Я Витьку скажу, ежели что!

И облегчённо вздыхаешь, когда кто-нибудь отвечает:

– Сразу бы и сказал, что из двадцатого, а то молчишь, как партизан. Витьку привет передавай от Левки-зайца.

Да, читатель, жизнь – есть борьба. Жизнь во дворах у нас была насыщенная. Мы играли. Игры были три: две летние и одна – всесезонная. Летние – пристенок и расшибалочка или «расшиши».

Играть в расшибалочку очень просто. Нужно иметь немного мелочи по 10, 15, 20 копеек и хорошую монету – чаще всего царского производства – пятак медный. Дальше – меткость глаза, ловкость рук и никакого мошенничества. Стопкой ставятся на кон монеты играющих. Затем все кидают свои биты. Чья ближе легла – тот и бьёт первый, далее – по очереди. Перевернул своей битой монету на «орла» – она твоя. А ежели при метании попал в кон, те. в стопку монет – они все твои. Я играл азартно и выигрывал хорошо. У меня была замечательная бита – пятак времен Петра Великого. Выигранные деньги

(если их сразу не отнимали старшие ребята) частично откладывались на последующие игры, частично шли на газированную воду. Какая это благодать – всей толпой ребятишек дойти до угла Разгуляя, там, где была булочная и парикмахерская, и попросить у тётеньки:

– Два с морсом, две простой и одну без газа.

Угощать мне нравилось.

Другая игра – пристенок – была совсем простая. Ты бьёшь ребром монеты об стенку, а другой бьёт тоже. Ежели большой и указательный палец дотянутся до монет – они твои. Меткость глаз – ловкость рук!

Опасности при этих играх были две: взрослые ребята, которые могли под предлогом участия отобрать все деньги (отобрать деньги просто так, за «здорово живёшь» считалось беспределом и могло быть наказано); и родители или знакомые родителей, которые сообщали:

– Маруся, твой-то оглоед на деньги играет!

– Ах, он, такой-сякой-разэдакий! Ну, я ему покажу! Колька (или Витька или Левка), а, ну, домой, да живо! Смотри, выйду, всем уши пообрываю!

Колька, Витька или Левка, гундя, шли на расправу. А мы, кого кара пока не коснулась, довольные шли куда-нибудь.

Третья игра всесезонная – футбол – занимала нас с утра до вечера. Зимой гоняли консервную банку: все носили валенки и было не так больно или совсем не больно, когда она ударяла. А летом строили мячик. Для этого все собирали мамины и других женщин чулки разного достоинства – конечно, те, которые уже выбрасывались – из них делался комок, он плотно обвязывался и превращался в подобие мяча. Хватало его, по сухой погоде, на две-три игры. Вот и футбол нашего детства.

Кстати, о том футболе. В коридоре нашей квартиры стояла «тарелка» – чёрный рупор – из которого неслась музыка, победные военные сводки, читаемые Левитаном, шли великолепные передачи: «Дети капитана Гранта», «Путешествия на воздушном шаре» и другие. Вадим Синявский вёл репортажи о футбольных матчах. Тогда то, в 1943–1944 гг. я стал, в противовес Борьке,

ярому поклоннику ЦДКА, болеть за «Динамо», которому и не изменяю уже вот сколько лет.

А с сентября начиналась школа. Она была хорошая, класс был очень приличный, учителя – вне всяких похвал. Мы их часто вспоминаем с большой теплотой и любовью.

Вот со школы и началась эта коротенькая история.

Тогда, в 1945 победном году, было много трофейных вещей. Кому повезло – тем привозили. Вот Борьке Лилькин жених-подполковник подарил часы-бочонок с двумя крышками, а на них лошади. Комар, то есть Толик Комаров, принёс фотографии солдат-немцев в их публичном доме. Фотографии были очень чёткие, и мы с замиранием их рассматривали.

А однажды на переменке Юрка Жучок вдруг остался в своём соседнем ряду, сидит и щёлкает. Сидит и щёлкает. Я тут же подсел, попросил его показать, чем он щёлкает, и... обомлел. Щёлкал Юрка курком настоящего револьверчика. И дал мне его подержать. Да, тяжёлый, настоящий, написано «Браунинг». Бог мой, револьверчик! Моя ребячья душа взвыла от желания, зависти и разных прочих чувств – револьверчик! Я к этому времени прочёл уже Островского «Как закалялась сталь». И завидовал герою, который из своего парабеллума убивал бандитов и вообще – что это за мужчина без оружия?

Комбинация родилась тут же. Юрке Жучку за револьверчик были предложены немецкие часы. Юрка коммерческое предложение обещал обдумать. У Борьки его часы-подарок были мною взяты, якобы для каких-то неотложных нужд на один день.

Часы были показаны Юрке, и обмен состоялся. Борьке же было доложено, что часы отняли ребята в Доброслободском переулке. Они были оценены, и я обязывался на эту сумму поить Борьку газировкой по его требованию, а часть денег – отдать наличными. Они, по моим расчётам, должны пойти от моих завтраков. И свершилось! Мой револьверчик! Я его изучал, разбирал, целился. Изображал. Радости ну просто не было предела!

А шла уже глубокая осень. Темнело рано. Дворы пустыли. И само собой вошло в ум действие. Нужно ограбить кого-нибудь или что-нибудь. Тем более, вот он – револьверчик. На са-

мом деле – время бежит, а ещё в жизни ничего не сделано. Вон, Толик Улыбышев из дома 22 уже вышел, два года сидел. Витек Баев – вышел, вставил себе стальные зубы и открывает бутылки «Жигулёвского» зубами. А здесь – даже привода, пустяшного привода в милицию – и то не заработаешь. Надо, надо создать такую небольшую бандочку и – вперёд.

Впрочем, может, я эти слова про банду конкретно и не говорил, но Борьке все разъяснил. Он понял, отнёсся с уважением и после долгих раздумий принёс финку.

– Вот, это моя, – сказал он с затаённой гордостью.

Оставалось нам найти ещё одного, третьего. Зачем он нам был нужен – я не знаю, но как-то двое – это всё-таки не банда, а так – шпана, воришки.

Третий обсуждался долго, масса претендентов на «криминал» была отсеяна, оставался наш сосед по подъезду, живший на восьмом этаже. Звали его Алик, во дворе его звали – Олег. Мы с ним особо не дружили, да и во дворе он как-то мелькал редко, но на наше предложение откликнулся сразу и сказал, что у него есть кастет.

Тёмным ноябрьским вечером, эдак часов в восемь, криминал вышел в Гороховский переулок. План был прост и ясен. Клиента пугаем пистолетом и финкой, требуем и получаем деньги (а как же вы думали?!), в случае чего Олег – кастетом по голове, и жертву отпускаем. То, что нам придется бежать, мы и в мыслях не держали.

Как сейчас помню, шел снег с дождём, народу никого, только один прохожий и был. И он то нам и был нужен, тем более что сам к нам и подошел.

– Пацаны, как пройти на Разгуляй?

– Мы, те, дяденька, проводим. Здесь рядом.

Я мигал и Борьке, и Олегу. Всё складывалось удачно. Мужик взял меня и Борьку за плечи, да так, что и не пошевелинешься, сказал:

– Ну, пошли.

Мы пошли. С минуты на минуту я ждал удара кастетом Олега-Алика. Удара всё не было, на половине пути мы взмолились:

– Дяденька, отпусти!

Дяденька отпустил. И пошёл восвояси. Мы же с Борькой отдышались и осмотрелись. Переулок был пуст. Олега нигде не было. А шла маленькая девочка с нотами из музыкальной школы. Со зла и обиды мы потребовали ноты, а затем – калоши. Но я тут же вспомнил, как меня ругает мама за пропажу галош. Девочке всё вернули и вместе пошли домой – она жила в доме 22, в другом дворе.

После этого случая с «грабежами» было покончено навсегда. Револьверчик, в силу иных обстоятельств, снова вернулся к Юрке Жучку, часы Борькины я потерял, и пришлось мне его ещё долгие годы поить летом газировкой и отдавать деньги, полученные на школьные завтраки.

С Олегом мы встречались часто, но об этом случае не заговаривали совершенно. Куда он тогда исчез, мы так и не выяснили. А вскоре они вообще переехали.

Прошло пятьдесят четыре года ровно, как мы увиделись с Олегом-Аликом в моём новом доме на Большой Никитской в гостях у общей, как оказалось, знакомой. Сидели рядом. Случайно разговорились. И оказалось, что жил этот пожилой, благообразный с бородкой человек именно в той квартире на восьмом этаже, что и Алик.

– Вас в детстве не Олегом звали?

– Олегом, Олегом.

– А меня не помните? Я с Борисом жил на пятом этаже.

– Нет, не помню, – и он серьёзно посмотрел на меня.

Вспоминать мне больше не хотелось, да и ушёл я скоро с вечера.

ПЁС

Его долго пытались ввести, потом затолкать, а потом – просто втащить в клетку. Пёс, а это с ним проделывали эту мерзкую процедуру, был в панике, в страхе, он почти полностью потерял рассудок, и только огромное количество снотвор-

ного, сердечного и прочих каких-то отвратительных на вкус таблеток помогало ему в какой-то мере понимать хоть чуточку, что происходит. А происходит то, что его, его, которого все любили, и он всем платил добром и любовью, его куда-то отправляют.

Первое, что с ужасом мелькнуло у него – «на живодерню». Ему беспризорные псы много рассказывали о людях с мерзким запахом и отвратительного вида, которые ловят собак на улицах, в скверах, подъездах, у помоек, у гаражей и забирают, и увозят в машине на гибель. «Ну не может со мной так поступить моя Оля-подруга-хозяйка! И хозяева, которые куда-то испарились вдруг и надолго, и они тоже, ну, никак бы этого не позволили. Уж ежели это так, то на самом деле, лучше на живодерню, потому что после такого предательства жить нельзя». Но всё-таки, кажется, нет, мелькнуло в сознании пса. У клетки сидела Оля-подруга, уговаривала его не волноваться, потерпеть, она будет рядом. От страха он мало что понимал, но голос Оли его успокаивал, да и лекарства давали о себе знать; он стал задремывать, когда его тихонько повезли в багажное отделение.

Дремота приносила ему массу разных видений. Он вновь почувствовал себя маленьким, брошенным в дождь в кустах, в лесу щенком, и уже на пороге смерти вдруг чьи-то большие тёплые руки подняли его, посадили под пальто и начали отогревать. Так он и оказался у своих хозяев, с которыми беспечно и весело, но не без проблем, конечно, и прожил одиннадцать лет своей собачьей жизни. Хозяин его многому научил. Был он в меру строг, мог порой и поводком врезать, иногда и несправедливо: ведь его никто не стегает, когда он из холодильника берёт без спроса чудесную колбасу кровяную или докторскую с безумно вкусным чесночным запахом. Пес в дрёме даже хвостом вильнул, несмотря на своё бедственное положение.

А если он, пёс, на прогулке без спроса найдет вдруг почти обглоданный мосол или куриные кости, то скандал: «Нельзя! Ко мне, брось эту гадость!». Как хотелось псу иногда так же крикнуть и Хозяину во время его колбасных упражнений: «Нельзя, брось...», но грешить нечего, Хозяин его многому научил. Дру-

гие собаки, так называемые породные, брали блеском шерсти, окрасом, статью, ушами, хвостом, черте-чем ещё. А он брал, как и подобает существу, которое хочет во чтобы-то ни стало выжить, удержаться в этой жизни, он брал умом.

Он быстро понял все примитивные, стандартные команды: «лежать, сидеть, нельзя, лапу – левую или правую, голос». Научился считать до пяти, а если была колбаса или, того ещё лучше, ветчина, то и на разных иностранных языках. В последние годы освоил даже идиш и уже подошёл к ивриту, но вот напасть – Хозяин уехал.

Хозяйка была в меру бестолковая, как и все, очевидно, Хозяйки, но обладала несомненным достоинством – основное кормление собаки осуществляла она. Собака это знала, и когда Хозяйка, ворча, охая, причитая и ругая почему-то всех и вся, особенно Хозяина (ну ни за что, на ровном месте – пёс это хорошо видел), наливала в миску еду ему – это была благодать. И хозяйка в эти моменты была любима им беспримерно. А уж когда вместо постылой каши с витаминами, вместо супа без костей ему выдавалось мясо да кость-мосолыжка – вот тут уж восторгу не было конца!

Пёс в клетке снова вздрогнул, заскулил, задёргал лапами. Он во сне за кем-то бежал. А бежал он за своей подругой по дому, что на Большой Никитской, за ротвеллершей Евой. Ева была не в пример другим собакам этой национальности добра, покладиста, весела и толста. Всё это очень к ней располагало и он, пёс, проводил с ней массу гуляночного времени. Они прыгали, убегали к кустам, сплетничали о хозяевах, припоминая что-нибудь смешное. Например, пёс всё не мог взять в толк, почему, когда Хозяин даёт команду Хозяйке: «Лежать», он закрывает дверь и тушит свет. Ева ехидно скалилась: «Глупыш ты, ничего ещё не понимаешь!».

Появлялись и враги, главный – Барон – сразу летел драться. Он был молодой, здоровый, и пёс это понимал. Хорошо, что и Хозяин это понимал тоже и всегда, упоминая почему-то «мать», уводил его со скверика. Жизнь текла. Практически безмятежно. Особенно прекрасными были часы, когда оказывались все вме-

сте, и Хозяин с Хозяйкой не ругались, а иногда, когда приходила и Ольга-подружка, совсем было хорошо.

К Ольге у него было особое отношение. Он её любил и знал, что и она его любит. И хоть и мучила его она то походами в ветлечебницу, заведение пренеприятное, то таблетками, то сбором мочи, то диетами, но всё-таки была подружка. Он ей всё прощал, у них были, как говорили люди, особые отношения. И как хорошо, что она едет с ним в этом ужасном пространстве, с гулом, рёвом, холодом и кучей отвратительных запахов. Ему на какие-то мгновения привиделась Дача. Как он любил туда ездить, что это было за наслаждение! Наслаждение полной свободой, запахами, наслаждение встреч с кучей свободных собак, среди которых и хорошенькие попадались. И удавалось! И уж точно, несколько детей его носятся беспризорными по дачным Абрамцевским перелескам. И Боб, который прибил к их даче, был им принят и даже обласкан. Он позволял Бобу ночевать в комнатах, лежать в своих креслах, но, конечно, субординацию заставлял соблюдать. Уж ежели и еда была какая-то, он, пёс, всегда ел первый, Боб должен был ждать.

А ещё на даче были костры. На них жарили вкуснейшее мясо, которое, конечно, давали и ему, и Бобу, но главное – здесь все собирались вместе, и пёс лежал рядом с Хозяином и Хозяйкой и смотрел на Огонь. Ему виделось как бы отражение каких-то людей в шкаурах, они жевали, сидя у Огня, мясо огромного Мамонта, и кости бросали им, собакам. И он был Вожак, и первый хватал свою кость. Он заскулил, пытаясь встать, но клетка была тесная. Он снова лёг. Какая-то дама с совершенно чудным запахом сказала ему что-то на неизвестном языке. Это было абсолютно незнакомо, но ободряюще. Он прилетел во Францию.

Нужна ли она ему, этого не знал никто.

Прошло несколько месяцев. Пёс проснулся, спрыгнул с дивана, подошёл к Хозяину. Хозяин не спал, и начались утренние процедуры: пёс толкал Хозяина носом, пытался лизнуть, ворчал. Хозяин делал вид, что сердится, трепал загривок пса и шептал на ухо что-то – пёс понимал только, что шепчет Хозяин про старую жизнь.

Скоро гулять. Гулять здесь, во Франции, совсем особая статья. Всё покрыто травой, изумительные газоны, кусты роз, туи, ещё каких-то разных деревьев, деревьев, кустов, вьюнов и прочее. И уж нигде нет ни стекла битого, ни ржавых консервных банок – бегай, прыгай, лапы, уж точно, не порежешь! Вот такой. Наверное, собачий рай, думал пёс.

Первое время пёс все искал себе друзей и подруг. Встречал. Но встречи эти были грустные: во-первых, все собаки были на поводках, во-вторых – по непонятным командам хозяев с псом никто не общался и, в-третьих – они не хотели ни обнюхивать пса, ни дать обнюхать себя. Да и пахло от них всех одинаково. Псу было грустно. Эту грусть немного развеивал Хозяин – он здесь так изменился, что пёс поначалу не переставал удивляться. Хозяин стал очень вежливый – только и слышишь от него: «Бонжур, мадам», «Пардон», «Мерси», «Экскюзе муа». Правда, пёс подозревал, что Хозяин больше и сказать-то ничего не может. Вежливость Хозяина даже где-то была псу неприятна.

Одна особенность местных двориков, газонов и розариев ставила пса в недоумение. Не было помоек. Ну совершенно не было! Поэтому не было никакой возможности найти вонючие косточки, заплесневелый хлеб или встретить кошек, которых можно гнать до полного самозабвения.

Пёс подошёл к окну, посмотрел во двор. Окно было во всю стену и видно было всё. Он вдруг снова вспомнил свою подружку Еву.

Пес задремал. Ему приснилось, что стоят они с Хозяином в Скарятинском переулке, Хозяин беседует с соседом Яшей, а пёс нюхает Яшину жену Леночку.

– Чем ты намазана, что к тебе пёс всё время лезет? – сердится Яша.

А Леночка не без кокетства отвечает:

– Потому что он настоящий мужчина, в отличие от некоторых, и настоящую женщину всегда чувствует и отличает.

Уж это правда. Пёс женщин отличал, но вот здесь, во Франции, он начал понимать, что нет, не встретит он понимания,

не дадут ему французы познать, что такое – французские собачки. Да и сами собаки склонности к общению не проявляют. На душе у пса становилось грустно, он снова вспоминал дачу, бродячую жизнь местных собак и себя в их стае. Со страхом он понял, что никогда уже не увидит добычу, Боба, Москву, Еву, Олю-подружку, соседей по дому, добрых лифтёрш и пана Зюю.

Пёс спрыгнул с дивана. Подходило время обеда.

Вячеслав СОЛОМОВ

Вячеслав Михайлович Соломов – поэт, музыкант. Член Московской городской организации Союза писателей России. Член проекта МГО СПР «Москва Поэтическая» с 2010 года. Родился в г. Гродно (СССР, Белоруссия). Учился в Вильнюсском военном командном училище радиоэлектроники ПВО. После окончания службы в ВС переехал в г. Владимир, а затем в г. Москву. Работал в МГТС. Печатался в газете «Московский телефонист». Принимал участие в передачах радиостанции «Юность», «Надежда», «Орфей». Награждён медалями и дипломами: «И.А. Бунин (1870–1953)», «М.Ю. Лермонтов (1814–1841)» МГО СПР. Издана книга стихов «Напиток пламенных созвучий» РТС «Импульс».

Живёт в Москве.

МОЯ ГОЛУБОГЛАЗАЯ ПЛАНЕТА

КОМУ ВОСПЕТЬ?

Я знаю, что действительность сурова.
Ум не вмещает неба пустоту.
Кому ж воспеть страдающее слово,
Страдающего слова красоту?

Кому воспеть листвы первоначальной,
Листвы опавшей золото и медь,
И первый миг, последний миг прощальный,
Вод глубину и трепетную твердь?

Весну, когда рождаются поэты,
И зимний иероглиф ледяной,
Мозаику полутеней и света
Из тающих пейзажей под луной?

Мир вечно юный, потеснив старинный,
Наполнит строки, словно жизни свет,
И будто кисть божественной картины
Сердечной мысли оставляет след.

ЛЮБВИ ЛАМПАДА

Пусть теплится любви лампада.
Быть может, мир не так уж плох.
Из сострадающего взгляда
Мы узнаём, что с нами Бог.

Сочувственное пониманье,
Возможно, отдалит тоску,
Как непредвзятое вниманье
К посеребрённому виску.

Пусть радуют любви мгновенья.
Не часто, но хотя бы раз
Божественное вдохновенье
Внезапно посещает нас.

И что-то в воздухе случилось,
И что-то обещает вновь
Небес божественную милость,
Весну и нежную любовь.

ВОЗМОЖНО

Блуждая по лесам теорий,
Сверяя с компасом маршрут,
Спешу в хранилище историй,
Печатный уважая труд.

О многом книги рассказали.
Дух знания по томам разлит.
В библиотечном тихом зале,
Возможно, даже воздух спит.

Так что ж, в видениях творимых
Витать назначено судьбой?
Подуют ветры гор незримых,
Морей невидимых приборой...

На увлечённого героя
Глядит читатель не шутя.
Лавина строк сойдёт порою,
Прекрасный облик обрета.

И задохнувшись книжной пылью,
И отерев усталый лик,
Внезапно обретаешь крылья
Хоть на мгновенье, хоть на миг.

КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА

Кривые зеркала души.
Откуда это наважденье?
Как душ нестойких порожденье,
Туман, сползающий с вершин.

Как неожиданный сюрприз,
Как рек обратное течение,
Вещей смешалось назначенье –
Где верх, а где, простите, низ?

Беда – читаю между строк.
Ужели мир перевернулся,
Вдруг неудачно оглянулся
И спутал запад и восток?

Заходят в гавань корабли,
Разносят вести над полями:
Шуты вдруг стали королями,
Шутами стали короли.

НЕ СПЕШИТЕ ОКРАШИВАТЬ СТЕНЫ

Не спешите окрашивать стены.
Краска ляжет, но скроет изъян.
В нашей жизни подобные сцены:
Кто-то прячет за правдой обман.

За иконами прячут неверье,
За молитвой – сердце пустоту.
И закрыты сознательно двери,
Что ведут на простор, в красоту.

Прячет яркая внешность отраву.
За оберткою кроется зло.
Где действительность: слева иль справа?
Угадаешь – считай, повезло.

Стены, сцены, безумие мира...
Даже воздух от злобы дрожит.
Наше время – не время для пира,
Воронье над планетой кружит.

Надо что-то исправить в грядущем,
Не закрасить, иначе сложить,
Чтобы не было болью гнетущей
Основное желание – жить.

КАК И ПРЕЖДЕ

Как и прежде, в далёкие страны
Уплывают опять корабли.
Утверждают пути капитаны
На просторах морей и земли.

Как и прежде, их манит иное,
Неизведанных чувств благодать.
То знамение звезд роковое,
Раскалённого солнца печать.

Покоряют просторы, как прежде.
Нет покоя их ранам былым.
Парусов легкокрылых одежды
Разметает ли ветер как дым?

Шторм ли, штиль, иль коварные мели:
Всё как будто не жизнь, а игра.
И всё те же безумные цели,
И упрямство волнам и ветрам.

Вот и кончился путь, но вопросы
Без ответа останутся пусть.
И идут к капитану матросы,
Обещавшему завтрашний путь.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ РОССИЯ

А ты по-прежнему стройна,
Стройна душою, а не телом.
Моя страдальица – страна,
Что так любимой быть хотела.

Твою божественную статью
Не потревожили заботы.
Тебе вовеки не устать
От Богом вверенной работы.

Пока жива ты, не умрёт
Сестра духовная надежда.
Нам надо двигаться вперёд
С тем, чтобы не прослыть невеждой.

Когда, земной окончив пир,
В миг расставания с планетой
Мы оглядим усталый мир,
Чтобы уйти навечно к Свету,

Мы скажем: «Неспроста в судьбе
Ты уповаешь на Мессию.
Мы верим, он придёт к тебе,
Благословенная Россия!»

ЖИЗНЬ НЕ ОДНА

Жизнь не одна. Она едина,
Как мудро собранный букет,
Как живописная картина,
Как чувством пышущий сонет.

Жизнь не одна. Поверить трудно.
Кто подсчитал? Который раз?
И всё же жить бывает чудно,
И всё же в жизни есть экстаз.

Столетиями ковали слово.
Рубил скрижаль каменотёс,
Чтобы вошла в сознание снова
Мечта из потаённых грёз.

Я жил когда-то. Чувство знает.
Вот этот воздух и земля,
Страна, быть может, и иная,
Иные горы и поля.

Не будем обращаться к магам,
Не стоит ночью ворожить.
Я утверждаю каждым шагом:
Я жил, я жив, я буду жить.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

СКАЗКИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Круглый стол

В Московской городской организации СП России прошёл «Круглый стол», посвящённый сказкам, их значению для воспитания подрастающего поколения. Речь шла также о сказкотерапии. Своё мнение об этом высказали писатели, члены МГО СП России: Полина Рожнова, Иван Панин, Наталья Риттина.

В обсуждении приняли участие психологи: Мария Киселёва, Татьяна Земская, Елена Билозор, Надежда Маркина, а также директор ГБУ КО РЦ «Доверие» Светлана Дробышева.

СКАЗКИ ВСЮ ЖИЗНЬ РЯДОМ С НАМИ

Светлана Николаевна ДРОБЫШЕВА – директор ГБУ КО РЦ «Доверие»

Конечно, если говорить о сказке как таковой, то сказку все помнят с детства. Её читали нам мамы и бабушки. Читали воспитатели в детском саду. Потом мы читали их сами, со сказок мы начинали изучать литературу. Это настолько очевидные утверждения, что даже как-то неловко это повторять. Сказки – это мудрость народа. Жизненный опыт наших предков.

Правда, не все сказки я бы читала детям. Но это совсем другой разговор.

О сказкотерапии. Сказкотерапия – это направление практической психологии, которое использует возможности и ресурсы сказок для решения различных задач. Это воспитание, образование, развитие личности и коррекция поведения. Повторю, так как сказки появляются в нашей жизни с раннего детства, то можно сказать, что они всю жизнь рядом с нами. А значит, сказкотерапия не имеет возрастных ограничений

Но мне, как руководителю учреждения, работающего с детьми, приходится обращаться к помощи сказки в непосредственной работе.

Подробнее об этом скажут наши специалисты.

Я же приведу цитату из открытого источника: *«Сказкотерапия – это молодое, современное и перспективное направление в практической психологии, которое, используя метафорические ресурсы сказки, позволяет людям развивать самосознание, стать самими собой и построить особые доверительные, близкие отношения с окружающими».*

Кончено, сказкотерапия помогает нам говорить с нашими детишками на одном языке, даёт общую систему символов. Иногда очень многое можно понять, просто спросив человека, какая у него любимая сказка. С детьми это сделать сложнее, но тоже возможно. Если мы с ними прочитали несколько сказок, то всегда можно потом спросить, какая им больше понравилась. И почему.

Сказкотерапия – это способ воспитания у ребёнка особого отношения к миру. Фантазия? Творчество? Как же тут без сказки?

Пока ребёнок слушает сказку, он начинает сопереживать героям, придумывает своё развитие сюжета. У малышей этот процесс особенно ярок, многие дети просят читать им одну и ту же сказку по много раз.

В нашем центре работа со сказкой направлена непосредственно на лечение и помощь нашим детям.

Не могу не сказать о значении не просто сказки, а книги сказок – как полиграфическом издании. Может, это и не связано с вопросом именно сказкотерапии. Но когда ребёнок

берёт в руки красивую книгу, например, одну из книг Натальи Риттиной, у него меняется настроение. Какое же это счастье – наблюдать за ним в это момент! Знаю одного нашего малыша, который кладёт книжку сказок под подушку, когда ложится спать. По его словам, принцесса Пампуша обязательно должна ему присниться. А почему бы и нет? Добро должно быть рядом с нашими всегда.

Как и сказки – они тоже должны быть всегда рядом!

СКАЗКИ – НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Татьяна Михайловна ЗЕМСКАЯ – заведующая отделением психолого-педагогической помощи, педагог-психолог высшей категории

Сказка – это эффективное развивающее психотерапевтическое средство в работе с детьми. Ребёнок благодаря сказке познаёт мир сердцем. Сказки – необходимый элемент духовной жизни.

Входя в мир чудес и волшебства, ребёнок погружается в глубины своей души. Ребёнок растёт, его переполняет целая гамма эмоций. Сказки приводят в движение внутреннюю жизнь, и это особенно важно для эмоционального развития ребёнка. Сказка греет, лечит, учит жить ребёнка.

При работе со своими воспитанниками я поняла, что для них более понятны и близки сказки о животных. Дети идентифицируют себя с животными, легко перевоплощаются в них, копируя их манеру поведения. Важно, что ребёнок отождествляет себя с положительными героями, так как их положение в сказке преподносится более ярко, эмоционально. Через сказку расширяется мировосприятие ребёнка и способы взаимодействия с окружающей действительностью и други-

ми людьми. Сказкотерапия способствует личностному росту ребёнка.

Процесс сказкотерапии позволяет ребёнку осознать свои проблемы, увидеть пути их решения.

Этот метод помогает работать с детьми с застенчивыми, неуверенными, агрессивными, с детьми, испытывающие чувства стыда и вины, а также с различного рода психосоматическими заболеваниями.

Через сказку формируется позитивное отношение ребёнка к своему «Я». У ребёнка формируются навыки конструктивного выражения эмоций, что очень важно для развития эмоционального интеллекта, профилактика психосоматических заболеваний.

Дидактические сказки создаются педагогами для подачи обучающегося материала. Создается сказочный образ мира. Дидактические сказки раскрывают смысл и важность определённых знаний.

Психокоррекционные сказки создаются для экологичного влияния на эмоциональное состояние и поведение ребёнка.

Психотерапевтические сказки раскрывают глубинный смысл происходящих событий, помогают изменить отношение окружающих людей к человеку, увидеть скрытые положительные стороны души.

Медитативные сказки создаются для накопления положительного образного опыта, снятия психоэмоционального напряжения, создания в душе гармоничных, тёплых, открытых взаимоотношений, а также развития личностного ресурса.

В реабилитационном центре работают психологи с детьми, имеющими нарушения в развитии, с «особыми» детьми, то есть с инвалидностью. Так же к нам в центр приходят родители, имеющие детей и подростков с дезадаптацией; с психосоматическими проблемами, с нарушениями детско-родительских отношений. На данный момент достаточно много обращаются за помощью семьи с детьми раннего возраста с задержкой в развитии и с нарушениями коммуникации, с детьми с расстройством аутистического спектра (РАС).

В центр обращаются на основании документов подтверждения инвалидности, справки от врача, подтверждения на гос. услугах о необходимости реабилитации ребёнка.

Психолог, работающий в реабилитационном центре, учитывает особенности каждого ребёнка, подбирает необходимые методы коррекции, подбирает, какие сказки и как передать ребёнку. Сказки рассказывают, показывают в кукольном театре по субботам, рисуют, проигрывают на занятиях не только с психологами, но и с логопедами. Ребёнок лепит из пластилина, глины понравившихся персонажей из прочитанных сказок.

В центре работала мультстудия. Дети вместе с педагогами придумывали сказки, и снимали мультфильмы. Детские мультфильмы показывали другим детям, взрослым. В 2018 г. Сретенский кинофестиваль открывался нашим мультфильмом.

Чем полезны сказки Натальи Риттиной для работы с детьми?

Сказки Натальи Риттиной греют, лечат, учат жить ребёнка. Для детей более понятны и близки сказки о животных. Ребёнок идентифицирует себя с животными, легко перевоплощается в них, копируя их манеру поведения. Через сказку ребёнок входит в мир чудес и волшебства, погружается в глубины души. Сказки Натальи учат детей добру и любви. Ребёнок копирует поведение животных, таким образом, у него расширяется мировосприятие, улучшаются способы взаимодействия с окружающими людьми. Ребёнок чувствует себя в этом мире защищено, начинает доверять этому миру, наполняется положительными ресурсами.

Потрясающие иллюстрации в книгах Натальи Риттиной. Ребёнок возвращается к сказке через образ, картинку. У него развивается память, образное мышление и речь. Развивается эмоциональный интеллект. На сегодняшний день необходимо для снятия стресса и развития ребёнка действовать через сказку.

СКАЗКИ УЧАТ ДОБРОДУШИЮ И ЛЮБВИ

Елена Владимировна БИЛОЗОР – педагог-психолог ГБУ КО РЦ «Доверие»

В сказке заложены метафоры, которые несут в себе глубокий смысл отношений человека с окружающим миром и самим собой, человеческий опыт, в котором отражается социокультурная, историческая принадлежность. В психотерапии сказка позволяет найти человеку выход и справиться с трудными жизненными задачами.

Метод психокоррекции позволяет обнаружить и исправить внутренние психологические конфликты у детей и взрослых, увидеть и понять скрытые страхи, найти ресурс.

В сказках мы можем найти ключи к разным жизненным аспектам: взрослению, становлению, отделению от родителей, межличностным отношениям. Сказку мы используем для решения задач воспитания. В своей практике я очень часто использую сказкотерапию в занятиях с группой детей дошкольного и младшего школьного возраста. В процессе таких занятий происходит поиск смысла, расшифровка знаний о мире и системе взаимоотношений в нём, образуются связи между сказочными событиями и поведением в реальной жизни, активируются ресурсы детей, а также происходит процесс образования и воспитания. В индивидуальной работе с ребёнком для проработки страхов, тревожностей, решения поведенческих проблем, развития связанной речи.

В нашем центре занимаются дети с ограниченными возможностями здоровья. С такими детками сказкотерапия позволяет развить познавательные способности, сформировать причинно-следственные связи, усвоить социальные нормы общества, развить речевую функцию в простой, доступной ненавязчивой форме игры.

При поступлении ребёнка в центр реабилитации на первом этапе всегда проводится диагностика, по результатам которой строится индивидуальная программа реабилитации. Я, как психолог, в своей работе очень часто отдаю предпочтение сказкотерапии, так как считаю её эффективным и при этом экологичным, мягким инструментом для решения детских проблем: страхов, тревожностей, агрессии, буллинга.

Выбор сказки зависит от целей и задач, которые я, как психолог, ставлю перед собой для решения трудностей конкретного ребёнка.

Как работать со сказкой? Самый главный принцип в работе со сказкой – это анализ, т.е. интерпретация каждой сказочной ситуации, поведения героев, конструкции сюжета.

Читать? Рассказывать? Рисовать? Преподнести сказку тоже можно по-разному, и в этом есть определённый смысл. Рассказывание сказок, сочинение сказок, постановка сказок при помощи кукол, рисование сказок. Все эти вариативности помогают ребёнку более глубоко погрузиться в атмосферу сказки и разрешить личностные, поведенческие и эмоциональные проблемы.

Теперь скажу несколько слов о конкретных книгах.

Для своей практической работы в направлении сказкотерапии я нашла удивительного автора Наталью Юрьевну Риттину. Чем полезны сказки Натальи Риттиной для работы с детьми? В чём их особенность? С первой прочитанной книги «В нашем лесу» я поняла, что это именно то, что я давно искала. Во-первых, её сказки захватывают воображение ребёнка яркими сюжетными линиями и чудесными персонажами, они очень увлекательны. Во-вторых, модели поведения очень просты, понятны и доступны детям, что особенно ценно для ребёнка с ограниченными возможностями здоровья, у которого есть трудности восприятия, мышления, воображения. В-третьих, сказки Натальи Риттиной очень гармоничны, они несут в себе огромный воспитательный потенциал, традиционные ценности, основанные на христианских догматах. Её сказки учат доброту и любви. Я с нетерпением отслеживаю издание каждой новой книги, так как в моей работе это главный «инструмент».

СКАЗКИ – ЭТО ПУТЕВОДИТЕЛЬ В МИР

Надежда Александровна МАРКИНА – социальный педагог

В чём привлекательность сказок для психотерапии?

Это путеводитель в мир. Сказки обладают наибольшей эффективностью, это мудрые и красивые истории с глубоким смыслом на темы отношения человека к себе, к другим, ко всему миру.

Это психокоррекция эмоционально-волевых нарушений; преодоление чувства страха и неуверенности посредством сочинения сказочных сюжетов и их проигрывания; обретение свободного опыта общения через ролевое действие сказочного героя у детей-инвалидов с трудностями общения; формирование творческого потенциала через сказки.

Сказки используются для того, чтобы помочь ребёнку увидеть, осознать его собственные старые, возможно, разрушающие его психику и здоровье действия, и самостоятельно смоделировать новые, наиболее подходящие ему самому в данный период времени, гармонично встраивающиеся в его развитие.

Сказкотерапия – это метод, который помогает ребёнку сконцентрироваться на своей проблеме. При умелом применении сказкотерапия способна дать психологу ясные маршруты в коррекции поведения, при терапии депрессивных состояний у пациентов. В каждой сказочной истории проигрывается конкретная ситуация, которая происходила в жизни пациента. Герои наделены характерами реальных людей, а у конфликтной ситуации всегда есть логическое решение. Такая терапия проводит связь между событиями, которые происходят в сказке, и реальностью, переносит волшебство в обычную жизнь. Основная цель сказкотерапии – это развитие личности и забота о душе.

Малыш встречается в сказочном рассказе с лучшей версией самого себя, учится у героя совершать добрые поступки, быть счастливым и справедливым.

Работаем мы в центре «Доверие» с детьми-инвалидами и детьми с ОВЗ различных заболеваний, проходящими курс реабилитации в нашем центре.

При чтении сказки ребёнок погружается в атмосферу сказки.

Любое рассказывание сказки уже терапевтично само по себе. Лучше сказку именно рассказывать, а не читать, так как при этом педагог-психолог может наблюдать, что происходит во время беседы.

Желательно сказку рисовать, лепить или представить в виде аппликации. Рисуя или работая с цветным картоном, пластилином, ребёнок воплощает всё, что его волнует, свои чувства и мысли, тем самым освобождаясь от тревоги или другого чувства, которое беспокоило.

СКАЗКОТЕРАПИЯ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ЧТЕНИЕ!

Мария Владимировна КИСЕЛЁВА – психолог

Взрослым нужны сказки? Знания испокон веков передавались через притчи, истории, сказки, легенды, мифы. Действительно, изначально сказки создавались не для детей, во всяком случае, не только для них. Через сказки и мифы человек на доступном уровне узнавал о социальных, культурных, религиозных нормах и ценностях общества, в котором жил, получал представления о Вселенной, и так сказка (в широком смысле) возвращала чувство принадлежности к группе и учила распознавать чужаков.

Есть мнение, что при прочтении некоего увлекательного чтива читатель «лечит душу». Это так? Или же просто человек получает информацию? А остальное – вопрос настроения?

Да, конечно, любое произведение, субъективно приводящее к катарсису, может в своем роде «лечить душу», но всё же далеко не каждое чтиво обладает терапевтическим эффектом.

К знаниям именно сегодня интуитивно тянутся люди. Ведь есть столько возможностей. Перечитывают и интерпретируют Библию, ищут скрытый смысл в сказках, легендах, мифах. Почему? Успокаивают себя? Получают опыт на будущее?

Не знаю, является ли тяга к знаниям маркером современности, и стоит ли обобщать, но, да, возможность получить информацию, знания, становится всё более доступна, и это несомненный плюс нашего времени. Несомненно то, что мы живём в стремительно и непредсказуемо меняющемся мире, и сталкиваясь с необходимостью перемен, кто-то может пытаться найти опору в некоем культурном коде – в мифологии, религии и т.п.

Сказкотерапия – возможность психологической коррекции только для детей? Или и для взрослых тоже?

В сказкотерапии нет ограничений, ведь сказка адресована всем уровням человеческой личности, и наряду с арт-терапией, игра-терапией и психодрамой, метод сказочных историй широко применяется в терапевтической работе со взрослыми, в диагностике и коррекции.

Надо ли подростку и взрослому читать сказки для достижения терапевтического эффекта?

Сказкотерапия – это не только чтение. Метод включает в себя и сочинение сказки, и переписывание сказки, и работу с текстом, и анализ персонажей, образов, архетипов, и их обсуждение и интерпретацию, и различные упражнения, медитации, тесты и игры. Это подстёгивает воображение, активизирует Внутреннего Ребёнка и даёт доступ к бессознательным, то есть неосознаваемым, пластам психики.

На этот случай есть научные обоснования. Для начала можно обратиться к классическим трудам К.Г. Юнга, – одного из

пионеров психоанализа, – «открывшего» для нас коллективное бессознательное, объединяющее весь психический опыт человечества, и разработавшего теорию архетипов – персонифицированных образов бессознательного, находящих отражение в мифах, сновидениях и сказках. Метафорический язык, которым говорят с нами наши сны и предания, позволяет обрести голос личному бессознательному человека.

Так же, говоря об использовании метафорического языка в терапии, уместно вспомнить Э. Берна, автора бестселлера «Игры, в которые играют люди». В разработанном Берном транзактном анализе некоторые сказки и мифы рассматриваются в контексте жизненных сценариев человека и его поведенческих моделей. Анализ и проработка деструктивных паттернов дают возможность изменить жизнь в лучшую сторону, в том числе и благодаря сказкам.

В России популяризатором сказкотерапии является доктор Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева – Президент Международного Союза Сказкотерапевтов, её вклад в развитие метода неопценим, и в наше время метод сказочных историй используют в своей работе психологи и педагоги. Я также применяю его в своей собственной практике, как с детьми, так и со взрослыми клиентами.

В 2016 году нами была проведена диагностическая и коррекционная работа в ДОО, направленная на снижение тревожности в группе детей старшего дошкольного возраста. В терапевтические занятия были включены сказочные истории Н.Ю. Риттиной из книги «В нашем лесу...». В сказках об обитателях Сказочного леса рассматриваются различные ситуации, с которыми может столкнуться ребёнок в реальной жизни: проблема одиночества, проблема агрессивности, проблема ранних потерь, особенности воспитания в неполных семьях, подготовка к школе и пр. В результате работы наблюдалась тенденция к снижению агрессии и тревожности по всей выборке – показатели агрессивности и тревожности снизились у 77% респондентов.

КАЖДЫЙ РЕБЁНОК – ТВОРЕЦ!

Наталья Юрьевна РИТТИНА – член Союза писателей России, писатель, публицист, историк

Каждая моя сказка или фантастическая повесть – это мой «разговор» со своим ребёнком. Я никогда не ставила перед собой цель воспитывать и образовывать «поколения»! Когда я написала свою первую сказку, это была «Рождественская сказка», я предложила свою рукопись нескольким московским издательствам. И все издатели мне дружно отказали. Зато посоветовали «поучиться писать книги для массового читателя, а не для узкого круга людей»! С тех пор я сама издаю свои книги, о чём нисколько не жалею! И если мои сказки и фантастические повести ещё кому-то нравятся, а не только моей дочке, я очень этому рада!

Категория полезности сказки – это, скорее, из области экономики, а не литературы. Я не понимаю, что значит «полезная» книга. Любое литературное произведение, для детей оно написано или нет, это неизбежное знакомство с самим автором. Лично для меня, когда я читаю ту или иную книгу, важно понимать, для чего человек её написал. О чём он со мной хотел поговорить как со своим читателем? По моему мнению, книга не должна быть «хронофагом», банальным пожирателем времени. Категорически!

Как я уже не раз говорила, моя книга «В нашем лесу» (первое издание увидело свет в 2015 году) была написана специально для дипломной работы моей дочери. Мария в университете изучала психологию и писала диплом по теме: «Диагностические и терапевтические особенности применения метода сказочных историй в работе с детьми старшего дошкольного возраста». Для практических занятий с малышами ей была нужна книга, сюжет которой заинтересовал бы

детей настолько, что они захотели бы с Марией его обсудить. Внутренний мир ребёнка, эмоции, чувства, воображение и т.д. – чрезвычайно богат! Маленький человек отличается от взрослого только отсутствием жизненного опыта. К этому можно добавить, что у человека отдельные зоны мозга развиваются достаточно медленно. К примеру, лобные доли головного мозга, отвечающие за самоконтроль и чувство ответственности, у людей развиваются в полной мере только к двадцати пяти годам. Так что...

Но маленькому ребёнку, в отличие от взрослого, намного сложнее высказаться о своих внутренних переживаниях, страхе, одиночестве. Для этого психологам на помощь «приходят» детские книги, способные «разговорить» маленьких читателей. И, когда ребёнок начнёт высказываться о прочитанной книге, её главных героях, обсуждать их поступки и т.п., взрослым следует слушать очень внимательно! Поскольку он будет рассказывать, по сути, о себе самом!

В этом и заключается метод сказкотерапии – помочь маленьким детям рассказать о своих внутренних проблемах.

В моей книге «В нашем лесу» – а теперь уже в трёх моих книгах об обитателях «Волшебного леса», «антропоморфные» зверята оказываются в самых разных ситуациях, переживают самые разные эмоции. Всё как в реальной жизни!

Каждый ребёнок – творец! Творчество и фантазия неразделимы! Понаблюдайте за играющим ребёнком! Он же создаёт свой мир! Развивать детскую фантазию очень важно! Расширять его кругозор! Тренировать память, мышление!

Мой детский опыт слишком травмирующий. Я не люблю вспоминать своё детство.

Повторюсь, все мои книги написаны для дочери! Именно с ней я делюсь своими мыслями, знаниями и жизненным опытом...

И – в заключение нашего разговора, – скажу, что в настоящее время готовится к печати четвёртая книга о Мышонке и Мышоночке!

СКАЗКА – ПОМОЩНИК В ПОЗНАНИИ ПРЕКРАСНОГО

Иван Николаевич ПАНИН, член Союза писателей России, прозаик, публицист, доктор экономических наук, общественный деятель

Сегодня я, пожалуй, выскажу свою точку зрения в первую очередь как отец. У меня взрослые дети, но дочка ещё в том возрасте, когда сказка для неё много значит.

Никогда не думал о том, что сказка может кого-то лечить. Наверное, это хорошо, что в нашей семье это не пригодилось.

Но сказка – это мудрость. Сказка – это знания и умения. Конечно, в ней есть доля фантазии. Но разве это плохо? Наоборот. Главное, что сказка должна нести добро! Ведь книга занимает важное место в жизни ребёнка. «Нет друга более верного, чем книга», писал Эрнест Хемингуэй. Книга – не только друг ребёнка, хотя и это важно. Но ещё – воспитатель и учитель, ведь для ребёнка книга является источником знаний.

И конечно же, чтение детских книг развивает художественно-речевые навыки, формирует нравственную и культурную сторону ребёнка, передаёт представления о жизни, труде, об отношении к природе, развивая тем самым социальный опыт и трудовую деятельность дошкольников и младших школьников. Всё это гармонично развивает ребёнка как полноценную личность. И сказка – в том числе.

Мой опыт работы членом жюри литературного конкурса «Рыбка золотая: Сказки и мечты», организованного МГО СП России, РТСРК и Государственным бюджетным учреждением Калужской области «Обнинский Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Доверие», показал, насколько важно уделять внимание литературному образованию детей дошкольного и младше-

го школьного возраста. В нашем конкурсе принимали участие и старшекласники, но это – тема для отдельного разговора.

Кстати, наш конкурс в первую очередь был ориентирован на восприятие ребёнком именно сказки!

Очевидно, что заложенные в дошкольном детстве образовательные, мировоззренческие, нравственные, культурные приоритеты определяют жизненный путь человека. О том, что важно приобщать ребёнка к красоте родного слова и развивать у него культуру речи, много говорили и писали специалисты из разных областей науки и культуры. Как? Тут на помощь приходит книга, книга художественная. И сказка – непременно! Именно сказка сопровождает человека с первых лет его жизни, и уже в дошкольном детстве закладывается фундамент, на который будет опираться всё последующее знакомство с огромным литературным наследием. Когда мы читаем ребёнку сказку, да, впрочем, как и любую детскую книжку, серьёзное развитие получает слух, и развивается язык! То есть ребёнок начинает лучше разговаривать!

Дети, участвовавшие в нашем конкурсе, показали, насколько эти, казались бы, очевидные утверждения важны сегодня как никогда. Дети дошкольного возраста – слушатели, а не читатели, художественное произведение доносит до них взрослый. И очень многое зависит от правильного выбора тех книг, которые будет читать ему воспитатель или родитель.

Я с удовольствием покупаю дочери сказки современных авторов. Русские народные сказки, сказки А.С. Пушкина и все сказки, которые я бы назвал сказочной «классикой», мы давно уже прочитали. Но и среди современных писателей много интереснейших авторов. Правда, есть опасность нарваться на агрессию, злобу, какой-то нелепый, якобы современный сленг. Да и обычная глупость – не редкость.

Обычно я сначала смотрю иллюстрации. Чаще всего хорошие, добрые, весёлые картинки иллюстрируют добротный текст. Если картинки малопривлекательные, книжку можно и не читать. Но и прежде, чем позвать ребёнка, чтобы провести с ним вечер за

хорошей книжкой, надо её самому прочитать. Так я обычно и поступаю. Мне не часто это удается, но я стараюсь.

Заложенная в дошкольном возрасте любовь к книге останется с нашими детьми навсегда. Кто читает, тот и многое будет знать. Если ребёнок понимает содержание прочитанного (услышанного), значит, он думает, анализирует, рассуждает. Сошлюсь опять же на свой личный опыт воспитания, мы в семье много времени уделяли чтению. И сейчас – и моя жена, и я, по возможности, стараемся читать с дочерью. Совместное чтение сближает взрослых и детей, стимулирует и наполняет содержанием редкие и радостные минуты духовного общения. Чтение – радость! Величайшая радость и удовольствие! И как не разделить это с любимым человеком, своим ребёнком!

Традиции семейного чтения – очень важная часть в системе семейного воспитания. Хотя это всегда было сделать непросто – где взять свободное время? Но надо стараться его найти! Обязательно! Иначе в будущем об этом придётся пожалеть. Выскажу, наверное, всем известные мысли. Семейное чтение – это не способ получить информацию, это важнейший и лучший способ общения! И воспитания, причем ненавязчивого, но оно и есть самое действенное. Читая со своими детьми, мы им и интерес к книге прививаем, и учим многому, что в будущем обязательно пригодится. Да и сами мы узнаём многое о своём ребёнке в процессе общения: родитель-книга-ребёнок.

Современные дети всё больше времени проводят за компьютерными играми, часами сидят перед мониторами или смотрят телевизор. Социологи по всему миру отмечают негативные тенденции. Это и заметное снижение интереса к чтению у детей всех возрастов, резко сокращена доля чтения в структуре свободного времени детей. Грустно, что современные дети не знают героев старых добрых сказок, а героев комиксов или компьютерных игр – знают! Конечно, у каждого времени – свои литературные герои, но всё-таки сказки и легенды передаются из поколения в поколение вот уже много лет и служат прекрасным воспитательным средством.

Детям родители стали намного меньше читать! А значит, страдают грамотность и интеллект, эмоциональное и нравственное воспитание маленького человека! А что уж говорить о подростках? Да и как может вырасти гармонично развитая личность без книги, без прозы и поэзии, без сказок и загадок? Не читая, ребёнок не развивается, не совершенствует свой интеллект, память, внимание, воображение. А как он может узнать, усвоить и использовать опыт предшественников?

Как без литературы научиться думать, анализировать, сопоставлять, делать выводы? Книга же, напротив, даёт возможность домыслить, сочинить, «дофантазировать». Она учит размышлять над полученной информацией, развивает креативность, творческие способности, умение думать самостоятельно. И – это важно, сказку ребёнок всё-таки должен прочитать в «бумажной» книге, а не с экрана компьютера.

Её надо услышать, прочувствовать.

Именно книга – отличное средство не только умственного, нравственного и эстетического воспитания ребёнка, но и помощник в познании прекрасного!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СКАЗКЕ

Полина Константиновна РОЖНОВА – член Союза писателей России, поэт, прозаик, общественный деятель

Откуда взялась и берётся сказка? – Да из настоящей жизни.

Кто её сочинял? – Наш народ.

Кто её сочиняет сегодня? – Да мы все.

Сказка не рождалась из ничего. В неё вращало окружающее, родное, что было во дворе дома, «жило и поживало и добра наживало», и что водилось поодаль – в реке, в лесу, в поле...

Неспроста в сказке остаётся глубокий жизненный смысл! Ведь она учила умению побеждать зло, воодушевляла в горестные времена, когда всё, казалось, «погинуло», «углебнуло», и свет в окошках, и вода в реках.

Но прежде всего с колыбели сказка с незапамятных времён предназначалась ребёнку. Утешить его, обратить его внимание на нечто неведомое, занять его, незаметно и прочно оставить в душе ребёнка уважение к старшим, сердечную любовь к родителям, к родному краю.

Сказка рождала в детях мечту.

– Вот, когда я вырасту – я полечу на ковре-самолете!

– А что же ты хочешь увидеть? – спрашивала мама.

– Синие моря, высокие горы и тридевять земель...

Мечта оставалась в растущем человеке навсегда. Но прежде, чем она оставалась, её надо было заронить в душу. Ведь не зря, когда бабушка или мама баюкали ребёнка, они припевали:

*«Спи, пока забот не знаешь,
Баюшки – баю!
Подрастёт твоя душа,
Всё узнаешь не спеша...»*

Исподволь, не спеша, сказывалась ребёнку сказка. Чтобы он мог представить себе её героев. Посочувствовать тому, кто попал в беду, вместе с ним преодолеть все напасти и дойти до доброго конца.

Сказка нередко возвращалась к ребёнку. Ещё и ещё раз ему хотелось услышать её, побывать в ней. Так же бежать с сестрицей Алёнушкой и её братцем от избушки на курьих ножках, быть таким же бесстрашным, как Иван-царевич!

Наставления в сказке связаны с мудростью, с надеждами, с правдой. С тем, что зло непременно будет побеждено, что козлятушек, которых съел Волк, мама Коза спасёт.

Казалось бы, как незатейлива сказка «Колобок»! Но сколько в ней ненавязчивого поучения! Бабушка могла взмахнуть руками, сказать в сердцах: «Ах, если бы он послушался деда и

бабушку! Но мало того, он ещё и хвастался почём зря! – “Я от дедушки ушёл, я от бабушки ушёл!”».

Нет, назидание никогда не выпячивается в сказке. Но в ребёнке оставалось понимание, что глупость и хвастовство – до хорошего не доведут.

Да, сказка – продолжалась!

Со сказкой ребёнок проходил уроки находчивости, смекалки.

В маленьком сердце рождалась смелость. Нет, Иванушка, попадая к Бабе Яге, не раскидает, не плачет. Он находит путь к спасению. Он притворяется бестолковым и просит Бабу Ягу показать, как надо садиться на лопату. Иванушка её саму, злую, бессердечную, заталкивает в пылающую печь.

В другой сказке – не досмотрела сестрица за братом, как наказывали родители, и налетели дикие Гуси-лебеди, унесли брата в тёмный лес к Бабе Яге. Девочка не побоялась, побежала спасать братца. А вот и наука. Ненавязчивая. Просто так, не потрудившись, не приветив и не помочь встречному на пути, дороги не найти. Яблонка просит: «Съешь моего яблочка», печка – «Съешь моего пирожка...». И вот, когда сестрица и братец бегут прочь от избушки на курьих ножках, и яблонька, и печка помогают им укрыться!

И, несмотря на то что Баба Яга – костяная нога, сама на ступе, нос в потолок, так уж ли страшно детям? Нет. Ведь через сказку ясно, что Баба Яга не так уж умна, и все её коварства – пусты, бессильны!

У героя сказки всегда есть помощники. Добрые, умные. Он не одинок.

Звери, домашние животные – они говорят с ним, они его выручают, помогают. И ребёнок никогда не возразит: «Все это неправда! Ведь звери, птицы, животные – они не умеют разговаривать?!». Почему? Да потому что детский мир так устроен, что окружающее – ему не чуждо. Ребёнок наяву, увидя птичку, с ней заговорит, будет гладить кота Ваську и подолгу ему что-то объяснять. Он верит, что они всё понимают, и даже знает, что они говорят ему.

Сказка рождала понятия о доброте, о счастье, о беде. Мышка помогает вытащить репку. Благодаря Бычку – смолянскому бочку у Алёнушки, у которой были бабушка и дедушка и больше ничего не было, никакой скотинки, по их общей доброте стало всё: и куры, и гуси, и коровушки. А у самой Алёнушки – и бусы, и ленты.

Роль бабушек и дедушек, под присмотр которым вверялись дети, была велика. Так как именно ими в самой жизни уже да конца вызнана и испытана та мера, что нельзя и что можно дозволить одному ребёнку, а другому запретить. Эти требовательные и ласковые мудрецы открывали заветные дверцы в ребячьих душах. Выносливость, смелость. Можно ли в жизни человеку без них? Девочка в сказке «Морозко», оставленная в лютый мороз отцом по приказу злой мачехи в глухом лесу, на вопрос подошедшего Морозко: «Тепло ли тебе девица?» – отвечает: «Тепло, Морозушко, тепло, батюшка». За доброе сердце, за незлобие Морозко наградил девочку: «окутал её теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами». И наоборот, когда отец отвёз дочку злой мачехи в лес, та закричала: «Сгинь, пропади, проклятый Морозко!» Конечно же, детям не надо было растолковывать, может ли быть за злобу, неуважение – награда!

От дедушки – внуку передавались сказы про повадки зверей и птиц. Именно дедушка славился в семье как отменный охотник, рыболов, знаток природы. Именно от него живее принималась сказка о Волке, который ловил хвостом рыбку в проруби, о робком Зайчике из сказки «У страха глаза велики».

А вот тайные «местечки», где и малины заросли гуще, и сама ягода слаще, знала бабушка. И как за домашними животными ходить, она тоже учила. С нею внучка чесала козоньку деревянным гребнем, мыла бельё в речке, припевала, качаясь на качелях веснянки, кликала из-за моря куликов-жаворонков. И всё это было соединено со сказками невидимыми нитями.

Сказки нельзя забыть. Одетая во взрослые валенки, тулупы, шапки, детвора кувыркалась в снегу, лепила снежных баб. И не было страшно, что самые озорные сбивали с крыш сосульки и запихивали в рот. И с наслаждением посасывали. Целительные

кристаллы воды в ледяных природных леденцах были намного полезнее сладких папок. Но сердечко замирало, слаще всего было подумать: «Не здесь ли вот-вот Снежная Королева пронесётся в саних в свой ледяной замок?!»

Жизнь готовит для детей, да и для самих родителей, немало соблазнов. Я скажу о самом главном, с трудом дающемся – об умении слушать детей, учить их любить труд. Добрая слава отца выражена в простой пословице: «Сынами славен, дочерьми честен». Но, прежде чем научить сына держать молоток, пользоваться отвёрткой, умению починить и поправить, мол, с ремеслом не пропадёшь, мол, ремесло пить-есть не просит, а само кормит, отец, когда брал сына на охоту, или на рыбалку, приговаривал: «Рыбка в реке, она не в руке». И сказки по волшебную Щуку или Серую шейку наяву оживали. «Может, снятую с крючка щуку отпустить на волю?» А в полынье... Что там? – не уточка ли? А следы к полынье – не лисы ли?»

– В игрушках: в куколках, в деревянных лошадках и птицах продолжение сказки. Игрушки оживают. Девочка, рассказывая кукле ту сказку, что слышала от бабушки, ходила с ней в гости к своим подружкам, учила куклу тому, что знала. «Не пей водицы из этой лужицы. И мне хочется, но я терплю. А то, помнишь, как братец Иванушка испил из козьего копытца и превратился в козлёночка!»

Нужна ли сегодня сказка? Что за вопрос?

Конечно!

И Колобок, и Кот в сапогах, и Теремок! Но ещё важно, чтобы старые русские сказки, их герои пришли к ребёнку в раннем детстве. Чтобы в нём остались их образы, те самые, которые он рисовал в своем воображении!

Но, как мне кажется, к сожалению, сегодня «старая», исконная сказка деформируется с невероятной скоростью. Мало того, её экранизированные настоящие, исконные герои теряют свою, важную для детского восприятия, простоту и естественность, своё глубинное простодушие. Пропадает детскость Петушка – Золотого гребешка, ведь он такой маленький, такой настоящий, взаправдашний, вступает за Зайчика, живущего

в лубяной избушке! Новые, яркие пересказы чаще далеки от старой сказки. В них появляется наглядно хваткость, хищность, супер-смелость. И сами герои становятся – супер-героями. Да, время другое! Да, ритм жизни не тот, что в старину! Экран не всегда даёт ребёнку возможность додумывать, рисовать, какой он – тот или иной герой. А если вслушаться, ведь и язык в этом, современном, прочтении другой!

Перефразируя слова В.Г. Белинского, скажу так: «Нет, в них не виден быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия, и этот лукавый русский ум, столь наклонённый к иронии, столь простодушный в своём лукавстве».

Да, и сегодня нужна сказка, и если она строится по сюжету старой сказки, то не гипертрофированная до странности. Такая сказка, чтобы в ней новый злодей, как в старой сказке Кощей Бессмертный, прилетая в своё урочище, где спрятался Иван-царевич сказал: «Фу, фу, фу! Прежде русского духа слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится!».

Сказка – это своеобразная энциклопедия народных знаний наших предков. Но ведь и нам и сегодня надо продолжать сказку, пополнять тот огромный историко-культурный пласт, который они оставили. А это и представление о красоте, и предания о жизни, о сокровенных чаяниях, о заботах, о защите своей земли, которая «и в горсти мила»! И к тому же, сказочнику надо обладать способностью: через сказку пропустить, как через душу: «Стой на родной земле, не сходи с неё, хоть умри!»

Тем не менее, я бы назвала примеры сегодняшних, трогательных и ставших известными, сказок. Это и «Простоквашино», и «Ёжик в тумане», и истории про «Лунтика», и многие другие.

Нужны ли сегодня сказочники? Безусловно. И они есть! Прекрасные современные авторы. Но ведь старина – она на то и старина, где дедушка, бабушка, «старички бывалые», уже увидевшие жизнь, наполняли её словесные соты мудростью.

Только видящие вокруг себя мир в некоем сказочном измерении, умеющие по-своему преображать насущное, происходящее, делали сказочные персонажи чудесными. А сегодня нередко

СКАЗКА, КРУГЛЫЙ СТОЛ

писатели, имеющие финансовое превосходство, манипулируют старыми сюжетами, перемешивают их, делают так называемую «сборную солянку», тем самым отдаляя юное поколение от подлинной сказки вычурными нелепыми творениями.

Вспомним, что из сокровищницы народных сказок черпало немало писателей, от А.С. Пушкина до К.Г. Паустовского. Но как они смогли посредством собственного художественного творчества оставить сказки «жить в народе», сделать так, чтобы они стали «уста́ми народа» – это отдельная наука, и над ней не грех бы подумать новым сказочникам!

А.С. Пушкин: «Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтобы видеть свойства русского языка!»

*Материалы подготовила
Марина ЗАМОТИНА*

Татьяна КОТИ

Татьяна Юрьевна Коти (Котикова) – поэт, переводчик, педагог, член Союза писателей России. Работала в Исполкоме Совета по детской книге России, в приёмной комиссии МГО СП России. Пишет на русском и английском языках для детей и взрослых. Переводит с английского, сербского. Первая книга – «Азбука в стихах с прописями» вышла в 1995 г. Лауреат премии им. Л.Н. Толстого за вклад в развитие литературы для детей и юношества (2002). Лауреат литературной премии им. А.П. Чехова (2009), В.А. Жуковского (2013), «Звёздная строфа» (2013), песенного конкурса на гимн г. Ярославлю к 1000-летию (2006) и др. Татьяна Коти является автором нескольких книг лирических стихов, автором стихов и сказок для детей, двух англо-русских словарей, сценариев для передачи «Спокойной ночи, малыши!», учебной литературы, переводов современной английской и черногорской поэзии на русский язык.

Живёт в Москве.

ПРИНЦЕССА ЧАЙНАЯ РОЗА

Сказка

Далеко-далеко на самом краю земли был сад. В этом саду росли только волшебные цветы, но люди этого не знали, потому что никогда ни одна человеческая нога здесь не ступала. И даже если бы какой-нибудь путник случайно забрёл в этот сад, он тоже ничего бы не понял, ведь волшебство происходило один раз в год в первый день первого летнего месяца. Именно в этот день рано утром, когда первые лучи солнца дотрагивались до лепестков волшебных цветков, начинались удивительные превращения. Каждый цветок принимал человеческий облик, и сад сразу наполнялся весёлым смехом и разговорами. Пышные розы становились придворными дамами, важные георгины и пионы превращались в кавалеров, изящные нарциссы и тюльпаны – в золотокурых юношей, а белые лилии, фиалки и незабудки – в красавиц-девушек. Весь долгий летний день люди-цветы веселились, танцевали на балу и ходили друг к другу в гости. И так продолжалось до темноты. Когда же в небе гас последний лучик солнца, каждый цветок уже задумчиво качался на своём стебельке, вспоминая прошедший день, и только грустная песня соловья нарушала тишину.

В саду росло множество красивых цветов, но самой прекрасной была юная принцесса Чайная Роза. Её лепестки были нежнее легкого дуновения тёплого ветерка и краше светлой утренней зари, а капельки росы, которые принцесса нечаянно роняла в траву, превращались в бриллианты, сверкающие, как яркие звёзды на зелёном шёлковом ковре. Но самым удивительным было то, что у принцессы не было ни одного шипа! Все розы имеют острые шипы, которыми они защищаются от тех, кто хочет их обидеть, и только принцесса Чайная Роза была так добра и нежна, и так доверчива, что её зелёный стебелёк оставался совсем гладким. Принцессу оберегали все цветы. Королевские

фрейлины, алые и белые розы, сопровождали принцессу во время прогулок, большие лопухи закрывали её от ветра, а зонтики подсолнухов – от жаркого солнца.

Безмятежно и счастливо жила принцесса Чайная Роза в своём чудесном саду. Но вот однажды забрёл в те края усталый путник. Долго шёл он по дремучему лесу. Перебирался через ручьи и овраги, совсем заблудился и пал духом, думая, что никогда не найти ему дороги к родному дому. Спотыкаясь о корни деревьев, добрёл он до волшебного сада. От сильного цветочного аромата закружилась у него голова. Упал он в траву и заснул крепким сном. А когда первые лучи солнца позолотили небо, проснулся он от шума голосов и весёлого смеха. Открыл путник глаза и сразу зажмурился: так ослепительны были наряды, столпившихся вокруг него людей. Они с удивлением разглядывали его и качали головами, ведь путник был истомлён дорогой, одежда его износилась и порвалась, а лицо было исхлётано ветками пугливых деревьев.

Добрые цветы пожалели путника. Они умыли его хрустальной водой из волшебного ручья и напоили розовым нектаром. Принцесса Чайная Роза подарила ему роскошную одежду, расшитую бриллиантами из утренней росы. Целый день пировал путник в волшебном саду, а когда спустились сумерки, уложили его цветы на постель из атласных лепестков и укрыли одеялом из тополиного пуха.

На другое утро проснулся путник и несказанно удивился: вокруг не было ни одной живой души! Он обошел весь сад, но так никого и не встретил. Только прелестные цветы кивали ему своими головками, словно приветствовали старого знакомого.

– Может, мне это все приснилось? – подумал путник, но взглянул на себя в хрустальную воду ручья и понял: нет, не приснился ему вчерашний день. Лицо его было белое и красивое, ни одной ссадины, ни одного шрама, а одежда не уступала королевской. Как капельки чистой утренней росы, сверкали бриллианты принцессы Чайной Розы, и в каждом отражались солнечные лучи, дарящие жизнь и счастье. Поклонился путник волшебному саду и отправился дальше. Лёгкий ветерок как

будто подталкивал его в спину, и он не заметил, как выбрался из дремучего леса на широкую прямую дорогу, которая и привела его прямо к родному дому.

Ах, как обрадовались его жена и дети, когда он вошёл в дом! Долго рассказывал путник о своих приключениях, и никто бы ему не поверил, если бы не удивительная одежда, в которой он вернулся. Утром его жена отпорола несколько бриллиантов и дала мужу со словами:

– Сходи к ювелиру, может он даст тебе несколько монет, чтобы купить еды, а то дети скоро проснутся, а мне нечем их накормить!

– Хорошо, – ответил муж и пошёл в ювелирную лавку.

Когда ювелир увидел, какие сказочные бриллианты принёс ему бедный человек, он потерял дар речи, а когда пришел в себя, воскликнул:

– Я покупаю их все у тебя! – а про себя подумал: – Таких бриллиантов нет даже в королевской сокровищнице!

Ювелир отсыпал прищельцу целый кошель золотых монет и с низким поклоном проводил до дверей. Ювелир был замечательным мастером. Когда он увидел бриллианты, похожие на капельки утренней росы, он сразу решил сделать золотой цветок, украсив его новыми камнями, и преподнести его в День рождения прекрасному принцу, сыну короля этой страны.

Долго трудился ювелир над прекрасным цветком. И вот наступил день, когда работа была закончена. Ах, как красива была золотая роза с капельками утренней росы на лепестках! Словно живая, стояла она в тонкой хрустальной вазе на столе, притягивая восхищённые взгляды всех, кто её видел.

Наконец наступил праздничный день. С раннего утра в королевском дворце готовились к приёму гостей. И вот торжественно зазвучала музыка, двери в тронный зал распахнулись, и все увидели прекрасного юного принца, с улыбкой встречающего своих гостей. Сколько замечательных подарков получил он в этот день – и сосчитать невозможно! Но все согласились, что всех чудесней была роза, подаренная ювелиром. И не потому, что это был очень дорогой подарок! Каждый, кто внимательно

всматривался в цветок, был уверен, что капельки росы, украшавшие его – настоящие. А когда солнце в них отражалось, они своими лучами дарили людям светлые мысли и ощущение безграничного счастья.

Все подарки отнесли в спальню принца, а золотую розу поставили на маленький столик у изголовья его кровати. А праздник продолжался целых три дня! Один бал сменял другой, и все признанные красавицы королевства мечтали танцевать с прекрасным принцем! Но его сердце было свободно. Он мечтал о славных битвах и военных подвигах и совсем не думал о любви.

Прошло несколько дней. Однажды принц проснулся очень рано с первыми лучами солнца. Взгляд его случайно упал на золотую розу. Волшебные бриллианты засверкали как капельки утренней росы. В них отразилось солнце, и сердце принца наполнилось счастьем и радостью. Он взял розу в руки и подошёл к окну. В бриллиантах он увидел отражение прекрасного сада. И вдруг – о чудо! Великолепные цветы стали превращаться в красивых людей, а когда солнце полностью показалось из-за горизонта, ослепительной красоты чайная роза, растущая в центре сада, превратилась в юную девушку. Как описать её красоту? Это невозможно, ведь это была красота всей земли: её цветущих трав, лазурного неба, ясного солнца, хрустальной воды, лёгкого ветерка и светлых облаков. Весь день простоял принц у окна с волшебным цветком в руках, а когда наступила ночь и видение исчезло, побежал принц к королю, чтобы рассказать ему об удивительном подарке. Король сказал:

– Этот ювелир – старый мастер, последний из древнего рода королевских ювелиров. Только ему известны тайны такого высокого мастерства и только его воле послушны благородные металлы и драгоценные камни. Завтра утром я пошлю за ним гонца.

Всю ночь принц не смыкал глаз, а с восходом солнца распахнул окно, чтобы вновь увидеть прелестную незнакомку в капельках росы. Но на этот раз чуда не произошло. Чистейшей

воды бриллианты отражали только солнечный свет, преломляя его в лучи радости и любви.

Когда ко дворцу подъехала карета ювелира, принц первым выбежал встречать его, нарушив правила дворцового этикета. Старый мастер рассказал принцу всё, что знал. Как пришел к нему бедный человек и предложил купить удивительной красоты бриллианты. Как, разглядывая бриллианты при ярком солнечном свете, увидел он в одном из них отражение прекрасного цветка – чайной розы, и как старался он передать красоту этой розы в благородном металле.

– Но, к сожалению, – вздохнул старый мастер, – мой цветок – это лишь жалкая копия того цветка, который я случайно увидел в капельке бриллиантовой росы. Я сделал всё, что мог! Но так и не сумел выразить нежность утренней зари, бархатистость лепестков и аромат той цветущей розы. Прости меня, мой принц! – и старый мастер горько заплакал.

– Нет-нет, не плачь! – утешал его принц. – Если бы не ты, я никогда бы не узнал о существовании такой красавицы. Твоя золотая роза – это прекрасный портрет моей возлюбленной, которую я буду искать хоть всю оставшуюся жизнь! Я найду того человека, который продал тебе драгоценные камни, и узнаю дорогу к волшебному саду.

И по всему королевству стали разыскивать того человека, который продал бриллианты ювелиру. Это оказалось совсем не просто, ведь полученных от ювелира денег бедняку хватило не только на то, чтобы накормить семью, но и чтобы купить себе новый красивый дом далеко от того места, где он раньше жил. Но человек не иголка в стоге сена, и однажды в дверь его дома постучали королевские гонцы. Пришлось ему ехать во дворец.

Внимательно выслушал путешественника принц, а затем велел оседлать для себя самого быстрого коня. Долго ехал он по дремучим лесам, переправлялся через широкие и глубокие реки, пока не оказался у высокого дерева, одиноко стоящего на краю леса. Расседлал он коня и решил немного отдохнуть. Задремал принц под деревом и услышал сквозь сон, будто кто-то поёт тоненьким голоском:

*– Динь-динь-динь,
Динь-динь-дон,
От принцессы вам поклон.
Сад волшебный недалёк,
Путь вам прямо на восток.*

Открыл принц глаза, оглянулся вокруг – никого рядом нет. Только большой голубой колокольчик качался рядом с ним на зелёном стебельке в такт только что услышанной мелодии. Догадался принц, что неспроста приснилась ему волшебная песенка. Свистнул он коня, вскочил в седло и поскакал прямо на восток.

Едет он день, едет другой, а волшебного сада нет как нет. У коня уж ноги подгибаются, а принц всё на восток его погоняет. Вдруг путь ему перегородил ручей. Вода в нём была так чиста и прозрачна, так играла всеми цветами радуги, что конь встал как вкопанный – и ни с места. Пришлось принцу слезть с коня и напоить его из ручья. Только наклонился юноша к воде, как снова услышал знакомую песенку:

*– Динь-динь-динь,
Динь-динь-дон,
От принцессы вам поклон.
Сад волшебный недалёк,
Путь вам прямо на восток.*

Умылся принц хрустальной водой – усталость как рукой сняло. Достал он из сумки золотую розу, брызнул на неё водой из ручья – заиграли драгоценные камешки, отразился в них волшебный сад, и краше всех цветов – чайная роза. Прижал принц золотую розу к своему сердцу и снова пустился в путь.

Вскоре лесная тропинка, по которой он ехал, стала сужаться и вскоре совсем исчезла в траве. Оглянулся принц, а вокруг уже грозно шумят высокие деревья, кустарник встал непроходимой стеной, а травы и цветы опутывают ноги. Испуганно заржал конь, и в этот самый момент погас последний луч солнца. Наступила непроглядная тьма. Но юноша не испугался. Выхватил

он острую саблю и стал рубить кустарник и сплетённые ветви деревьев. Застонал, заплакал лес.

– У-у-у! Послушай меня, принц! Не пущу я тебя в волшебный сад. Отхлещу я тебя ветками, оплету травами, о корни моих деревьев твой конь споткнётся. Не видать тебе принцессы цветов. Не наслаждаться тебе её красотой, не вдыхать тебе её тонкий аромат. Уходи прочь! Не тревожь мой лесной покой.

Но ответил юноша:

– Прости меня, лес, и пропусти к моей возлюбленной! Она одна живёт в моём сердце, и никто и ничто не сможет меня остановить.

Загудел лес, зашелестели кусты, зашептались травы, и вот что услышал принц:

– С первым лучом солнца откроется тебе волшебный сад, если освободишь из золотой клетки усладу моей души – серого соловья. Не поёт он больше своих чудесных песен, заперла его огненная фея Молния. Висит клетка на самой высокой ветке самого высокого дерева в лесу, а ключ от клетки – на золотой цепочке у феи на поясе.

Расступились перед принцем деревья, и увидел он дуб – корона до облаков. А золотая клетка сверкает маленькой звёздочкой в чёрном небе. Подъехал принц к дубу, ухватился за нижние могучие ветки и стал подниматься вверх. Чем выше забирался принц, тем грознее становилось небо. Огромные свинцовые тучи закрыли звёзды, загремел гром и сверкнула молния. Но юноша не остановился, а продолжал подниматься вверх. И тут запел свою волшебную песню соловей. И чем громче гремел гром, чем ближе падали огненные стрелы феи Молнии, тем радостнее звучала песня соловья.

Вот и золотая клетка. Только протянул принц руку и снял золотую клетку с ветки, как расколосось небо от страшного раската грома, и на огненной колеснице предстала перед ним сверкающая фея Молния. Лепестки пламени – её одежда, а корона – негасимый огонь.

– Как посмел ты дотронуться до моей золотой клетки?! – воскликнула фея Молния, и языки пламени опалили кудри принца.

– Как посмел ты похитить моего любимого соловья?! – снова крикнула она, и огненные молнии, как стрелы, вонзились бы в сердце принца, если бы на его груди не была спрятана золотая роза. Оттолкнула она молнии золотыми лепестками и спасла принца от неминуемой гибели.

Удивилась фея, увидев, что принц остался жив. А юноша достал розу и, нежно поцеловав, преподнес её с поклоном фее.

– Ах! – только и прошептала фея, принимая золотой цветок, сверкающий в огненном пламени капельками своей волшебной росы.

– Только такая прекрасная женщина как вы, уважаемая госпожа фея, достойны украсить себя этим божественным цветком! – галантно поклонился принц, задыхаясь от огненного жара.

– Ну что же, – улыбнулась фея. – Я принимаю твой дар, а взамен проси у меня, что хочешь.

– Пожалуйста, верните соловья лесу! – попросил принц. – Это единственная моя просьба!

– Будь по-твоему! – согласилась фея Молния и открыла клетку золотым ключиком. Соловей выпорхнул из клетки и полетел в свой лес. А фея Молния протянула радугу до земли, и по ней принц быстро спустился вниз.

Как только принц оказался на земле, расступился перед ним лес, и увидел он волшебный сад во всей красе утренней свежести. Капельки росы переливались на лепестках цветов всеми цветами радуги и сверкали так ярко, что приходилось зажмуривать глаза. Цветов было такое великое множество, и все они были так прекрасны, что даже кисть самого талантливого художника не смогла бы передать такое богатство красок. Воздух в саду был так пропитан нежным и изысканным цветочным ароматом, что у принца перехватило дыхание и закружилась голова.

– Вот он, сад моей мечты! – воскликнул юноша.

Шёлковые травы расстелили свой изумрудный ковёр под его ногами, а цветы наклонили свои восхитительные головки в знак приветствия. Колокольчики зазвонили так мелодично, что сердце принца наполнилось радостью и счастьем.

В центре сада в тени жасминовых кустов был накрыт удивительный стол. В лепестках разных цветов, как в драгоценных кубках, сверкал розовый нектар. Ароматные пирожные из цветочной пыльцы своей формой напоминали венчики экзотических цветов, а хрустальной чистоты роса манила прохладой.

Попробовал принц угощение, поблагодарил цветы и отправился рассматривать сад дальше. Весь день до темноты бродил он по чудесному саду, надеясь встретить прекрасную незнакомку, но нигде не было видно ни одной живой души. Только в одном месте, там, где росли алые и белые розы, увидел принц цветок чайной розы, похожий на тот, что преподнёс ему когда-то ювелир в день его рождения.

Долго любовался принц прекрасным цветком, нежно гладил и целовал легкие атласные лепестки, с грустью вдыхая неповторимый аромат любви. Откуда было ему знать, что принцесса цветов Чайная Роза и есть та девушка, которую он полюбил? Ведь цветы превращались в людей только один раз в году, в первый день первого летнего месяца. Но никто не мог открыть принцу тайну волшебного сада, потому что тогда в саду наступила бы осень, и все цветы погибли бы.

Дни проходили за днями, а в саду ничего не менялось. Всё так же благоухали цветы, пел свои чудесные песни соловей, под жасминовым кустом был всегда накрыт для принца стол и приготовлена постель из лепестков роз. Каждый вечер несчастный принц приходил к чайной розе, чтобы снова и снова рассказать ей историю своей любви и увидеть, как капельки вечерней росы, словно слезинки, скатываются с нежных лепестков и застывают в траве бриллиантами.

И вот наступил день, когда принц понял, что прелестной девушки, похожей на распустившийся бутон розы, в саду нет. Ведь он изучил здесь каждую тропинку, каждый уголок, познакомился со всеми цветами и растениями.

– Может быть, я встречу её в каком-нибудь другом саду, – говорил юноша чайной розе. – Я скоро уеду и буду искать её снова и снова, хоть всю свою оставшуюся жизнь! Мне так не хочется

расставаться с тобой, ведь только ты напоминаешь мне ту золотую розу, которую мне подарили на день рождения, и благодаря которой я встретил свою любовь. Как бы мне хотелось взять тебя с собой, – шептал принц, прижимая чайную розу к своей груди. – Слышишь, как бьётся и тоскует мое сердце? Только здесь, около тебя мне становится легче, ведь ты всегда готова выслушать меня и пожелать мне счастья. Я чувствую, что ты любишь меня больше всех на свете, ведь когда я ухожу от тебя, ты так горько плачешь! – вздыхал принц и покрывал поцелуями свою чайную розу, не замечая, что её тонкие светлые лепестки розовели, как щёки невинной девушки.

Что могла ответить принцу Чайная Роза? Она была обречена на молчание. До первого дня первого летнего месяца оставался всего один день, но как могла принцесса сказать юноше об этом? Всю последнюю ночь соловей пел так печально, что у принца разрывалось сердце от боли. Но он уже принял решение уехать и искать принцессу в другом месте.

С первыми лучами солнца принц оседлал своего белого коня и в последний раз проехал по саду, прощаясь с цветами. В волшебном саду время летело незаметно, а на самом деле прошёл почти целый год как принц появился здесь. Юноша подъехал к кустам алых и белых роз. Раньше ни разу ни один шип не уколол принца, а сейчас, словно предчувствуя беду, все розы встали стеной, выставив свои острые колючки, и загородили от принца чайную розу – свою принцессу.

Но принц был упрям. Несмотря на то, что острые шипы разорвали его красивое платье и расцарапали в кровь руки, он, добравшись до своей любимой чайной розы, уже наклонился, чтобы в последний раз поцеловать её, как вдруг рука его потянулась к тонкому беззащитному стебельку, и, не раздумывая долго, он сорвал цветок со словами:

– Ах, я не могу расстаться с тобой! Только ты и напоминаешь мне о моей не встреченной возлюбленной.

Принц вскочил на коня и вскоре был уже на лесной тропинке в знакомом лесу. Он даже не заметил, как почернели от гнева розы, как возмущённо зазвенели лиловые колокольчики ему

вслед, и как печально поникли головки всех цветов в волшебном саду.

– Никогда больше не стать нам людьми, никогда больше не увидеть нам нашу прекрасную принцессу! – грустно шептали цветы. Но принц, конечно, не слышал этих слов. Он был так занят своими мыслями, что не замечал ничего вокруг себя.

Вскоре дорога привела юношу к знакомому хрустальному ручью. Здесь он решил переночевать. Напоив коня, он наклонился, чтобы набрать воды, и в этот момент чайная роза упала из петлицы его камзола прямо в ручей.

– Моя роза, ты тоже хочешь пить! – воскликнул принц, и, выхватив розу из воды, положил её в чашу с водой. Затем, устроившись поудобнее на берегу ручья, принц закрыл глаза и быстро заснул.

Он так крепко спал, что не слышал, как маленький серый соловей из волшебного сада прилетел к принцессе, чтобы утешить её своей песней. Но этой ночью его песня напоминала жалобный плач. Соловей знал, что пройдёт всего несколько дней, и принцесса погибнет, как погибает всякий цветок, сорванный безжалостной рукой.

– Что я могу сделать для тебя? – спрашивал соловей чайную розу. – Может, мне отнести тебя в наш сад к твоим родным и друзьям? Мы дадим тебе выпить волшебный сок цветка папоротника, и силы надолго вернуться к тебе.

– Нет-нет, – грустно отвечала принцесса. – Поздно, я уже не могу расстаться с прекрасным принцем. И пусть это будут последние дни моей жизни – я не променяю их ни на какие другие!

И сколько ни уговаривал соловей Чайную Розу вернуться с ним в волшебный сад, она не согласилась.

Наступило утро первого дня первого летнего месяца, и как только первый луч солнца коснулся цветка, чайная роза превратилась в прелестную юную девушку. Она не стала будить принца, а села рядом с ним и любовалась прекрасными чертами его лица, ожидая пока он проснётся.

Как несказанно удивился принц, когда, проснувшись, увидел он девушку, которую искал столько дней. Он смотрел на неё во

все глаза, боясь прикоснуться к ней или вымолвить хоть словечко, так сказочно прекрасна была принцесса цветов!

Кожа её напоминала лепесток розы, вобравший в себя все нежные краски утренней зари. Волосы её были убраны в изящную причёску, а локоны, разбросанные ветром по плечам, сияли как закатное солнце. Цвет её глаз напоминал изумрудную чистую зелень весны, а платье, в которое она была одета, было таким шелковистым и воздушным и такого изысканного покроя, что, казалось, оно было соткано из лепестков чайной розы.

– Кто ты, прекрасная незнакомка? Как ты оказалась здесь, в этом диком лесу? – еле вымолвил принц и растерянно улыбнулся. – Я искал тебя так долго, а ты пришла ко мне сама.

– Я принцесса Волшебного сада, Чайная Роза, – просто ответила девушка. – Я всегда была с тобою, когда ты этого желал. Сколько дивных вечеров провели мы вместе в Волшебном саду!

– Неужели это ты, тот самый цветок чайной розы, который я сорвал, уезжая?

– Да-да! Это я, – и принцесса рассказала юноше тайну превращения цветов в людей. Не сказала она только о том, что ночью она снова превратится в цветок. Ей так не хотелось думать о разлуке!

Весь долгий летний день влюблённые провели вместе, а когда лёгкие сумерки окрасили небо в жемчужные тона, принцесса призналась, что наступило время расставанья.

– О нет! – вскричал принц. – Я не хочу разлучаться с тобой. Мое сердце принадлежит только тебе! Будь моей женой!

Но принцесса только грустно улыбнулась в ответ.

– Поздно! – прошептала она. – Ведь ты сам, своей рукой сорвал меня! Если бы ты остался в саду ещё на один день, мы могли бы пожениться, и я бы стала твоей навеки. А теперь поздно. Как только погаснет последний луч солнца, я превращусь в цветок и вскоре увяну в твоих руках, если...

В этот самый миг солнце скрылось за горизонтом, и принцесса исчезла, а в руках у принца остался только безмолвный прелестный цветок.

Горько заплакал юноша. Не мог он простить себе, что потерял возлюбленную по своей вине. И не знал он, что делать ему дальше.

Тем временем наступила глубокая ночь. Вокруг все стихло, заснул даже хрустальный ручей, не было слышно ни журчания воды, ни шёпота белых лилий. Только принц не мог уснуть, думая, как вернуть принцессу. Вдруг тихонько скрипнула ветка над его головой, потом легко зашелестела листва. Это прилетел соловей из Волшебного сада. Но принц, конечно, не мог понять ни одного слова из разговора соловья и Чайной Розы, ведь он не знал языка птиц и цветов.

– Зачем ты вернулся, мой милый друг? Почему не поёшь свои песни в Волшебном саду? – спрашивала Чайная Роза.

– Как же я мог покинуть тебя, моя любимая принцесса! Я прилетел сюда, чтобы сохранить тебе жизнь. Все цветы в Волшебном саду отдали свой божественный аромат за одну каплю сока цветка папоротника. Мы напоим тебя живительной влагой, и ты снова пустишь корни, и будешь жить в саду, радуя нас своей пленительной красотой! Но нужно торопиться, ведь папоротник распускает свой магический цветок один раз в сто лет и цветёт всего три минуты. Это случится ровно в полночь, и если мы не успеем долететь, то ты погибнешь навсегда. Конечно, ты больше никогда не превратишься в девушку, ведь ты не стала женой принца, но зато останешься жива! – И соловей, слетев с ветки на грудь принца, осторожно взял в клюв чайную розу и исчез во тьме ночи.

Вернулся принц в свое королевство мрачнее грозовой тучи. Придворная жизнь перестала интересовать его. Целые дни проводил он теперь в королевском саду, перебирая маленькие прозрачные бриллианты – застывшие слёзы принцессы и надеясь вновь увидеть в одном из них свою возлюбленную. Сердце подсказывало ему, что она не могла исчезнуть бесследно. И в самом деле, принцесса Чайная Роза снова расцвела в своем саду благодаря капле волшебного сока папоротника. Её фрейлины, алые и белые розы, нежно ухаживали за ней, и на радостях, что принцесса осталась жива, тараторили без умол-

ку, рассказывая ей о кавалерах-цветах, влюблённых в неё без памяти.

– Посмотрите, принцесса, как красив и важен Вишнёвый Георгин! Он так долго ждёт аудиенции Вашей милости. А юный Нарцисс вот уже целый год посылает Вам очаровательные письма, запечатанные поцелуем, с признаниями в вечной любви. А Вы их даже не изволите читать! А наш дальний родственник, Белый Шиповник! Он выстроил вокруг сада непроходимую стену и оплел её вьюнком, чтобы больше никто не смел беспокоить Ваше Величество. А Гладиолус! Ах-ах! Он так элегантен и благороден! Если Вы выйдете за него замуж, будете жить как в раю! – И так целые дни напролёт фрейлины жужжали ей о замужестве, но принцесса не говорила ни «да», ни «нет». Но так как долго засиживаться в девицах принцессам не положено, пришлось назначить день смотрин женихов. Были разосланы приглашения всем женихам Волшебного сада, чтобы принцесса могла выбрать себе будущего мужа.

– Я выйду замуж, – сказала принцесса, – но только за того, чей подарок тронет моё сердце и заставит почувствовать себя счастливой. До назначенного срока все подарки будут храниться в розовой комнате Розового дворца, – добавила она, – а в первый день первого летнего месяца я выберу один подарок и таким образом узнаю имя моего суженого. В этот же день состоится и моя свадьба.

О, какое же началось столпотворение в Цветочном королевстве! Ювелирных дел мастера были завалены заказами. Каждый цветок-жених мечтал угодить принцессе и не жалел для этого ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней.

Случилось так, что и прекрасный принц, ничего не зная о судьбе Чайной Розы, заказал старому королевскому ювелиру точную копию золотой розы, какая была у него когда-то: «Пусть хоть она напоминает мне о моей потерянной возлюбленной!»

Выслушав историю юноши, ювелир согласился помочь ему. И в тот же день мастер приступил к работе. День и ночь трудился он над прелестным цветком, и вот наступил час, когда он принёс розу во дворец. Ах, как счастлив был принц, увидев

знакомый цветок. Он скорей подбежал с ним к распахнутому окну и – о чудо! – капельки росы засверкали в лучах солнца всеми цветами радуги, и юноша увидел Волшебный сад во всей его красе. В каждой капельке росы отражался только маленький кусочек сада, и принц поворачивал золотую розу во все стороны, чтобы увидеть то место, где росли розы. И терпение юноши было вознаграждено. В одной из капелек росы он заметил кусты алых и белых роз, а в центре свою возлюбленную Чайную Розу.

– Какое счастье, она жива! – воскликнул радостно принц и приказал немедленно седлать своего быстрого коня.

Быстрее ветра летел принц к своей любимой, и вот он уже на пороге Волшебного сада. Но что это?! Перед принцем непроходимая стена из колючего кустарника, живописно украшенная белыми цветами шиповника и оплетенная вездесущим вьюнком.

– Что же делать?! – подумал принц и с тоской поглядел в небо. – Был бы я птицей небесной, вмиг бы перелетел через эту стену!

Стал принц объезжать сад кругом, чтобы найти хоть маленькую лазейку. Но нет! Ни одной даже крошечной дырочки не оставили цветы в живой стене. А как только принц приближался вплотную к кустам, те выставляли навстречу самые острые шипы и колючки. Попробовал принц прорубить себе дорогу мечом. Да что толку! Кустарник ещё быстрее разрастался, и ещё выше и неприступней становилась стена.

Вернулся принц обратно в лес, присел на берегу хрустально-го ручья и вдруг слышит:

*Динь-динь-дон,
Динь-динь-дон,
Вам принцесса шлёт поклон.
Отпьюшь воды глоток
И не будешь одинок!*

Оглянулся принц – нет никого. Прислушался – да ведь это ручей поёт, перебирая струи прохладной воды, как струны

арфы. Послушался совета принц, отпил глоток воды из ручья, и вдруг почувствовал, что с ним происходит что-то необычное. Наклонился он к ручью, чтобы посмотреться в зеркало воды, но себя не увидел. Один только незнакомый ему цветок на изящном стебельке наклонялся к воде, будто хотел полюбоваться своим отражением.

– Неужели я превратился в цветок! – ахнул принц, но никто ему не ответил. Лес жил своей обычной жизнью, но, превратившись в цветок, юноша стал понимать язык леса. Недалеко от него переговаривались две кумушки – жёлтые кувшинки. Они сушили на солнышке свои пышные юбки из жёлтых лепестков и обсуждали какую-то удивительную новость.

– Ну и денёк выдался хлопотливый! – говорила одна со вздохом. – Мои дочки сбились с ног, каждая требует себе новое платье на свадьбу принцессы. Где это видано?! Пошить двадцать восемь платьев и все разных фасонов!

– И не говори, милочка! – подхватила другая. – Я сама сколько еловых иголок перевела, чтобы сшить себе праздничный наряд! Надеюсь, что на балу я буду выглядеть не хуже этой зазнайки – белой лилии с её заштопанной белой вуалью.

– Конечно, дорогая, – отвечала первая кувшинка. – Я всегда говорила, что жёлтый – это цвет солнца, а что белый? Фи-фи! Холодный, как снег. Наверное, даже сама невеста, наденет подвенечное платье сливочно-кремового цвета, а не белое!

– Извините, уважаемые дамы, что я вмешиваюсь в ваш разговор, – галантно прервал их принц, – но не подскажите ли вы мне, о чьей свадьбе идет речь?

– О-о-о! – возмутились кувшинки. – Как?! Вы не знаете?! Вы случайно не с луны свалились?! Весь цветочный мир только и делает, что говорит о предстоящей свадьбе принцессы Чайной Розы. Церемония состоится завтра.

– Как завтра?! – воскликнул принц, и сердце его сжалось. – А кто, простите, жених?

– Вы и этого не знаете? – удивлённо покачали головками кувшинки и стали объяснять принцу условие принцессы. – Имя избранника все узнают только завтра к полудню, после чего и

состоится свадьба. Но если вы, юноша, желаете попытать счастья, то поспешите, ведь срок приёма подарков истекает ровно через 59 минут.

– Уже через 58, – поправила другая кувшинка, – стража закроет ворота в сад ровно в полдень. Сразу видно, что вы чужеземец, и не знаете наших порядков. И лепестки у вас такой редкой формы и окраски! Мы здесь таких никогда не встречали. Интересно, как вас зовут?

– Да я и сам не знаю, – со вздохом ответил принц и вежливо откланялся.

– Надо спешить во дворец. Теперь меня точно пропустят в сад, ведь я стал таким же, как все они! – думал он, с трудом пробираясь в густой траве. – Только вот беда! У меня нет достойного подарка для принцессы. Что же мне ей подарить, чтобы она поняла, что именно я послал ей этот подарок?

В это время принц окончательно запутался в траве и упал, ведь он не привык быть цветком!

– Ой! – воскликнул он от боли. Что-то сильно кольнуло его прямо в сердце. Принц схватился за грудь и тут же вспомнил о золотой розе, с которой он ни на миг не расставался во время своего путешествия.

– Вот что я пошлю принцессе! – обрадовался принц, и, выпутавшись из травы, заспешил к воротам волшебного сада.

– Поторопитесь, юноша! – крикнули ему стражники-кактусы, охраняющие ворота. – Через семь минут розовая комната принцессы закрывается.

За минуту до закрытия розовой комнаты принц вбежал во дворец.

– Но я уже заперла дверь в сокровищницу, – важно сказала ему ключница-медуница. – Сейчас я их опечатаю пчелиным воском.

– Но ещё целых 33 секунды! – в отчаянии закричал принц.

– К сожалению, ещё целых 30 секунд, – сказал стражник-кактус, взглянув на большие цветочные часы. – Придется всё-таки открыть ему дверь и принять подарок. Мы не можем нарушать правила!

– Так и быть! – неохотно согласилась медуница и со скрежежетом повернула ключ в замке.

Принц вошёл в розовую комнату и зажмурил глаза. Так ярко сверкали драгоценные камни в золотых украшениях, предназначенных в подарок принцессе. Каких только брошей, серёжек, браслетов, диадем, перстней и других замысловатых вещей там не было! Принц подал золотую розу медунице. В этот момент часы на дворцовой башне пробили 12 раз.

– Успел! – со вздохом облегчения подумал принц и вышел из розовой комнаты. – Отныне моя судьба в руках принцессы. Захочет ли она выбрать меня в мужа? Может, она уже позабыла обо мне? Ведь прошёл ровно год с тех пор, как мы расстались.

Утром следующего дня двери розовой комнаты были широко распахнуты. Принцесса Чайная Роза рассматривала подарки и старалась не вспоминать о своём возлюбленном. Она была совершенно уверена, что рассталась с ним навсегда.

– Ах, какая разница кто станет моим мужем, ведь всё равно это будет не принц! – говорила себе принцесса, безразлично перебирая роскошные украшения, подаренные ей с любовью и надеждой.

Случайно взгляд её упал на одиноко лежащую в сторонке золотую розу.

– Ты также одинока, как и я, – прошептала принцесса, – а эти бриллианты, застывшие на твоих лепестках, напоминают мне мои слезы, а не лучистую росу. Кто мог прислать тебя, прелестный цветок? Разве что такая же одинокая, жаждущая любви душа, как и моя. Наверное, я выберу тебя! – добавила принцесса, и приколотла золотую розу к своему платью.

Наступил полдень. В тронном зале дворца Роз яблоку негде было упасть. Все с нетерпением ждали принцессы. И вот зазвонили колокольчики, ландыши подняли свои смычки и заиграли на маленьких скрипках такую красивую мелодию, что пышные юбки придворных дам весело заколыхались.

Наконец, появилась принцесса Чайная Роза. Наступила мёртвая тишина. Цветы вытягивались на своих стебельках, чтобы увидеть выбранный принцессой подарок и услышать то,

что она скажет. А принцесса, прижав руки к груди, взволнованно сказала:

– Пусть тот, чей подарок украшает сегодня моё платье, выйдет сюда и назовёт своё имя.

От радости у принца перехватило дыхание, но он ничем не выдал своё волнение и вышел на середину зала.

– А он совсем недурён собой и молод! – услышал он тихий шепот за спиной. – Мы его совсем не знаем. Кто он? Откуда он прибыл в наше королевство?

– Какой у него роскошный и модный костюм! Наверное, он очень богат и знатен. Посмотрите, как он держится! – перешёптывались придворные цветы.

– Назовите нам своё имя! – попросила принцесса смущённого юношу.

Конечно, она не узнала принца, ведь ей и в голову не могло прийти, что он может превратиться в элегантный цветок. А бедный принц не знал своё имя. Он не знал название цветка, которым он стал. Поэтому он молча отвесил принцессе низкий поклон и подал ей свою руку. И пока принц торжественно вёл Чайную Розу по залу к её пышному трону, в наступившей тишине все услышали, как непоседливая маленькая незабудка громко шепнула своим многочисленным сестрицам:

– Ах, да ведь это сам Королевский Лотос! Я видела его только на картинке в старинной дедушкиной книжке. Ах, какой красавец!

И все цветы тут же подхватили:

– Королевский Лотос! Ну конечно, как же мы сразу не догадались. Более достойного жениха нашей принцессе и пожелать невозможно!

– Неужели я превратился в цветок лотоса? – изумлённо подумал принц и радостно взглянул на принцессу. – Ради неё я готов был стать даже простым одуванчиком!

Ах, какая это была весёлая свадьба! Все цветы восхищались мудрым выбором принцессы и желали счастья молодым. Принц Лотос был так счастлив, что даже не замечал косых взглядов отвергнутых женихов. А принцесса Чайная Роза как ни пыталась

грустить, у неё ничего не получалось, ведь сердце обмануть нельзя. Как бы там ни было, свадьба закончилась только к утру, и когда, наконец, молодые остались одни, принц Лотос нежно поцеловал свою прелестную жену и спросил:

– Неужели ты так и не узнала меня, моя любимая?

Чайная Роза взглянула на принца Лотоса глазами, полными слёз, и в этот самый миг солнце заглянуло в комнату молодоженов. И вдруг произошло чудо. Они превратились в очаровательных юношу и девушку.

– Ты вернулся, мой прекрасный принц! – только и смогла вымолвить принцесса и заплакала уже от радости.

Наступило утро нового дня. После свадьбы чары разрушились навсегда, и волшебный сад стал обыкновенным чудесным садом. А принц, когда стал королём, издал специальный указ, по которому было строжайше запрещено срывать цветы в его королевстве.

И вскоре самые красивые цветы мира расцвели в садах и даже на обочинах дорог его удивительного королевства!

С тех пор прошло много-много лет, а люди всё еще находят алмазы чистой воды, похожие на капельки утренней росы, даже не догадываясь о том, что это волшебный дар принцессы цветов людям.

Людмила МАКСИМЧУК

Людмила Викторовна Максимчук – поэтесса, писательница, художница, драматург, член Московской городской организации Союза писателей России, автор тридцати книг и текстов к десяткам песен. Её произведения являются лауреатами и дипломантами всероссийских и международных форумов, фестивалей, конкурсов; литературные и живописные работы находятся в российских и зарубежных культурных центрах, национальных библиотеках, частных коллекциях. Отдельные материалы публикуются в периодической печати, литературных альманахах, научно-публицистических изданиях чернобыльских авторов и противопожарной службы МВД и МЧС России, на зарубежных и российских интернет-порталах. Людмила Викторовна сама иллюстрирует и оформляет свои книги. Она проводит персональные выставки и творческие встречи с молодёжью на различных площадках.

Живёт в Москве.

ИЗ АВТОРСКОГО ЦИКЛА «ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ»

ЖИЛИ-БЫЛИ ВИЛКА И НОЖ

Сказка за обедом

Жили-были Вилка и Нож. Жили они по отдельности, но встречались раза два-три в день за завтраком, обедом или ужином и так, изредка. Как полагали окружающие, им этого вполне хватало для приятного общения и некоторой взаимопомощи. Так ли уж хватало? А если им хватало, то другим... Обеденная ложка или просто Ложка, как её называли в тесной компании, до сих пор так и не встретившая уверенного в себе кавалера, вовсе не симпатизировала этой паре.

– Вот, кому-то везёт, да только не мне, – в шутку жаловалась она Глубокой тарелке. – И что он в ней нашёл? Зубастая, худая, во всё встречается с подковырками, обстановку нагнетает, ссоры затевает, старается этаким манером привлечь к себе внимание.

– Как не так! Извертелась как юла, всё к Ножу подлаживается да ластится, стыд и позор, – охотно поддержала её Глубокая тарелка. – Это мы с тобой дружим чинно да мирно, всё приличной партии дожидаемся, но никак не дождёмся.

– Дружить-то мы будем, видно, до конца наших дней. А поклонники наши где? – усмехнулась Ложка. Она прекрасно понимала, что женская дружба – до поры до времени. «Фигурой не вышла» – так говорили завистницы за её спиной.

– Где-где... Вон, Кастрюля и Сковородка недавно напрочь перессорились, Половник никак поделить не могут, – вспомнила кстати Глубокая тарелка.

– Да ну! Зачем Сковородке нужен Половник? – расхохоталась Ложка. – Половник гораздо больше подходит Кастрюле.

– Смотри-ка ты... А Нож? Чего по нему сохнешь зря? – подцепила её Глубокая тарелка. – Он подходит Вилке по всем показателям, а тебе это покоя не даёт.

– Нож? Сохну? Да это – сплошная неправда. Зачем он мне нужен? И как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне, ещё подругой считаешься! – негодовала Ложка, потому что Глубокая тарелка судила всех по себе, никакого представления не имея о высоких материях. Нож? Ерунда какая! Ложка обиделась на Тарелку принципиально, подозревая её не только в ложной дружбе, но также и в самых грубых интригах по отношению к ней. На обед Ложка так и не пришла, хотя все её ждали.

– Ах, эта Глубокая тарелка, пузатая и безмозглая! Теперь и близко к ней не подойду. Пусть сама расхлёбывает кашу чрезвычайно быстрого приготовления, какую заварить собирается, – в сердцах пожаловалась она, как ни странно, той же Вилке на прогулке после водных процедур.

– Да уж заваривала она кашу, и не раз; жаль, ты не видела, как её просто трясло, когда эту кашу и расхлёбывать-то было нечем! – выпалила Вилка, которая любила зубки поострить. И тоном ниже произнесла с расстановкой: – Надо знать, с кем дружить.

– С тобой, что ли? – «забросила удочку» Ложка.

– Значит, если укусить не можешь, то хочешь хитрую дружбу завести, как и все остальные? – подмигнула ей Вилка. – Значит, ещё не поняла, что всякая бабская, так называемая, дружба держится на сплетнях и корысти?

– Поняла, конечно. А с кем же ты дружишь? – поинтересовалась Ложка.

– Да уж не с глубокими тарелками.

– С ножами... Я вижу. Разве это – дружба?

– С закусочными тарелками, моя дорогая! Понимать надо. А вот что до ножей – не твоё дело, не твоя забота, – обрубил Вилка. – С хорошими манерами ты, кажется, знакома, но они тебе не нужны. Ты и Глубокая тарелка, хотя и совершенно разные, но всё равно – особы второго сорта, этим и знамениты.

– Да как ты смеешь... Да какое ты имеешь право... – Ложка путалась и заикалась, чуть не расплакалась от обиды. Ушла с

глаз долой, от дерзких выпадов подальше. Бабская дружба... Особа второго сорта... Манеры... Ложка оскорбилась, потому что изначально старалась придерживаться рационального мировоззрения, но всегда что-то мешало этому. Нет, надо успокоиться и не реагировать на такие всплески, поберечь себя. Конечно, термины «сервировка», «сервис», «сервиз» были для неё профессиональными, только с душевными понятиями совпадали редко. Рассчитывать на то, что в скором времени встретится подходящая партия – и не «молодец залётный», а солидный ухажёр с фундаментальными взглядами на жизнь – не приходилось. Пусть даже так. Но благородные сервировочные приборы живут долго. Нужно набраться терпения и ждать...

И чтоб никаких подруг!

На следующий день, словно бросая вызов окружению, Ложка вышла к завтраку без опозданий. Держалась свободно. Глубокая тарелка издали покосилась на неё, но подойти не посмела. Вилка и Нож картинно улыбались друг другу, искоса поглядывая вокруг. Сценический дуэт! Фальшь... Ложка оценила остановку, и в ней что-то перевернулось мгновенно. Она словно взглянула на себя со стороны, по-новому ощутила себя в привычной компании – не-за-ви-си-мо, зная себе цену. Нет, не хотела привлечь к себе нездоровый интерес, но... Осмотрелась с достоинством. И вдруг... Неприступный на вид Бокал, серьёзный и осанистый, нарушая некоторые правила этикета, решительно приблизился к ней. Бокал не так давно появился в означенном обществе, но сумел сразу же занять наивысшее положение, как на обеденном столе, так и за обеденным столом.

Ложке и в голову не приходила мысль о том, что Бокал может удостоить её вниманием.

– Простите, меня до сих пор вам не представили, но, думаю, обойдётся и без третьих лиц, – неторопливо, с расстановкой произнёс Бокал. – Представляю себя сам и предлагаю познакомиться поближе, побольше узнать друг о друге. Не возражаете?

Ложка не понимала, что новенького можно узнать друг о друге, если и так каждому известно о каждом почти всё. Правда, о Бокале ходили противоположные слухи, потому что точных

сведений о нём не было. Ничего осудительного о нём Ложка не знала. Отказывать ему не следует, но и соглашаться скоропалительно нельзя – к тому же на виду у всех. Ситуация заинтересовала собравшихся на трапезу. Вилка ядовито усмехалась. Нож напрягся изо всех сил, сохраняя позу проглотившего шпагу фокусника. Обе тарелки, Глубокая и Закусочная, забыли о конкуренции, переглянулись и прошептали в унисон: «Вот это да!» Прочие особы, делая вид, что им всё равно, бросали неодобрительные взгляды в сторону Бокала и Ложки.

– Узнать побольше друг о друге не мешает только в том случае, когда... – Ложка смутилась и растерялась.

– Когда намерения обеих сторон искренни, – подсказал слегка разволнованный, но не потерявший хладнокровия Бокал.

– Да, вы правы, – согласилась воспрянувшая духом Ложка. – Лично мне скрывать нечего. Но я устала узнавать то, что и знать не следует, устала жить в ожидании подвоха от... – она чуть-чуть запнулась, не зная, как произнести «от подруг».

– А ничего плохого ждать заранее не надо, – мягко успокоил её Бокал. – От меня вам не придётся ждать ничего другого, кроме уважения и... – он стушевался, что при его осанистости и массе выглядело нелепо, однако улыбнулся и закончил фразу с ударением. – И любви.

Любви? Такого слова ещё ни разу не произносили за обеденным столом. Публика возбудилась и уже не могла изображать из себя молчаливую массовку: все задвигались, зашумелись, предвкушая то ли водевиль, то ли скандал. Вилку просто скрючило от досады, ведь такого слова ей не говорил никто, тем более прилюдно. Нож резко отодвинулся от своей компаньонки, рассчитывающей на его серьёзные намерения, но так и не дождавшейся соответствующих признаний.

– Любви... – тихо прошептала сияющая от счастья Ложка и впервые взглянула на Бокал пристально. Неужели сам Бокал сказал ей это слово? И все слышат! Она и надеяться не могла...

– Да, любви, – подтвердил смущённый Бокал, сам от себя не ожидавший такой безрассудной смелости. – Остальное мы обсудим позже. Вас это устраивает?

– Конечно, – восторженно произнесла Ложка, приблизившись к Бокалу и демонстрируя ошеломлённому обществу ослепительную улыбку и изумительную фигуру. – Здесь не место... для подобных обсуждений.

Завтрак кое-как закончился, публика расходилась, кто куда.

...Бокалу было о чём поговорить с Ложкой. Уже несколько дней подряд он сочинял речь, которую собирался произнести ей, только где и когда – не знал. Он получил недурное воспитание, но... Всё произошло спонтанно, без подготовки, нечаянно... Потом они долго беседовали в укромном уголке, на Старом подносе, который Бокал облюбовал для размышлений и разработки дальнейших планов на жизнь. Он не раз задерживался здесь подолгу, предаваясь раздумьям. А сегодня... Рассказывали о себе подробно, откровенно, набрасывали какие-то прожекты, мечтали о счастливом будущем.

– Знаете, – проговорила Ложка, – ведь только вчера, нет, даже сегодня, с раннего утра, у меня было совершенно другое настроение, другие мысли, другие заботы.

– И у меня, – отвечал Бокал. – Своей красотой и оригинальностью мышления вы поразили меня с первого взгляда. Счастлив, что вы не отвергли меня. Теперь у нас всё изменилось!

Да, если и не всё изменилось до конца в этой самой истории, то вскоре непременно изменится. И начнётся новая история.

Начнётся, скорее всего, так...

Жили-были Ложка и Бокал, жили долго и счастливо. Они твёрдо знали, что проживут вместе ещё много счастливых лет.

ЖИЛИ-БЫЛИ КЛЮЧИК И ЗАМОЧЕК

Сказка для пытливых

Жили-были Ключик и Замочек, жили и не тужили, придерживались общепринятых правил поведения и проживания,

а также являлись образцами для изучения и подражания – именно так о них и написано в правилах орфографии русского языка. Один без другого своей жизни не представляли. Кроме того, они гордились тем, что считаются важными изобретениями человечества и каждодневно служат различным категориям граждан по своему прямому назначению. Правда, с некоторых пор эта пара настолько *возвела в степень* свою самостоятельность и притёртость друг к другу, что решила попробовать жить изолированно, вдвоём, обособленной ячейкой общества, в скромном жилище, на отдельно расположенной территории в некоем идиллическом краю – во имя трепетной гармонии двойственности во Вселенной. Некие другие, *романтические граждане*, имеют полное право ознакомиться с выдающимися достижениями прагматиков. А обычные граждане?

Да хватит им и прочих изобретений в наше-то время!

Вот партнёры и поселились там, где хотели, устроились соответственно, приступили к выполнению своих планов. Общество, окружившее себя *ореолом романтики и справедливости*, встретило их без особого энтузиазма, но в то же время заинтересовалось новым изобретением прогрессивного человечества. Однако, так ли это изобретение безупречно? Разве нельзя обходиться и впредь без замков и ключей, если относиться друг к другу доверительно?

Гармония, идеалы, совершенства... Где они?

Очень скоро Ключик и Замочек ощутили расхождение реального образа жизни общества с декларируемым. Друзья как раз стали свидетелями стремительного расслоения этого самого общества. Лишь в местных традициях формально сохранялся благоприятный порядок вещей, да и то... Но не напрасно же они прибыли сюда – нужно своим примером послужить добрым делам, защите настоящих ценностей! Утром Ключик уходил на службу. Он запирает Замочек и удаляется в уверенности, что вернётся вечером, отопрёт Замочек и обнаружит в полной сохранности все свои идеалы, частично представленные *избранному обществу* посредством правил орфографии русского языка.

Идеалами Ключик дорожил чрезвычайно.

Так всё и продолжалось бы в их размеренной жизни, если бы... Ситуация в *идеализированном обществе* всё нагнеталась, но мириться с этим можно было до той поры, пока не возымели силу веяния новейшего времени. Повсеместно и без всякого стеснения провозглашались новомодные идеалы, соответственно вводились правила и порядки, *не совпадающие с заданными или установленными ранее*. Двойная мораль всё больше разрушало общество. Стремление к передовой моде захватывало все направления деятельности, все слои населения; не миновала эта волна и моих скромных героев.

Испытание – вот что ожидало их. Реклама вседозволенности, свободы от прежних норм и правил постепенно привела к тому, что Замочку надоело жить по-старому.

Однажды он заявил Ключику:

– Теперь модно жить раскрепощённо. Ты легко выходишь на просторы, пользуешься полной свободой. А я плотно привязан к месту. Не могу и вздохнуть полной грудью! Так не честно. Попробуем жить по-другому. Давай поменяемся местами, хотя бы на короткое время. Я буду уходить из дома, а ты – оставаться и хранить очаг нашей духовности. Идёт?

– Ты в своём ли уме? – возмутился рассудительный Ключик. – У нас с тобой разные обязанности. Другими они быть не могут. Мы с тобой только затем и нужны обществу, чтобы безотказно выполнять свои функции, не ошибаясь при этом. Наш отдельно взятый эксперимент «*во имя гармонии*» только подтверждает строгое правило.

– Каждый раз одно и то же? Это очень скучно и глупо тоже, – настаивал Замочек.

– Даже не смешно, – возразил Ключик. – Об уме и глупости можно рассуждать сколько угодно, но обязанности свои надо исполнять неукоснительно.

– Ага, это ты об идеалах печёшься. О гармонии устаревших принципов. *Служи, храни, сознавая ответственность...* Законы и правила... Как они ловко обошли мои личные интересы! *Общество, общество...* Нет, ты не о других, а обо мне подумай – вдруг

заржавею и сломаюсь от неподвижности, – хитро подмигнул Замочек.

– Как так – от неподвижности? – удивился Ключик. – Весь твой внутренний механизм легко приходит в состояние определённого движения, и это очень полезно для тебя.

– Внутреннего движения – да. А внешнего? Какая ж польза от моего *конструктивного постоянства*? Пойми, я никогда никуда не отлучаюсь, всё верчусь на одном месте, – занял Замочек. – Тоскливо мне живётся, неинтересно! Ну, позволь мне хотя бы один разочек выйти в мир, поглядеть вокруг, что и как. Может, и не понравится, так больше и проситься не буду.

И так, и сяк уговаривал он Ключик, окончательно замучил его своим унылым нытьём. Сил на уговоры, запугивания, доказательства с каждым днём у Ключика становилось всё меньше: ведь его и слушать не желали. Тем не менее, согласиться с абсурдной идеей он не мог.

– Ах, вот ты как ко мне относишься! Я впервые попросил тебя о таком пустяке, а ты... – Замочек решил, что всё равно своего добьётся, *несмотря ни на что*. – Раз так, я и сам могу...

– Ну, ладно, делать нечего, – Ключику хотелось плакать, но он сдержался. – Что с тобой произошло, чтобы ты утратил главное, я не знаю... Опасное дело задумал... Тебя, видно, не удержать. Не люблю резкие выходки, но отпускаю тебя сегодня на все четыре стороны. Иди! Будем считать, что отрицательный опыт тоже полезен. Только возвращайся быстрее! Предчувствия мои – самые неприятные. – Ключик пригорюнился, вздохнул тяжко. – Как бы большой беды не вышло... Авось пронесёт...

А Замочку только того и надо, обрадовался, спешно засобираясь уходить. Ключик, как обычно, запер Замочек, сам остался на месте, а Замочек двинулся в путь по окрестностям, решив начать своё путешествие с близких расстояний. Хотел ярких, светлых впечатлений, но получил нечто противоположное.

...И как же он ошибся в своих предположениях о большом мире! Там, где Ключик проходил или проскальзывал незаметно и без препятствий, Замочку приходилось туго. Нигде его не ждали, мало где понимали, почти никуда не пропускали.

Он вызывал у окружающих нездоровое внимание, неприязнь, массу грубых подозрений: кому нужны чужие замки, да ещё запёртые на никому не известные ключи? Болтаются без дела, других смущают... Словом, к вечеру Замок еле живой вернулся домой, сочувствуя участи Ключика. Вот, оказывается, какая она, свобода! Гораздо спокойнее и проще оставаться дома, беречь его ауру и покой... Домой-то он вернулся, но что застал?

Невесело встретил его Ключик, отпер, как всегда, и...

– Прости меня, друг, – произнёс Замок. – Этот большой мир – не для меня. Больше никогда не пойду туда, куда не следует совать нос. Теперь я буду послушным звеном в общей нашей жизни. А почему ты грустишь?

– А ты пройди и посмотри, что творится в нашей обители, – прошептал Ключик. – Или тебе всё равно? Пропали все наши... нет, мои идеалы. Пришельцам из чужого гнезда было всё равно, что крушить и ломать, но если двери в хранилище не запёрты...

– Как же так? Меня не было на месте всего только один день, и неужели этого времени хватило на этот разгром? – возмутился наивный Замок, когда увидел только пустоты и провалы там, где раньше царили плотность и высота. Хаос... Он ощутил всем своим нутром отсутствие устоявшихся идеалов. Оказывается, вот каков *здесь* порядок вещей!

– Один день – большой срок. Только надёжное препятствие могло бы остановить разорителей, но этого препятствия они не встретили. Злоумышленники словно ждали такого случая! Двери были отворены... Я предполагал вероятность того, что на нас совершат налёт наши недруги, но не мог уговорить тебя остаться для защиты, – усмехнулся горестно Ключик.

– Признаюсь, был неправ. Но если бы не познал всю правду и неправду на собственном опыте, никогда бы не успокоился. Прости меня, – сказал удручённый Замок. – Мне безгранично дороги наши идеалы и правила, хотя они сами по себе *не так хороши, как требуют принципы совершенного общества*, но, видимо, гораздо лучше, чем принципы и взгляды инородцев.

Так Ключик и Замок вернулись к тому, с чего и начинали, и это оказалось не так просто, как раньше, зато пользу из про-

исшедшего извлекли. Идеалы не являются правилами для всех подряд, но уж если хочешь выстроить жизнь в соответствии с ними, то надёжный Замочек и удобный Ключик к нему просто необходимы – для сохранности этих самых идеалов.

ЖИЛИ-БЫЛИ ТЕТРАДКИ И УЧЕБНИКИ

Сказка в портфеле

Жили-были тетрадки и учебники. Они то дружили друг с другом, то ссорились – и принципиально, и по пустякам.

Чаще – по пустякам. На этот же раз...

– Лучше мы расскажем, что вчера с нами случилось! – выпалили тетради, пролистывая исписанные листы, чтобы доказать свою правоту, выложенную неровными буквами на последних своих же страницах. – А то учебники опять перечеркнут нашу подлинную правду своими прописными истинами, устаревшими к сегодняшнему, нет, ко вчерашнему дню!

– Ничего себе *заявочки!* – возмутились учебники, выстраиваясь неровной, но прочной стеной на пути шелеста доказательных тетрадных страниц. – Мы на то и учебники, чтобы учить. А вы на то и тетради, чтобы учиться.

– Да ну! Кто это выдумал? За нами стоят учителя и ученики, а за вами – кто? Программы каждый год меняются, меняются авторы, а вслед за ними меняются и учебники. И только мы, тетради, сохраняем... первозданную чистоту мысли.

– Вот это да! Какой такой мысли? Собственных мыслей у вас как не было, так и нет, – возопили обескураженные учебники. – Все мысли – у нас. Мы – первоисточники, а вы – приложение, учебный полигон, так сказать.

– Можно сказать так, а можно и не так, – возразили ноты, оказавшиеся рядом в самом начале спора. – Конечно, мы не вполне осведомлены по поводу того, что у вас произошло вчера, но догадаться можно.

– Вот-вот! – подхватили нотные тетрадки. – И вчера, и постоянно... Не то, что у нас с нотами – полное взаимопонимание и дружелюбие.

Тут тетради и учебники принялись доказывать обратное, *якобы являясь свидетелями этому самому обратному*. В горячую полемику активно включались всё новые и новые оппоненты: карандаши, ручки, линейки, краски... И даже сам Пенал, главный страж порядка и поборник справедливости, был вынужден вмешаться в завязавшийся спор. Пенал бросил одобрительный взгляд в сторону Скрипки и Смычка, которые зарекомендовали себя лучше других предметов, принадлежащих Ученику, и молчаливо выражали недовольство общим шумом.

– Незачем зря наводить панику, – произнёс он. – Мы все вместе и по отдельности служим одному делу, а вернее, Человеку, Маленькому человеку, Ребёнку, *обеспечиваем его знаниями*, помогаем ему развиваться. С нашей помощью Ученик формируется и совершенствуется. Общество вправе ожидать от нас положительных результатов. Процесс обучения – длительный, сложный, интересный. – Пенал сердито посмотрел на Тетрадку по математике и Учебник по географии, постоянных и непримиримых противников в первостепенных вопросах учёбы. – Разносторонние знания никому и никогда ещё не помешали, нам в том числе. Призываю всех к сотрудничеству. Будьте любезны всеми силами *доводить* или *доносить* полезные знания до учеников. Да, можно считать: это – наша с вами цель. Иначе – зачем мы все существуем?

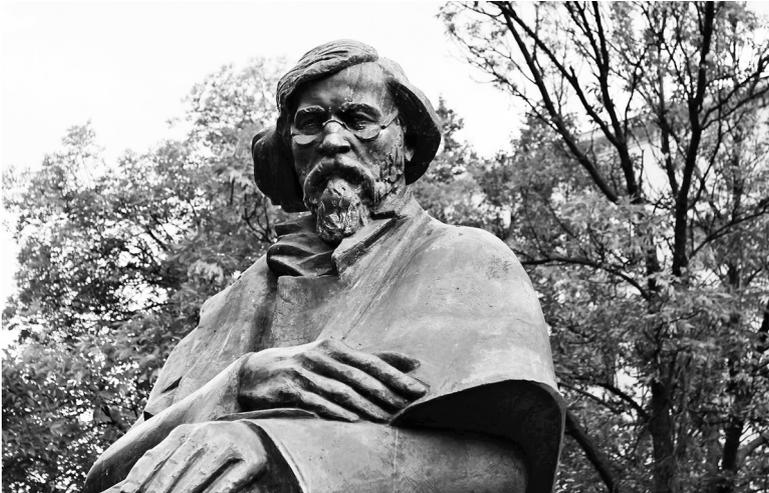
– Нам остаётся только одно: дружить, – тихонько пропел изящный Смычок, наглядно демонстрируя свою крепкую дружбу с элегантной Скрипкой. Учебники дружно засопели, переваривая сказанное. Дружба – дружбой, а где ж приоритеты?

– И не только взыскательно, но и бережно относиться друг к другу, – отвечала Смычку требовательная Скрипка. – От наших сражений толку мало, от нашей слаженности зависит всё.

– Да-да, – глухо прошелестели пристыженные тетради, ещё недавно принимавшие ложные истины наравне с прописными. – Поэтому нам остаётся только одно...

А невозмутимый и опытный по части «высоких истин» Портфель, прислушиваясь к поучительной беседе заинтересованных коллег, тоже решил высказаться:

– Прописные истины меняются от века к веку. Наука идёт вперёд, история переписывается заново, искусство развивается. Системы образования не отличаются совершенством, мечутся из стороны в сторону. И только портфели всё так же терпеливо несут бремя обучения знаниям в себе и на себе. Груз знаний всё возрастает. Да, и портфели видоизменяются, совершенствуются – и это замечательно. Что в них положат, то они и несут безропотно. Портфели покладисты и терпеливы. Портфели долговечны. Портфели не ссорятся никогда. Мне есть, чем гордиться!

**КРИТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Анастасия БОРИСКИНА

Анастасия Анатольевна Борискина – поэт, прозаик. Родилась и выросла в Москве. Кандидат педагогических наук, член Российского психологического общества, педагог-психолог, клинический психолог, придерживающаяся гуманистического подхода в психологии и использующая в своей практике основы психодрамы, арт-методики, песочную и сказко-терапию. Параллельно занимается творчеством, член МГО Союза писателей России, увлечена театральной педагогикой и иконописью, закончила мастерскую С.А. Титинкова, Ф.М. Попова «Режиссура и продюсирование кино и ТВ» (ВГИК). Победитель и лауреат Всероссийских и Международных конкурсов.

Живёт в Москве.

НЕПОБЕДИМЫЕ РУССКИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РУССКОГО СОЛДАТА

(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА
А. ФАДЕЕВА «РАЗГРОМ»)

*«Русских невозможно победить, мы убе-
дились в этом за сотни лет. Но русским мож-
но привить лживые ценности, и тогда они
победят сами себя».*

Отто фон Бисмарк

История России «имеет особую судьбу в истории чело-
вечества»* – пишет Сергей Перевезенцев, и продолжая рас-
суждать о судьбе России, отмечает, что самым глобальным во-
просом для русского человека является вопрос о смысле бытия.
Однако, Николай Константинович Гаврюшкин пишет, что «над
смыслом жизни в России начинают задумываться в процессе всё
усилившегося западного влияния»**. Для русского народа цель
существования заключалась в всматривании в Небо, поиске
воли Божией, жизни по Заповедям, добром делании, и в этом
делании человек человеку брат.

Гражданская война в России (1917–1922) – одно из страш-
ных событий в её истории; по мнению Сергея Перевезенцева,
«Даже ужасные разорения, которым русские земли подверглись
в пору монголо-татарского нашествия и в Смутное время, не

* Сергей Перевезенцев. Россия. Великая судьба. – М.: Белый город.
С. 6.

** Смысл жизни: Антология. / Сост., общ. ред., предисл. и прим. Н.К. Гав-
рюшина. – М.: Прогресс-культура, 1994. С. 9.

идут ни в какое сравнение с тем, что случилось с Россией в XX веке»*. После победы большевиков в революции 1917 года, был установлен новый режим, с которым многие оказались не согласны. Различные политические, социальные, этические группы одного народа вступали в вооружённые конфликты между собой, основные из них велись между Рабоче-Крестьянской Красной Армией (РАККА) и вооружёнными силами Белого движения. Цель этой работы – не показать чью-то позицию правильной, а чью-то нет:

*Все рядом лежат, –
Не развестъ межой.
Поглядеть: солдат!
Где свой, где чужой?
Белым был красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белым стал:
Смерть побелила.*

Марина Цветаева

Обманутый ложными ценностями русский народ, против которого велась информационная война, был разделён по сути на Красных и Белых, тогда, как основная несокрушимая ценность русского народа – это соборность, единение, стремление к идеалу, или счастью, где оно понималось не утилитарно, а как причастность к судьбе своей страны: «Жизнь человека, – отмечает Василий Розанов, – вся исходя из немногих элементарных влечений, возрастает мало-помалу в необъятную сложность истории»**. И не страшно ли, когда разделённые гражданской войной русские воевали против русских, брат против брата, сын

* Сергей Перевезенцев. Россия. Великая судьба. – М.: Белый город. С. 616.

** Смысл жизни: Антология. / Сост., общ. ред., предисл. и прим. Н.К. Гаврюшина. – М.: Прогресс-культура, 1994. С. 61.

против отца? В связи с этим на память приходит роман Александра Александровича Фадеева «Разгром», его современное осмысление.

Безусловно, авторская позиция Александра Фадеева на стороне Красного отряда, но сам роман показывает события Гражданской войны такими какими они были. Являясь её участником, входя в состав Коммунистического отряда красных партизан на Дальнем Востоке, Фадеев предельно искренен. В романе «Разгром» Красный отряд проигрывает, но история такова, что всё же в России побеждает Красное движение. И здесь, в этом романе, и в исторической реалии, мы видим непобедимых русских, непобедимых, благодаря особенностям своего характера, где есть место и трусости, и предательству, но скорее как исключению, нежели как закономерности.

Тема гражданской войны вдохновляла многих писателей, например, Михаила Шолохова («Тихий Дон»), Бориса Пастернака («Доктор Живаго»), Михаила Булгакова («Белая гвардия»). Героический опыт солдата, трагедия женских судеб, философский взгляд на происходящее – у каждого писателя были свои особенности раскрытия темы, но Александр Фадеев описывает Гражданскую войну в присущей ему манере; по его же словам, на войне «происходит отбор человеческого материала» (на самом деле – страшные слова, но именно это суждение ложится в основу романа «Разгром»).

Сделаем небольшое лирическое отступление и обратимся к современному фильму «Лучшие в аду», 2022 (реж. Андрей Щербинин). Фильм во многих вызывает замешательство, поскольку с той и с этой стороны показано мужество солдат. На что обращаешь внимание в этом фильме? Один боец поднимает икону, другой, из противоположного отряда, тоже, у одного бойца дед Берлин брал, и другого тоже, то есть по сути «война с самим собой», где единый некогда народ разделён, и враг у него один – интервенты, то есть те, кто вмешивается во внутренние дела одного государства, как и в гражданской войне, не поддерживая ни Красных, ни Белых, а преследуя свои эгоистические выгоды, как стервятники, слетающиеся поживиться русской кроушкой.

Александр Фадеев описывает реальное событие – разгром одного из партизанских отрядов, деля повествование условно на три части. Первая часть относительно спокойна. Здесь автор знакомит нас с главными действующими лицами. Командир отряда Левинсон – мудрый, спокойный руководитель. И здесь очень важно понимать, что солдат на войне не принадлежит себе. У Левинсона есть семья, но он с ней только переписывается.

Иван Морозов (Морозка) – потомственный шахтёр. Вначале отважный, но легкомысленный боец, однако, позже мы видим его трансформацию, видим, как герой меняется в лучшую сторону.

А вот Павел Мечик думает о себе, трусит, сбегает, чтобы больше не воевать.

И, наконец, сестра милосердия Варвара – жена Морозка. Личный конфликт между Мечиком и Морозкой происходит из-за их общей симпатии к Варваре. Этот образ неоднозначен. Кто-то видит в Варе грубую, безразличную, блудливую девицу. Но, думается, что Фадеев хотел показать, как присутствие женщины на войне может огрубить её, а может быть, женскую душу, и на войне, пытающуюся найти красивую любовь, но запутавшуюся в своих истинных чувствах.

Во второй части романа мы наблюдаем за бесконечными переходами отряда. Отсутствие батальных картин – особенность второй части, и это несмотря на то, что отряд находится в постоянных сражениях. Автор выделяет морально-нравственные проблемы солдата на войне, пытается философски осмыслить время и судьбу человека. Сами события воздействуют на каждого из участников. Во второй части писатель сосредоточен на внутреннем мире своих героев, их отношении к происходящему. Писателю важно показать переживания этих людей. Здесь уже определен психологический портрет каждого, здесь-то, в этой части и происходит «отбор человеческого материала», с развитием действия, как и в жизни, происходит усложнение человеческого характера, где выбор остается за каждым. Мы видим Морозка, как человека, готового каждому прийти на помощь, принести пользу людям, он не «добренький», каким

НЕПОБЕДИМЫЕ РУССКИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РУССКОГО СОЛДАТА

пытается быть Мечик, творя «добро» для себя, он добрый, а в настоящей доброте может заключаться и строгость, но с пользой для другого человека.

В третьей части изображен разгром отряда. Здесь разрешаются все конфликты. Момент истины наступает. Срываются все маски, Мечик предаёт своих товарищей, из-за этого предательства погибает Морозка.

Психологический портрет русского воина можно определить русской народной пословицей «сам погибай, а товарища выручай». Морозка ставит свою жизнь выше жизни своих товарищей, и здесь схожесть солдат Красной и Белой армии, поскольку это сыны одной Родины-матери.

Для Александра Фадеева такие люди, как Морозка, крайне необходимы на войне. В этом главный посыл романа, он не о Красных и Белых, он о поступке человека. Когда страшно. Очень страшно, вероятно, нигде так не страшно, как на войне, но гибель героя помогает сохранить боевой дух товарищей, формируя сильные личности. Несмотря на то, что страшно, приходится прежде всего побеждать самого себя, совершая боевой подвиг. Таков основной психологический портрет русского солдата, для которого дорого боевое братство, и это передается через поколение солдат, делая русский народ непобедимым.

